

ПИОНЕР 4

АПРЕЛЬ ● 1979 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В ЭТОТ ПАМЯТНЫЙ МАЙСКИЙ ДЕНЬ

РАССКАЗ

Рисунки С. ТРОФИМОВА

Первое мая 1920 года. Утро обещает жаркий день. Уже загустели деревья в Тайнинском саду. На спуске к Москве-реке проклюнулись острые, туго закрученные почки на тополях и кустах сирени. Солнце высветило алый флаг, реявший над Большим Кремлевским дворцом.

Владимир Ильич спозаранку в своем рабочем кабинете. Просматривает телеграммы, срочные донесения.

...Белополяки, предательски сорвав мирные переговоры, вот уже шестой день развивают наступление на Украину. Киев под угрозой... Барон Врангель собирает в Крыму остатки разбитых денкинских войск, нацеливается на Северную Таврию, на Донбасс... По всей стране идет новая мобилизация коммунистов и комсомольцев на фронт... Москва на голодном пайке — осьмушка хлеба на день...

Владимир Ильич постукивает тупым концом карандаша о стол. Глубокие морщины собрались на лбу. Он встал, подошел к карте России, висевшей в простенке между окнами. На ней словно отразилось звездное небо: вся исколота булавами, которые еще в прошлом году отмечали линии фронтов. Сейчас большая часть страны очищена от врагов, и нет у них уже силы, чтобы сокрушить Советскую республику. Дело идет к окончательной победе. Постепенно восстанавливаются, вступают в строй фабрики и заводы. Полным ходом разрабатывается великий план электрификации страны.

Закончив со срочной почтой, на каждом листке которой Владимир Ильич кратко и четко определил, что надо делать, он раскрыл папку с рукописью «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Надо торопиться с изданием этой работы. Через два с половиной месяца в Москве соберутся коммунисты из многих стран на 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Необходимо обобщить опыт рус-

ских большевиков и международного рабочего движения, чтобы вооружить коммунистические партии мира для борьбы в новых условиях, избежать старых ошибок...

В открытое окно донесся мелодичный перезвон курантов Спасской башни, напомнил, что пора идти на субботник.

И вот Владимир Ильич на Драгунском плацу Кремля. В старом пиджаке, в заношенных зеленых альпийских брюках, на голове — сплюснутая фуражка с облупившимся козырьком.

Плац, как и весь Кремлевский двор, завален бревнами, досками, балками, почерневшими от времени, ящиками от патронов — остатками баррикад со времени Октябрьских боев 1917 года.

Откуда-то доносятся звуки оркестра. Раздается такое знакомое с детства, волжское: «Эй, ухнем! Еще раз! Еще раз! Взяли!» Молодые курсанты московских пулеметных курсов работают с огоньком, с задором, слышатся шутки. И Владимира Ильича охватывает радостное ощущение этого коллективного труда. Он включается в «артель» комиссара пулеметных курсов Борисова.

Восемь человек прилаживаются к толстому, длинному бревну.

— Может, не стоит вам, Владимир Ильич, — замечает тихо Борисов.

— Я ведь тоже житель Кремля, меня это тоже касается, — решительно отвечает Владимир Ильич и вместе с другими поднимает тяжелое бревно.

— Отставить! — раздается команда Борисова. Он увидел, что Владимиру Ильичу придется нести бревно на левом плече, а у него около сердца сидят две вражеские пули. Комиссар тоном, не допускающим возражений, предложил Владимиру Ильичу перейти на другую сторону, чтобы нести бревно на правом плече...

Трудовой азарт царит не только на Кремлев-

*Владимир Ильич
спозаранку
в своем рабочем кабинете.
Просматривает телеграммы,
срочные донесения.*

ском дворе. Он охватил всю Москву, города всей России. В одной только столице в этот день трудилось почти полмиллиона человек.

Владимир Ильич работал, как и все, а рядом с ним, стараясь не отставать от взрослых, усердствовал 11-летний Володя Стеклов, сынишка товарища по партии, по эмиграции.

Весело скрежещет метла по торцам. Володя подметает мусор и внимательно следит, не блеснет ли гильза от стреляного патрона. Карманы у него уже отяжелели. Иногда он скашивает глаза на Владимира Ильича — заметил ли он, какую большую кучу мусора собрал Володя. Но Владимир Ильич увлеченно расчищает отведенный ему участок.

Подъехал грузовик. Володя, смахивая ладонью капельки пота с лица, по-хозяйски смотрел, как красноармейцы лопатами побросали собранный им мусор в кузов машины. Ого сколько! Полмашины! Не меньше, чем у Владимира Ильича.

Субботник окончен.

Кремлевский двор преобразился. По-праздничному блестят аспидные квадраты торцов.

— Ты хорошо потрудился, — положил Владимир Ильич руку на плечо своего маленького тезки. — А гильзы тебе зачем?

Щеки у Володи зарделись еще ярче: ничто, оказывается, не ускользнуло от зорких глаз Ильича.

— Это трофеи. Раздам ребятам в школе — хорошие вставочки для карандашей.

— А ну-ка, высыпай сюда свои трофеи, — показал Владимир Ильич на фанерную лопату, — проверим, нет ли там боевых патронов, а то начнете ковыряться, наделаете беды.

Он присел на корточки и внимательно перебрал гильзы, которые Володя извлек из карманов. Отобрал несколько штук нестреляных патронов.

— Тысяча жизней, — как бы взвешивая на руке патроны, сказал Владимир Ильич.

Володя поднял на него вопрошающие глаза.

— Тысячу жизней отдали московские рабо-

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

АПРЕЛЬ 4

Москва 1979 г.
Издательство «Правда»

чие, чтобы завоевать власть Советов в Москве. А сколько жизней отдано, чтобы не пустить врага к столице в прошлом году!.. Вот эти еще не успели отнять жизни, — сказал он, перекаывая с руки на руку патроны с матовыми выпуклыми жалами пуль. — Вставить бы во все гильзы вместо пуль карандаши! А? — Владимир Ильич внимательно посмотрел на Володю, на его румяные, перемазанные копотью, щеки. — Ну, что ж, беги домой, переоденься, не забудь вымыть лицо и руки. Пойдем закладывать памятник Карлу Марксу. Напомни, кстати, об этом Юрию Михайловичу. Я его что-то не видел.

— Папа работал в другой артели, что за Царь-пушкой, — сказал Володя и побежал.

— Жди меня у Владимирских ворот! — крикнул ему вдогонку Владимир Ильич и сам направился домой.

Вскоре он вышел в черном костюме, в белой рубашке, галстук в косую белую полоску, в петлице — как цветок гвоздики — алый бант. На голове неизменная кепка, чуть оттянутая назад. Его догнали Феликс Эдмундович Дзержинский и Николай Ильич Подвойский. У обоих тоже были первомайские красные банты на груди. Володя бежал со всех ног, шлепая сандалиями по булыжнику и на ходу торопливо что-то дожевывая.

*Владимира Ильича
догнали
Феликс Эдмундович Дзержинский
и Николай Ильич Подвойский.
Володя бежал впереди.*

— А где же папа? — спросил Владимир Ильич.

— Он дописывает «стекловицу» и придет на площадь.

Феликс Эдмундович рассмеялся.

— Стало быть, редактор «Известий», товарищ Стеклов дописывает передовицу. Надо ж, как прилипло к нему это, — шутливо заметил он.

На театральной площади у Большого театра работали комсомольцы Басманного района, очищали ее от многолетнего мусора, подстригали кустарники, заделывали выбоины на мостовой, красили заборы.

— Ребята, Ильич идет! — крикнул кто-то, и с громогласным «ура-а-а!» комсомольцы устремились навстречу Владимиру Ильичу, окружили его, радостные, возбужденные весенним воздухом, солнцем.

— Поздравляем вас, товарищи комсомольцы, с праздником Первого мая, с праздником Труда! — обратился к ним Владимир Ильич.

— Спасибо! Вас тоже поздравляем с праздником! — отвечала молодежь.

К Владимиру Ильичу протиснулся юноша. В руках у него было пустое ведро из-под зеленой краски, в котором гроыхала деревяшкой кисть. И весь он был обрызган зеленой краской, словно сама весна постаралась над ним.

— Очень просим вас, Владимир Ильич, прийти к нам сегодня в Рабочий дом в Большом Харитоньевском переулке. Митинг у нас назначен в пять часов.

— Увы, — развел руками Ленин. — У меня весь день уже расписан. Но обещаю побывать в самое ближайшее время. — И он направился к площадке, где закладывали памятник Карлу Марксу.

Молодо и вдохновенно звучала речь Ильича над затихшей площадью.

«...Я уверен, — говорил он, — что памятник, закладываемый нами великому учителю, послужит призывом к тому, чтобы все ваше внимание было обращено на необходимость долго трудиться, чтобы создать то общество, при котором не будет места эксплуатации».

Под восторженные аплодисменты Владимир Ильич написал стальным «карандашом» на латунной пластинке: «Председатель Совнаркома Вл. Ульянов (Ленин)». Опустил ее на дно квадратного углубления, присыпал землей. Кто-то пододвинул ведро с цементом, подал мастерок.

— А ну-ка, иди, помогай, — позвал он Володю Стеклова, — будешь подмастерьем. Подавай кирпичи!

Владимир Ильич поддел мастерком раствор, смазал кирпич, уложил его в углубление, постучал ручкой мастерка, чтобы плотнее лег, а Володя протягивает ему уже следующий, счастливый от такого ответственного поручения и красный от смущения.

Тринадцать кирпичей заложил Владимир Ильич в основание памятника. Отошел на два шага, прищурил глаза, проверил работу, еще

раз прошелся мастерком по кирпичам, вытужил цемент. А потом стоял и, побледнев от волнения, наблюдал, как под звуки Интернационала на фундамент воздвигли большой серый островежий кусок гранита с надписью:

«Первый камень памятника
Великому вождю и учителю
Всемирного пролетариата —
Карлу Марксу»

Церемония закладки памятника закончилась.

По команде люди выстраивались в колонны первомайской демонстрации и с лопатами, кирками на плечах, орудиями мирного труда, пошли по притихшему в этот час Охотному ряду. Приземистые лавки охотнорядцев были закрыты, и только кое-где из окон выглядывали настороженные, недобрые глаза. Мимо здания Манежа демонстрация проследовала на Пречистенскую набережную, а Владимир Ильич, взяв Володю за руку, зашел в Александровский сад, подошел к обелиску, на котором высечены имена революционных деятелей мира, снял кепку, склонил голову. И Володя сорвал с головы картуз и тоже склонил голову.

К трем часам Пречистенская площадь заполнилась народом. Рабочие Даниловской мануфактуры, Остроумовской фабрики, Замоскворецкой электростанции пришли сюда с субботника, все в хорошем настроении. Мальчишки устроились на заборах, деревьях.

Владимир Ильич осмотрел веселыми глазами людей, легко взбежал по ступеням на трибуну, поздравил собравшихся с праздником и, указав на постамент, с которого в первые дни революции был низвергнут памятник царю Александру III, сказал:

«На этом месте прежде стоял памятник царю, а теперь мы совершаем здесь закладку памятника Освобожденному труду».

Шумное одобрение, крики «ура» долго не давали ему возможности продолжать речь, а его веселые, искрящиеся глаза, призывно раскинутые руки делали его таким близким, родным и обаятельным. Люди плотнее сдвинулись к трибуне, и этот дружеский контакт еще больше воодушевил его.

«Мы знаем, что нелегко как следует организовать свободный труд и работать в условиях переживаемого тяжелого времени. Сегодняшний субботник является первым шагом на этом пути, но, так идя далее, мы создадим действительно свободный труд».

Вокруг стоял веселый гул. Люди не хотели расходиться, не пускали Ильича с трибуны, и он, взмахнув кепкой, как дирижерской палочкой, запел:

«Над миром знамя труда реет...»

Площадь с энтузиазмом подхватила песню. Те, кто не знал ее слов, подтягивали мотив. Пели увлеченно, утверждая невиданную на земле общность людей, радость созидательного, освобожденного труда.

Володя, примостившись на ступеньке возле трибуны, запрокинув голову, пел, смотрел восхищенными глазами на Владимира Ильича. Встречались они на Кремлевском дворе почти каждый день, но никогда он не видел Владимира Ильича таким веселым и никогда не слышал, чтобы он пел. Сейчас Владимир Ильич не просто пел, а был запевалой и дирижером.

А потом Владимир Ильич надвинул на лоб кепку, взял в руки мастерок и уже уверенно вцементировал первый камень в основание памятника Освобожденному труду.

Но как будет воплощен образ Освобожденного труда, какими средствами изобразят скульпторы, художники, архитекторы вдохновенный труд советского человека? И, словно угадав его мысли, Анатолий Васильевич Луначарский пригласил Ленина в Музей изящных искусств, который размещался напротив. Там были выставлены проекты будущего памятника.

Владимир Ильич поискал глазами Володю и позвал с собой.

В угловом зале музея на первом этаже на стенах были развешаны эскизы. Большинство их изображало какие-то непонятные геометрические фигуры — кубы, пирамиды, конусы. Владимир Ильич очень внимательно рассматривал каждый эскиз.

— Ты что-нибудь понимаешь? — шепнул он на ухо Володе.

— Нет, — простодушно ответил мальчик.

— Я тоже, — признался Владимир Ильич.

Анатолий Васильевич по поскучневшим глазам Владимира Ильича увидел, что не понравилась ему эти футуристические изощрения.

Владимир Ильич ничего не сказал.

Проходя через итальянский зал, он остановился перед белой мраморной скульптурой Купидона. Озорной малыш упругими ногами играл сердцем, как мячиком. Белое мраморное сердце казалось живым, пульсирующим, ускользающим из-под шаловливых детских ног. Володя засмотрелся на эту фигурку, засмеялся и сделал какое-то движение ногой, словно тоже хотел поиграть с этим сердцем. Владимир Ильич произнес характерное «гм», выражающее одобрение, и быстро направился к выходу.

— Иди домой с Анатолием Васильевичем, а мне еще нужно поехать в несколько мест, — сказал он Володе.

Сел в машину. Помолчал, потом, словно удивившись чему-то, произнес: «Мраморное, а осталось в памяти живым, упругим и теплым». Шофер обернулся и спросил:

— Куда, куда вы сказали?

— Поехали на Прохоровскую мануфактуру.

Прохоровская мануфактура, или Трехгорка, как ее звали в народе, из-за нехватки топлива и рабочих бездействовала уже больше года. Из семи тысяч рабочих на ней осталось не более трех тысяч. Остальные ушли на фронт, разъехались по деревням. Судьба друзей-трехгорцев волновала Владимира Ильича, и он решил с ними поговорить, посоветоваться.

В Трехгорном переулке Владимир Ильич вы-

шел из машины и направился к «Большой кухне», которая была и рабочей столовой и клубом одновременно. Из открытых окон плыл острый запах кислых щей, слышалось звяканье посуды. На бревне, что лежало у стены кухни, сидел старик и курил самокрутку. Увидев Владимира Ильича, поклонился ему, назвал по имени и отчеству и засеменил плохо слушающимися ногами к крыльцу. Владимир Ильич остановил его:

— Не говорите, что я приехал. Давайте посидим и подождем, пока люди пообедают. Как поработали сегодня?

— Всласть поработали, Владимир Ильич. Все вычистили, вымыли. Народу пришло видимо-невидимо. Да что толку, молчат машины-то, в цехах тишина, как в могиле.

— Знаю, знаю. Затем и приехал.

Кончился обед. Рабочие уже узнали о приезде Ильича, быстро убрали столы, сердечно приветствовали дорогого гостя.

И состоялся дружеский, душевный разговор. Не было трибуны, не произносились речи. Владимиру Ильичу задавали вопросы, — он отвечал со всей суровой прямоотой и откровенностью. Трудно. И еще долго будет трудно. И сам спрашивал, что нужно для того, чтобы возродить фабрику. На складах есть хлопок. Машины все приведены в порядок, а вот хлебушка нет. И рабочие заняты тем, что меняют одежку на пропитание.

Владимир Ильич обратил внимание на женщину, которая сидела, обхватив рукой худенькую девочку, и, видно, ждала второго ребенка.

— И вы работали на субботнике? — спросил он.

— А как же! Я ткачиха. Станочек свой сегодня обряжала. Он теперь в любую минуту зашуметь готов.

— Ну, с такими людьми мы горы свернем и хозяйство быстро наладим, — горячо сказал Ильич.

И на этом высоком совете решили, что медлить нельзя, что нужно самим отремонтировать несколько вагонов, отправить делегации рабочих в хлебные районы за продовольствием, обеспечить людей хлебом, прежде всего — детей. Разыскать на складах хлопок. «Надо обязательно помочь товарищам», — сказал он секретарю Московского Комитета партии товарищу Мясникову, который тоже приехал к трехгорцам.

Через четыре месяца после этого совещания Трехгорка выдала уже первые тысячи аршин яркого пахучего ситца.

...Владимир Ильич глянул на часы.

— А мы успеем побывать в Рабочем доме на Большом Харитоньевском, — сказал он Мясникову. — Правда, нас с вами там не ждут. Тем лучше.

В Рабочем доме битком набито народу. Говор, шум. Ожидали начала митинга. На сцене стол, покрытый красным кумачом, вокруг стулья, а президиума нет.

— Аудитория налицо, — сказал Владимир Ильич, — а вот районных руководителей не видно. Ну, что ж, Александр Федорович, займите

*Судьба друзей-треггорцев
волновала Владимира Ильича,
и он решил с ними поговорить, посоветоваться.*

председательское место, предоставьте мне слово.

Протиснулись сквозь толпу к сцене.

— Митинг, посвященный первомайскому празднику и коммунистическому субботнику, разрешите считать открытым, — объявил Мясников, которого многие рабочие знали, и, подождав, пока умолкнут аплодисменты, особенно торжественно и четко произнес: — Оратором сегодня у нас товарищ Ленин!

Аудитория ахнула. На какие-то секунды воцарилось молчание, а когда Владимир Ильич поднялся на сцену, в зале вспыхнула такая овация, что, казалось, не выдержат стены.

Владимир Ильич рассказал о положении на фронтах, говорил о великом значении коммунистических субботников и особенно проникновенно рассказал о великих планах мирного строительства, мечтал вслух, зарядил своей верой каждое сердце.

И так же стремительно, как появился, сошел со сцены. Толпа расступилась.

«Спасибо, Владимир Ильич, за такой праздник. Будьте здоровы. Спасибочко вам рабочее», — слышалось со всех сторон.

«Спасибо вам от комсомолии. — Владимир Ильич узнал юношу: зеленые пятна краски еще не смылись с лица и рук, хотя он успел переодеться.

— Теперь — в Замоскворецкий район, в бывший Коммерческий институт.

Огромный вестибюль и обширная галерея наверху не могли вместить всех желающих послушать Ленина. Здесь его ждали.

Долго не отпускали замоскворецкие рабочие Владимира Ильича, а он еще обещал побывать на открытии Рабочего дворца в Благуше-Лефортовском районе. Пришлось показать на часы.

На Николаевской улице стоит этот двухэтажный дом, похожий на теремок со шпилями и башенками. А был это полуразрушенный барский особняк, без окон и дверей, даже водопроводные трубы были растащены и печи развалены. И вот рабочие решили безвозмездно в свободное от работы время отремонтировать этот дом и превратить его в свой клуб. Привели в порядок сад, расчистили площадку, соорудили летнюю сцену. Владимир Ильич увидел этот дом обновленным, сияющим промытыми стеклами, свежeweкрасшенными стенами. И внутри дом сверкал чистотой. Были восстановлены водопровод, отопление, электрическое освещение. Не только в доме, но и в саду было запрещено грызть семечки. И соорудили рабочие этот дворец в память руководителя московских большевиков, секретаря Московского Комитета партии Владимира Михайловича Загорского, убитого в прошлом, 1919 году бомбой, брошенной контрреволюционерами на заседании МК партии.

Рабочие собрались в саду. Пригласили дорогого гостя на сцену. Владимир Ильич с особым волнением говорил о своем товарище — большевике Загорском и сердечно одобрил замечательную задумку, осуществленную рабочими, — создать ему памятник — Рабочий дворец.

Во время речи к трибуне подошла молодая женщина в красном платочке и поставила перед Владимиром Ильичем стакан бурого чая и блюдечко с ломтиком хлеба, намазанным не то повидлом, не то коричневой патокой. У Владимира Ильича перехватило горло: женщина отдала ему свою осьмушку хлеба и повидло из пайка ребенка. Тихо и сердечно он сказал: «Спасибо!» Затем вырвал чистый листок бумаги из блокнота и прикрыл им блюдечко, а чай выпил. И морковный густой чай показался ему восхитительным, освежающим напитком в этот жаркий день.

В Кремль возвратился, когда солнце уже село.

Надежда Константиновна и Мария Ильинична были дома. Ждали его с обедом. Делились своими впечатлениями о субботнике, с которого тоже недавно вернулись. Настроение за столом

было праздничное. Владимир Ильич был особенно оживлен и весел.

Подождав, пока брат закончит обед, Мария Ильинична, тяжело вздохнув, сказала:

— Звонил Стеклов, просил тебя написать статью в завтрашний номер специальной однодневной газеты «Первомайский субботник».

— Отличная мысль. Что же ты раньше не сказала, — упрекнул Владимир Ильич сестру, — а я сижу и прохлаждаюсь за обедом, как будто у меня больше и дел нет. Сейчас же напишу.

Прошел в кабинет. Пошагал. Пошептал что-то и сел за стол.

Обмакнул перо в чернильницу и на листе бумаги вверху крупно написал: «ОТ ПЕРВОГО СУББОТНИКА НА МОСКОВСКО-КАЗАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ КО ВСЕРОССИЙСКОМУ СУББОТНИКУ-МАЕВКЕ».

Перо легко бегало по бумаге. Остановилось. Владимир Ильич положил ручку. Снова зашагал по кабинету, подумал, пошептал и продолжал писать:

«...Будем строить новое общество!»

Он не слышал стука, не заметил, как приоткрылась дверь и вошел Володя Стеклов. Мальчик остановился у книжного шкафа и, боясь шевельнуться, наблюдал, как быстро-быстро пересекают строчки лист бумаги, как напряглись жилки на висках Владимира Ильича. Он был приучен к тому, что, когда отец пишет, все в доме затихает. Никто и ничто не должно мешать ему. Володя застыл. Но вот мучительно запершило в горле. Он судорожно глотал слюну, но не выдержал и кашлянул.

Владимир Ильич оглянулся.

— А, это ты, тезка? Папа за статьей прислал? Заканчиваю. Сядь, подожди.

«...Мы придем к победе коммунистического труда!» — дописал он последние строчки. Взял с письменного прибора тяжелое пресс-папье, приложил несколько раз к бумаге, пробежал глазами написанное, сложил бумагу пополам и протянул Володе.

— Ишь, как ты загорел сегодня, только лоб белый от козырька. Устал, небось?

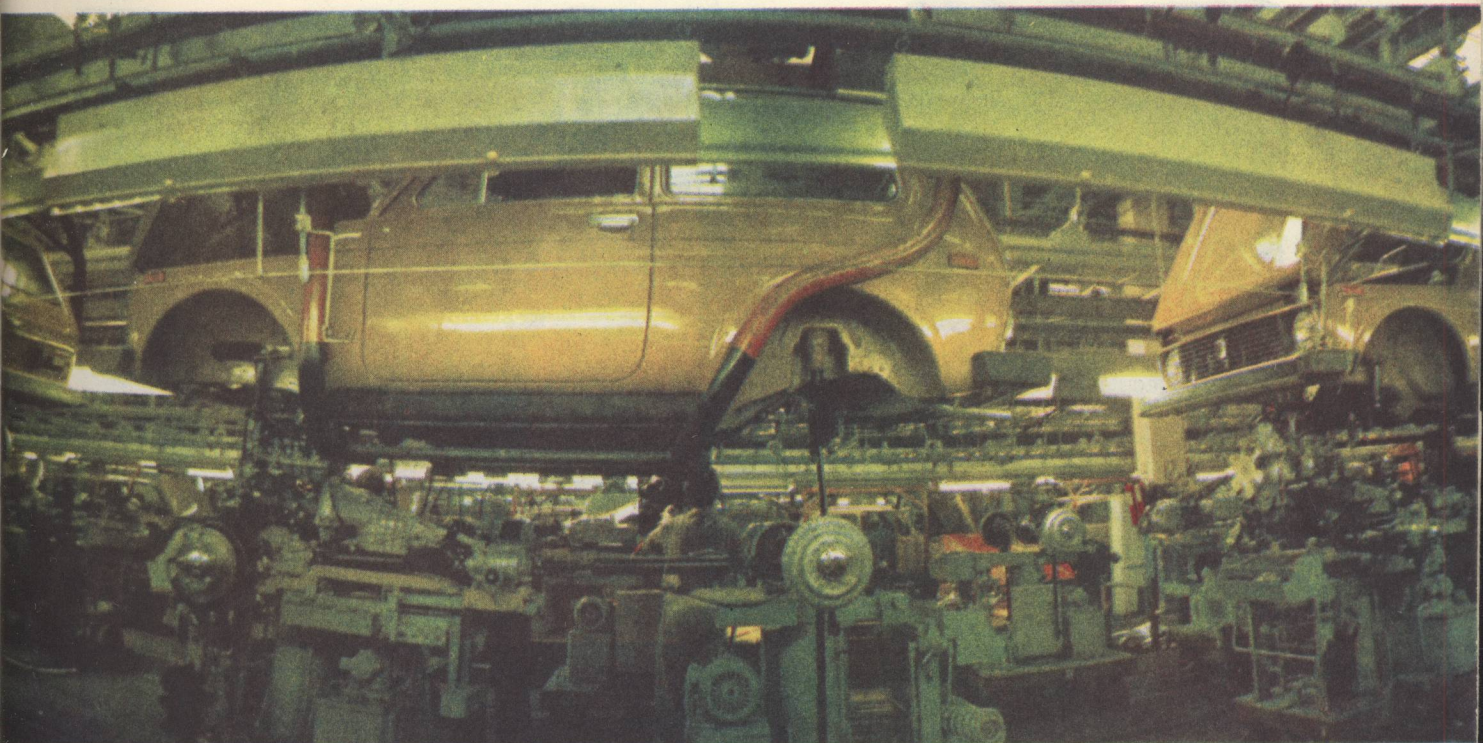
— Нет, — пылко ответил Володя, — я бы каждый день работал на субботнике в одной артели с вами.

— Ну-ну, — погладил Владимир Ильич мальчика по голове, — субботник — это праздничный труд, а вот надо, чтобы не было праздничных дней в году. Надо учиться с таким же старанием, с каким ты сегодня работал на субботнике.

— Постараюсь, — ответил Володя и, попрощавшись, побежал домой.

Владимир Ильич прислушивался, как шлепают сандалии мальчика по коридору. Подошел к раскрытому окну. Прохладный ветер врывается в окно вместе с терпким запахом распустившихся тополей. Вызвездило небо. Часы на Спасской башне начали отбивать полночь.

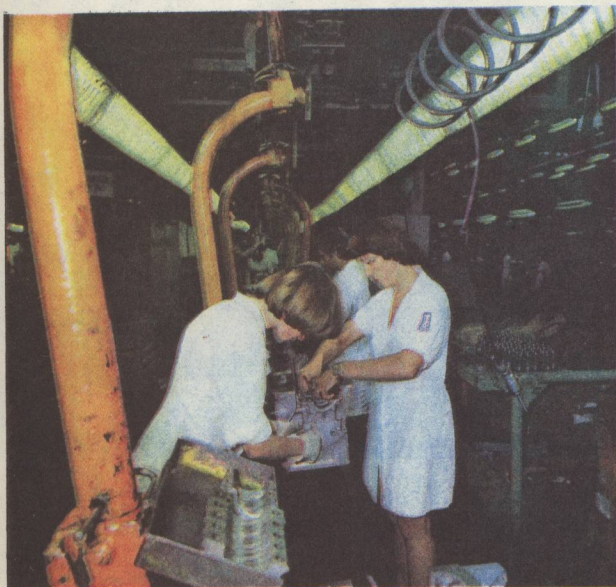
Здесь рождаются «Жигули»

Эти снимки сделаны на ВАЗе — родине «Жигулей».

ВАЗ — Волжский автомобильный завод. Мы говорим: это очень современное предприятие.

А почему? Что определяет эту современность?

Вот «жигуленок». До чего он красив, изящен. Его габариты (длина, ширина, высота),

как у многих других легковушек. Но при этом салон каким-то чудом шире и длиннее — просторнее. А каким это «каким-то чудом»? Точным инженерным расчетом!

Мотор машины не очень могуч, но она быстроходнее многих более мощных машин. И удивительно легка в управлении. В чем дело? В той эlegantности и выдумке, с которой решена конструкция каждого узла автомобиля.

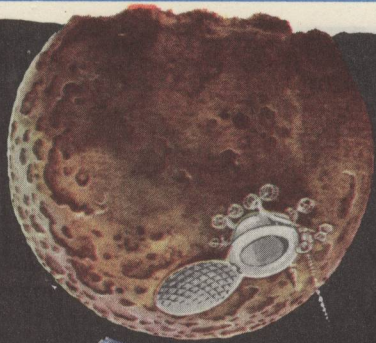
Конструкция должна быть прочной и в то же время легкой, и в то же время изготовлена должна быть быстро. За счет чего добиваются этого вазовцы? Прежде всего за счет того, что автомобиль рождается на высокоавтоматизированном предприятии.

АСУ — автоматическая система управления — зорко следит за слаженной работой всех цехов. На главный сборочный конвейер в нужное место и в нужное время, секунда в секунду, приходят двигатель, шасси, сиденья. Кузов, передвигаясь по конвейеру, быстро «одевается». Рабочие навешивают двери, устанавливают стекла. Проходит совсем немного времени — и из ворот сборного цеха выезжает готовый «жигуленок». И сразу следом за ним — следующий. **Каждые семнадцать секунд — новый автомобиль.**

Ты, конечно, понимаешь, что за семнадцать секунд автомобиль сделать невозможно. Просто на ВАЗе одновременно делают тысячи машин. И каждые 17 секунд рождается один автомобиль.

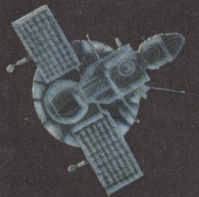
А работают на автоматических линиях ВАЗа рабочие высокой квалификации — настоящие мастера своего дела.

С. ИВАНОВ

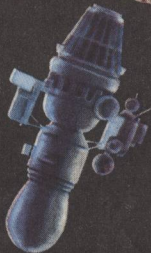

Луноход

Станция «Венера-4»

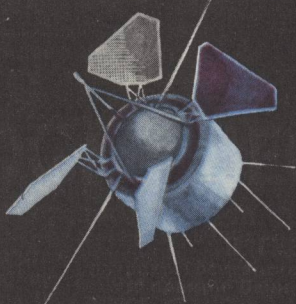

Станция «Марс-1»

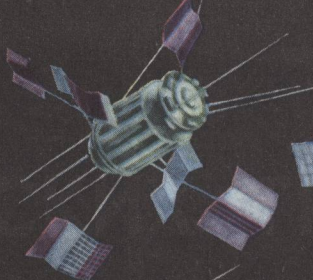

Станция «Луна-9»

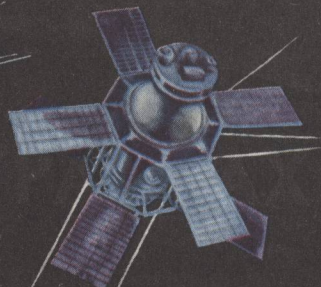
«Протон»

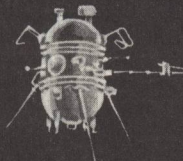
«Электрон»

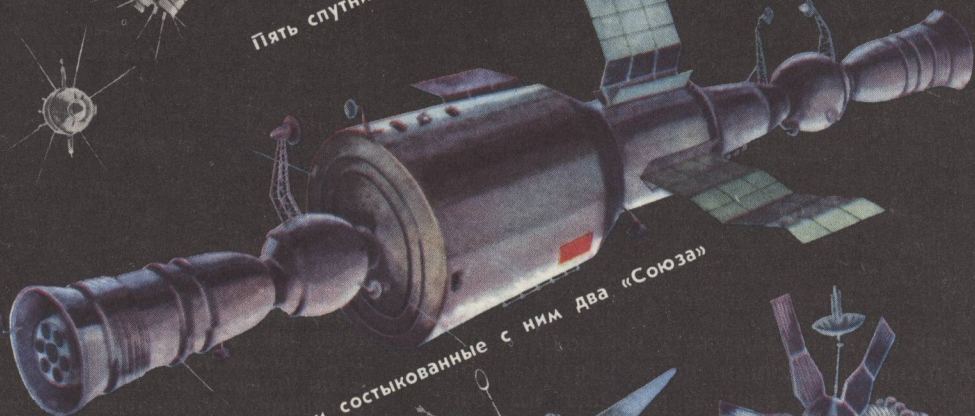
«Интеркосмос»

Вертикальный
космический зонд

Пять спутников серии «Космос»

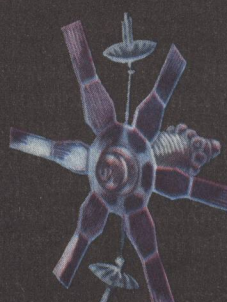
«Салют-6» и состыкованные с ним два «Союза»

Ракета «Вертикаль»

«Прогноз»

«Молния»

«Метеор»

НА КОСМИЧЕСКИХ ТРАССАХ

В. ГУБАРЕВ,
лауреат Государственной премии СССР
и премии Ленинского комсомола

Космические трассы... Множество их пролегло сейчас вокруг Земли. Многочисленные спутники и станции путешествуют по этим когда-то фантастическим, а сейчас привычным трассам. Взгляни на этот рисунок.

Повседневную вахту несут «космосы», «метеоры», «молнии», «экраны», «протоны». Мы так привыкли к их работе, что порой не замечаем, что разговариваем с Владивостоком из Москвы при помощи спутников. Каждый прогноз погоды, хороший или плохой, это уже не вина спутников, помогают составлять «небесные метеорологи». Спутники связаны с Землей невидимыми, но прочными радиомостами. Сотни людей от Бреста до Камчатки на многочисленных станциях слежения и пунктах связи наблюдают за тем, чтобы связь эта не оборвалась.

Профессия у спутников самые различные: есть метеорологи, есть связисты, есть картографы. Работают они в космосе, но интересуют их земные дела, и со временем все больше они будут участвовать в решении этих дел. Это о них сказано в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы», утвержденных XXV съездом КПСС: «...расширить исследования по применению космических средств при изучении природных ресурсов Земли, в метеорологии, океанологии, навигации, связи и для других нужд народного хозяйства».

Другая группа космических аппаратов, которые ты видишь на рисунке, — аппараты, исследователи Вселенной.

Ученые изучают Солнце, звезды, галактики. Но развитию астрономии очень мешало то, что атмосфера нашей планеты задерживает или искажает голоса далеких миров — световые и радиоизлучения. А обсерватории в космосе, вынесенные за пределы земной атмосферы, помогают астрономам лучше представить, как живет Вселенная...

Межпланетные станции, такие, как «Венера», работают в атмосфере и на поверхности соседней с Землей планеты и рассказывают о том, чего не увидишь за облачным покровом Венеры. С Земли проникнуть в глубь мощной атмосферы этой загадочной планеты невозможно. Без космических разведчиков не обойтись...

И, наконец, ты видишь на рисунке пилотируемые корабли, на борту которых работают советские и международные космические экипажи. На «Салюте-6», например, установлены телескоп и фотоаппарат МКФ-6М, созданные учеными и специалистами СССР и ГДР. Сложнейшие приборы помогают изучать природные богатства нашей планеты.

Всего двадцать два года прошло с запуска первого искусственного спутника Земли, восемнадцать — со дня старта Юрия Гагарина, но за этот короткий срок советская космонавтика сделала гигантский шаг вперед. Ни одна отрасль науки и техники, пожалуй, не развивалась так быстро, как наука о космосе. У нее великое будущее!

На анкету журнала «Пионер» отвечает Начальник Главного Штаба Союза польских харцеров Ежи ВОЙЦЕХОВСКИЙ.

Центр здоровья ребенка

Международный год ребенка — это очень важное событие для всех людей на Земле. И прежде всего для вас, ребята.

Нам, старшему поколению социалистических стран, думаю, не придется краснеть перед своими детьми. Для юного поколения у нас сделано и делается много, и будет сделано еще больше. А вот империалистам нелегко ответить, почему так много ребят в странах капитала не учатся в школах, не едят досыта, работают с малых лет.

Союз польских харцеров, объединяющий 3 миллиона 200 тысяч ребят, считает, что в этом году харцеры должны работать еще лучше: помогать старшим, друг другу и своим сверстникам за рубежом.

Десять лет назад в нашей стране началось строительство госпиталя-памятника, посвященного детям — жертвам минувшей войны. В Европе от голода, скитаний, болезней, за оградой колючей проволоки погибло тринадцать миллионов детей. Из них два миллиона польских ребятшек. Госпиталь называется **ЦЕНТР ЗДОРОВЬЯ РЕБЕНКА**.

Строить госпиталь помогают харцеры. Ребята собирают макулатуру, металлолом, помогают в работе старшим, устраивают лотереи, выставки, продают специальные значки и марки и заработанные деньги передают в фонд строительства.

Уже готов главный клинический корпус больницы. Недавно он принял первых пациентов.

Харцерские разведчики всегда в поиске, ничто не ускользает от их зоркого взгляда. Вот, например, разведка обнаружила, что не во всех деревнях и новых городских кварталах есть детские спортивные и игровые площадки, ребятам приходится играть на улице. Никуда это не годится, решили харцеры. И занялись строительством. Хорошее дело задумали ребята. Конечно, им помогают взрослые строители. Но важно, что инициатива принадлежит харцерам.

У юных поляков много друзей за границей. Знакомьтесь с ребятами других стран и дружить помогают харцерские клубы дружбы. Там бывают интересные олимпиады, ребята делают знаниями о современном мире. В клубах харцеры проводят митинги и акции солидарности с народами, борющимися за свободу и независимость, переписываются со своими зарубежными сверстниками. Вместе со всеми детьми планеты они выражают гневный протест против агрессии Пекина во Вьетнаме. Очень много писем приходит в клубы от вас, советские пионеры. Польские харцеры рады этим письмам, гордятся дружбой с вами.

Герман Степанович Титов на городском слете пионеров в Москве.

КТО ИЗ ГЕРОЕВ-КОСМОНАВТОВ В ДЕТСТВЕ БЫЛ КОМАНДИРОМ ТИМУРОВСКОЙ КОМАНДЫ? — таким был восьмой вопрос викторины «Боевого листка». Сегодня мы публикуем ответы ребят на этот вопрос.

Всем хочется получить автограф героя-космонавта Владимира Александровича Шаталова.

ПРИГЛАШАЕМ КОСМОНАВТОВ НА СЛЕТ

«Владимир Александрович Шаталов в дни Великой Отечественной войны жил в Ленинграде. Он организовал из ребят своего двора отряд, чтобы помогать взрослым. Они собирали бутылки для горючей жидкости, рыли окопы, делали все, что попросят». (Тимуровцы, школа № 69, г. Горький.)

«Герман Степанович Титов родился в селе Верхнее Жилино Косихинского района. В этом же селе он в детстве был командиром тимуровской команды. Тимуровцы помогали людям, чьи дети ушли на фронт, делали много хороших дел». (Марина Мотьина, ст. Сосново, Ленинградская обл.)

«Павлу Романовичу Попо-

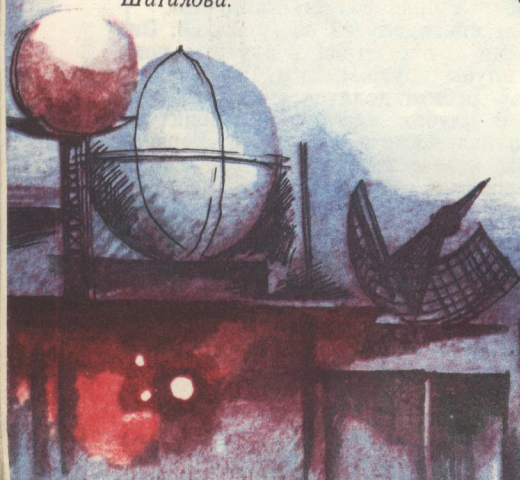
вичу было одиннадцать лет, когда началась война. Учебу пришлось прервать — фашисты закрыли школу. Все ребята прятались от гитлеровцев, никто не хотел работать на врага.

Павлик с Толей Семеновским тоже не хотели служить фашистам. Они прятались на чердаке. Павел придумывал такие сигналы и запоры, что ни одна ищейка не проникла бы на чердак.

Но иногда оккупанты все-таки ловили ребят и заставляли работать. Тогда уж кто как мог старался навредить фашистам. Чтобы всем вместе бороться с врагом, решили создать тимуровскую команду.

Вот что говорит сам Павел

Павел Романович Попович в гостях у тимуровцев города Запорожья.

Романович о тех временах: «Когда нам приходилось подвозить снопы на молотилку, мы с девочками складывали их колосьями внутрь. Пока едем до гумна, раз-другой пробежим по колосьям, а когда сбросим снопы, глядь, осталось в возке шапки три-четыре зерна. И так весь день. Вечером, когда кончится поденщина, девочки помогали собранное зерно вывезти в деревню. Сиделись на возок, прикрывали зерно юбками, а Жужелица (так нашу лошадь звали), будто понимая, что везет хлеб и жизнь, несется мимо немецкого кордона». (Тимуровцы, школа № 75, г. Новокузнецк.)

«Когда стали читать книгу «Шагаем в небо», которую написал летчик-космонавт Волков, узнали, что его любимым писателем тоже был Гайдар.

Когда Владислав Волков учился в четвертом классе

московской школы № 212, прочитал он книги «Чук и Гек», «Тимур и его команда» и решил создать свой тимуровский отряд. Ребята выбрали его Тимуром. Домоуправ выделил им сарай для штаба. Сначала в отряде было десять мальчишек и ни одной девочки. Но потом приняли и девочек. И не пожалели!

На стене в штабе тимуровцев висел плакат, на нем было написано: «Один за всех, все за одного!». Это был их девиз». (Отряд имени Гайдара, г. Ульяновск.)

На очередном заседании штаба Тимура обсуждался вопрос: каких гостей пригласить на слет.

«Давайте пригласим летчиков-космонавтов...» — пишут в штаб многие тимуровцы.

Мы совершенно согласны с вами, ребята.

Владислав Николаевич Волков с сыном на даче.

Тимуровцы советуют...

...Как полезнее, интереснее, веселее провести II Всесоюзный слет тимуровцев? Все новые и новые письма приходят в штаб Тимура. Вот некоторые предложения ребят:

«Предлагаю делегатам слета посадить семьдесят пять деревьев в честь семидесятилетия Гайдара». (Наташа Кирсанова, г. Каменск, Ростовская обл.)

«На слете надо поговорить о дружбе с тимуровцами других стран. О переписке наших ребят, о том, какие конкурсы, викторины провести, что-

бы больше узнать о наших зарубежных друзьях». (Тимуровцы, школа-интернат № 1, г. Челябинск.)

«Предлагаем на слете обсудить вопрос о том, как работать в городе и как в селе. Нам кажется, что в деревне легче помогать людям, чем в городе. Где ветеран войны живет, где старушка одинокая — все известно в деревне. А как в городе найти таких людей? И что такое помощь — в деревне понятнее. Дров наколоть, воды принести, огород полить. А что же делать в городе, где нет огородов, и у всех вода из крана течет, и отопление есть?» (Штаб РВС, г. Светлоград.)

«Во время слета интересно было бы пожить в палатках на местах партизанских стоянок в леплявском лесу, встретиться у партизанских костров с фронтовыми друзьями Гайдара.

И еще. К слету обязательно надо сделать значок тимуровца». (Тимуровцы, г. Азов, Ростовская обл.)

«В конце слета можно провести конкурс на лучшее письмо-донесение тимуровцам 2000 года». (Тимуровцы, Дом пионеров Ленинского района г. Москвы.)

Штаб Тимура ждет новых предложений.

...После пятого урока я пошла к октябрятам. В подшефный Илонин класс.

Октябрята скакали по партам и кидались жеваной бумагой. Кричали и смеялись так, что сами себя не слышали.

И тут вошла Илона. Сразу все стихло. Мгновенно исчезли с пола все бумажки. Парты выровнялись в ряды, и все уселись по местам.

— Здравствуйте, ребята,— сказала Илона спокойным звучным голосом.

— Илона! Здравствуй!— почти хором ответили ей ребята.— А что мы сегодня делать будем?

— Сегодня я вам расскажу начало одной очень интересной сказки, а конец вы прочитаете в книжке, которую возьмете в библиотеке.

Стало еще тише: малыши приготовились слушать.

— Было это на Урале, на медном руднике, еще до революции,— начала Илона, сев к столу. И полилась ее плавная речь: почти наизусть читала она сказ П. П. Бажова о Хозяйке Медной горы.

А за окном солнце просвечивало сквозь желтые листья кленов, и ветер стих, и можно было поиграть на сухом асфальте в классики. Однако весь класс— двадцать три человека— сидел и слушал Илону. А через полчаса все пошло с ней в библиотеку. И ей не пришлось ни на кого кричать, никого уговаривать. Малыши с улыбками шли за ней.

И так всегда. Они чувствуют ее доброту. Она интересно рассказывает. Всегда им поможет, всегда найдет выход из трудного положения. Она кажется им самой красивой и самой умной. «Наша учительница Илона»,— вот как они говорят.

Илона любит учить. И, может быть, в этом ее беда. Но не все любят, когда их поучают. Одноклассникам это не нравится. Хотя она и может многому научить. Всему, что сама знает.

Октябрята-малыши ждут, что им скажет

взрослая Илона. А ровесники сами хотят, чтобы их слушали, считались с их мнением.

Хорошо с октябрятами, но как жить, если тебя не понимают твои сверстники?

Весной прошлого года Илона написала письмо в редакцию: «...Я не знаю, что мне делать... В прошлом году я была вожатой у октябрят. У меня все получалось хорошо, и ребята меня любили. А теперь я целый год председатель совета отряда. И ничего у меня не получается! Ребята меня не слушаются. И никто не хочет мне помогать. Зачем же тогда выбирали?»

...Я так хочу обратно к октябрятам...

Став председателем совета отряда, она не смогла повести за собой ребят. Их увлекла другая девочка — Илонка Цирш.

«Илонка» — называют ее ребята. Смешливая, веселая девчонка со вздернутым носом, маленькая и ловкая. Она быстро бегаёт, умеет придумывать новые игры, по-настоящему смешно рассказывать смешные истории. Здорово танцует современные танцы. Любую ссору умеет обратить в шутку.

Все делается с ней своими радостями и горестями. Она умеет слушать. Умеет считаться с товарищами. Умеет быть со всеми вместе. Вон сколько у нее друзей — весь отряд!

Илона отказалась быть председателем. Попросилась обратно к своим октябрятам. И стало все как было: книжки и мальши. Письма шестнадцатилетней Тане в далекую Архангельскую область и мечта совершить что-то такое, что докажет ее одноклассникам — она достойна уважения не меньше, чем Илонка Цирш.

А пока на душе у нее одиноко и грустно, и она приходит в старый парк, садится на скамейку и думает, думает... Как ей поступить? Может быть, подойти к Илонке Цирш и сказать: «Не могу больше... Помогите мне, пожалуйста...»

Подумай и ты об Илоне и ее одноклассниках. Вот ведь как складывается иногда. Илоне тяжело. Но она старается не показывать этого ребятам. Наверное, не верит в их доброту. Боится, что посмеются, оттолкнут. И мучается...

А рядом живут неплохие ребята, учатся с ней в одном классе и даже не задумываются: отчего это человек ушел от них в сторону? Как ему живется? Что его мучает?

Хороший человек и хороший отряд не могут понять друг друга.

Ты уже взрослый и сам понимаешь, что смысл человеческого общения в том, чтобы постоянно открывать и вызывать к жизни все лучшее, что есть в тебе самом и в других людях. И не может быть по-настоящему счастливым хороший человек, если рядом с ним кому-то плохо.

РЕБЯТА РАССКАЗЫВАЮТ О СИБИРИ

В январском номере «Пионера» мы начали печатать «Рассказы о Сибири», и в конце задали вам «Три вопроса о Сибири». Нам очень приятно, что на эти вопросы ответили многие ребята. И ответили с удовольствием, подробно, дополняя свои рассказы схемами, картами, рисунками.

«Дорогой «Пионер», как здорово, что на твоих страницах начали печатать рассказы о Сибири. Благодаря твоим рассказам и вопросам о Сибири я уже много узнал об этом богатом крае. А после окончания школы я обязательно побываю там!» — пишет нам Игорь МАДЖУГА из Чернигова.

Самым легким для всех оказался вопрос о первом университете в Сибири. Почти все ребята ответили, что он был основан в городе Томске в 1880 году. Сейчас это один из крупнейших вузов Сибири, он носит имя В. В. Куйбышева.

Отвечая на следующий вопрос — об основных нефтяных месторождениях Западной Сибири, — ребята подробно рассказывали об истории открытия нефти в этом краю, называли имена ученых-первооткрывателей, рисовали карты с обозначением месторождений и нефтепроводов. Видно, что к этому вопросу хорошо готовились, много читали.

Ахмеджан ИСМАИЛОВ из Казахстана — один из тех, кто правильно назвал основные месторождения нефти: Самотлор, Усть-Балык, Сургут, Федоровское, Мамонтовское, Нижневартовское, Кондинское.

Правда, кое-кто включил в список нефтяных месторождений и газовые.

На вопрос о том, какая река Сибири самая длинная и самая глубокая, не все ребята ответили одинаково. Одни называли Лену (ее длина 4400 километров), другие — Енисей (4130 километров), третьи — Обь (3650 километров), кто-то даже назвал Амур... Но правы были те, кто помнил, что длина реки в географии определяется обязательно вместе с главным притоком. Вот как точно написал Сергей САЗАНОВ из Минусинска: «Самая длинная река Сибири Обь с Иртышом. Длина ее — 5570 километров. Если же не считать притока Иртыша, то тогда самой длинной рекой Сибири будет река Лена протяженностью 4400 километров».

А самая глубокая река Сибири — Енисей. В низовьях только этой реки можно увидеть огромные морские суда.

На вопрос о реках Сибири хорошо ответили Николай ТРАЧ из Винницкой области, Александр СЕРГЕЕВ из Москвы, Света НИКИФОРОВА и Оля АНТОНОВА из Новосибирска, Наташа ГАПЕНКО из города Молодогвардейска, Марина ФИЛИПОВА из города Кирс Кировской области и другие ребята.

Ждем ваших ответов на новые «Три вопроса о Сибири» из мартовского номера «Пионера». Присылайте свои ответы, даже если вы не отвечали на вопросы из первого номера.

В конце года мы отметим лучших — тех, кто правильно ответил на все наши вопросы. Отметим и лучшие ответы на отдельные вопросы.

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола
и премии имени А. П. Гайдара журнала «Пионер»

Колыбельная для брата

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 1.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

Проснулся Кирилл среди ночи. Он подумал сначала, что мама будит его, чтобы успокоить Антошку. А оказалось — Митька. Он осторожно толкал Кирилла в спину, шептал в самое ухо:

- Кир... Кир...
- Ты что, Маус?
- Кир, давай выйдем, а?
- Куда? Зачем?
- Ну выйдем...

Кирилл понял наконец: Митьке очень надо

выйти из палатки, но он боится один. Ох ты, горюшко...

— Ладно, пошли, — пробормотал Кирилл.

Они выбрались из сонного тепла, и свежий воздух показался Кириллу зябким. Митька тоже стал ежиться и поджимать то одну, то другую ногу, Кирилл взял его за теплое плечо. По влажной траве они пошли к ближним кустикам. У самых кустов Митька освободил плечо, нерешительно оглянулся на Кирилла, сделал еще два шага в чащу и торопливо зажурчал там.

Кирилл усмехнулся и, чтобы Митьке не было страшно, стал насвистывать «Капитан, капитан, улыbnитесь...».

Через несколько секунд Митька подбежал.

— Никто тебя там не укусил? — сурово спросил Кирилл. — И когда твои глупые страхи кончатся?

Митька вздохнул, ухватил Кирилла обеими ладонями повыше локтя, подумал и сказал:

— Скоро, наверно...

Они пошли рядышком к палатке. Но шагов через пять Митька вдруг остановился и прошептал:

— Смотри, как в книжке...

— Что? — не понял Кирилл.

— Ну, все... вокруг. У меня книжка есть со сказками, и там такая картинка.

Небо было сиреневым, с еле заметными звездочками. Верхушки сосенок в этом небе казались черными, будто нарисованные пушистой кисточкой, которую макнули в тушь. Сильно опрокинутая половинка луны висела над верхушками: заберись на сосну — дотянешься... Вполне-вполне могло случиться, что в этой темной чаще, под таким хитровато-молчаливым месяцем вдруг проснется, шумно переступит громадными куриными ногами и заскрипит замшелая избушка с неярким окном.

Однако Митьке говорить про избушку не стоило. Кирилл сказал:

— Это же хорошая сказка. В ней всякие хорошие чудеса. Ты не бойся.

— А я не боюсь... если с тобой, — заверил Митька-Маус и плечом прижался к руке Кирилла.

— Холодно?

— Не-а... Пойдем, посмотрим на наш корабль.

Кирилл вдруг заметил, что в самом деле уже не холодно. И спать совсем не хотелось.

Они обогнули палатку и вышли на склон. За редкими соснами лежала бухта. Вода отражала небо — светлое, как запотевшее зеркало. «Капитан Грант» казался таким же черным, как деревья. На палубе рубки видны были два силуэта, и даже сюда, на склон, доносился громкий шепот. Это Юрки отводили душу после долгой молчаливой ссоры.

Кирилл с Митькой спустились на кромку берега и вошли по щиколотку в теплую, будто подогретую воду.

— Эй вы, чего не спите? — окликнул Кирилл.

— Мы на вахте, — объяснил Юрка Кнопов.

Из рубки донесся сердитый голос Деда. Дед хотел знать, скоро ли кончится топанье по палубе, шастанье по берегу, громкое шептанье, переключки и все прочее, что мешает спать порядочным людям.

— Не хочется спать! — громко объяснил Митька. — Мы гуляем. Давай еще посидим у костра! Иди к нам!

Дед сказал, что он сейчас придет, но сидеть после этого Митьке будет очень неудобно и спать придется на животе.

— Нет, правда! — настаивал Митька. — Давайте еще посидим!

— Будешь ты спать, обормот?

— А ты мне споешь колыбельную?

Дед выбрался из рубки и, плюхая по воде, побрел к берегу. На ходу он обещал Митьке такие ужасы, что вся средневековая инквизиция побледнела бы от восхищения и зависти.

Кончилось, однако, тем, что опять развели костер, вскипятили чайник, выпили по две кружки земляничного отвара и уговорили Деда взять гитару.

— Колыбельную тебе? — спросил он у Митьки.

— Лучше про туристов, — сказал Валерка. — Смешную.

— Понятно, — отозвался Дед и стал смотреть в огонь. Он довольно долго так смотрел. Потом тронул струны, и они загудели в незнакомом сдержанном марше. Дед запел без всякой улыбки, глуховато и даже сумрачно:

Помирится, кто ссорился,
Позабудьте про мелочи,
Рюкзаки бросьте в стороны —
Нам они не нужны;
Доскажите про главное,
Кто сказать не успел еще.
Нам дорогой оставлено
Полчаса тишины...

Стало тихо, угли только потрескивали. Кирилл напряженно ждал: в песне было что-то знакомое и беспокойное. Будто это не только песня.

От грозы черно-синие,
Злыми ливнями полные,
Над утихшими травами
Поднялись облака.
Кровеносными жилами
Набухают в них молнии,
Но гроза не придвинулась
К нам вплотную пока...

Дали дымом завешаны —
Их багровый пожар настиг,
Но раскаты и выстрелы
Здесь еще не слышны:
До грозы, до нашествия,
До атаки, до ярости
Нам дорогой оставлено
Пять минут тишины.

Потом Кириллу не раз придется петь эти слова, и всегда у него будут холодеть руки и щеки. Но в первый раз, у костра, нервный холод обжег его так, что остановилось дыхание.

...До атаки, до ярости,
До пронзительной ясности
И, быть может, до выстрела,
До удара в висок —
Пять минут на прощание,
Пять минут на отчаянье,
Пять минут на решение,
Пять секунд — на бросок...

Лица были оранжевыми от огня, а огонь был как флаг «Капитана Гранта» на штормовом ветру.

Митька приткнулся к Кириллу и положил ему на колени кудлатую голову. Замер.

Дед резче ударил по струнам и закончил последний куплет:

...Раскатилось и грохнуло
Над лесами горящими,
Только это, товарищи,
Не стрельба и не гром —
Над высокими травами
Встали в рост барабанщики.
Это значит — не все еще.
Это значит — пройдем.

И опять тихо сделалось. Даже неяркий желтый месяц опустился к самой земле и слушал тишину, похожую на эхо песни.

— Вот это колыбельная, — шепотом сказал Юрка Кнопов.

— Откуда она? — спросил Саня.

— Издалека, — сказал Дед. — Я слышал ее в комсомольском лагере под Петрозаводском, давно еще. Но и там не знали, кто ее сочинил.

«Это почти про нас, — думал Кирилл. — ... Не совсем про нас, но похоже...»

Дед сидел, задумавшись и поглаживая гитару, как добрую собаку. «Он больше всех боялся сегодня, — подумал Кирилл. — Во-первых, за весь экипаж, во-вторых, за своего Митьку, который был впереди... Митька заслужил такую колыбельную...»

— А почему... — начал Кирилл и замолчал. Он хотел спросить, почему Дед не пел эту песню раньше. Не спросил, понял. Надо было иметь право на такую песню.

Теперь они имели это право.

— Давай еще раз, — попросил Кирилл.

— Что ж, давай, — просто и охотно сказал Дед.

Кирилл сел с ним рядом. Он не чувствовал ни капельки смущения, никакой нерешительности, он хотел петь. Он сейчас словно целиком состоял из этой песни. Два голоса — глуховатый и ясный — слились в первой фразе:

Помирится, кто ссорился...

Юрки, сидевшие рядом, еще плотнее придвинулись друг к другу.

Глава десятая

— Так... Просто песня, — сказал Кирилл Женьке, когда они шли от оврага после встречи с Чирком. — А почему ты спрашиваешь?

— Она незнакомая какая-то. И хорошая... Ты ее поешь хорошо.

Вот сейчас Кирилл почему-то смутился, хотя Женька не первый раз хвалила его пение. И от смущения заговорил сердито:

— Ты смотри не вздумай болтнуть про Чирка.

— Не вздумаяю, — рассеянно сказала Женька. — А ты не притворяйся суровым — ты не такой.

— А какой? — растерянно спросил Кирилл.

— Ну... я не знаю.

— Не знаешь, а влюбилась в третьем классе, — пробормотал Кирилл. Он хотел быть язвительным, но, кажется, покраснел.

— В третьем классе все было проще, — серьезно проговорила Женька. — В третьем классе ты пел песни про Чебурашку, а не такие, как эта... «Колыбельная».

— Эта песня про то, как люди боятся, — вдруг сказал Кирилл. — Знаешь, бывает так: ветер, огонь, гроза. Люди боятся, но идут.

— Куда?

— «Куда...» — усмехнулся Кирилл. — Куда надо.

— Ну вот, — огорченно сказала Женька. — Сам заступился за Чиркова, а теперь...

— А я не про него...

— А про кого?

— Вообще...

— Странный ты, Кирилл.

— Почему?

— Не знаю... Ты похож на Тилия Уленшпигеля.

— Перегрелась ты на солнышке, — сказал Кирилл и представил себя со стороны, как в зеркале.

— Нет, в самом деле. Такой же худой, и волосы... и... какой-то отчаянный. У тебя тоже пепел стучит в сердце?

— Да ну тебя, — пробормотал Кирилл и от смущения брякнул: — Ничего у меня не стучит. Урчит только в животе от голода.

Тут же он понял, что сморозил глупость, и торопливо проговорил:

— По-моему, это ты отчаянная. Так носишься на велосипеде. Я даже не думал, что ты так можешь.

— Что ты! — обрадованно сказала Женька. — Это я с перепугу. Знаешь, как я перетрусила, когда в овраг скатывались!

— Ну вот, — сказал Кирилл. — Значит, эта песня и про тебя... Ну, пока...

Они стояли на углу улиц Грибоедова и Мичурина, и надо было расходиться.

— До свидания, — сказала Женька и, глядя Кириллу в глаза, протянула узкую ладошку. Кирилл осторожно взял ее и вдруг спросил:

— А на кого я был похож в третьем классе?

— На себя самого, — без улыбки ответила Женька. — Ну, до завтра.

Они разошлись, немного встревоженные странным своим разговором, но в общем-то почти беззаботные и уверенные, что сегодняшний день больше не принесет никаких сложностей. Они еще не знали, что школьные заботы не кончились.

Когда Женя вернулась домой, мама сказала:

— Наконец-то! А у нас Ева Петровна.

А Кирилл медленно ехал по обочине и увидел Зою Алексеевну, которая с тяжелой сумкой шла по краю тротуара.

Зоя Алексеевна тоже увидела Кирилла. Они сошлись почти вплотную. Разойтись просто так было невозможно — Кирилл это чувствовал. Поздороваться? Но он уже здоровался с Зоей Алексеевной перед сегодняшним горьким разговором. Что было делать? Кирилл сделал то, что сделал бы и раньше, до сегодняшнего дня. Сошел с велосипеда, оттянул зажим багажника и сказал:

— Ставьте сумку, Зоя Алексеевна. Я доведу.

Она кивнула. Поставила сумку на багажник. Они пошли рядом. Кирилл вел велосипед за руль. Шли и молчали. Но долго молчать после того, что случилось между ними, было нельзя. Зоя Алексеевна негромко проговорила:

— Суровые слова ты сегодня сказал мне...

Кирилл чуть заметно шевельнул плечом. Этого можно было не заметить. А можно было заметить и понять так: «Что сказал, то сказал. И не жалею».

Зоя Алексеевна кивнула:

— Понимаю. Не раскаиваешься.

Не поднимая головы, Кирилл сказал почти шепотом:

— Нет.

— Ты считаешь, что я предала тебя. Почему? Потому что поверила, будто ты виноват?

— Да.

— Что ж... Наверно, ты прав по-своему.

Кирилл встретился с ней взглядом.

Все так же тихо, но не опуская взгляда, он проговорил:

— Я, Зоя Алексеевна, по-всякому прав.

Она улыбнулась коротко и грустно и вдруг спросила:

— Ты не мог бы сейчас зайти ко мне?

— Зачем?

— Чтобы закончить наш разговор.

Он спросил слегка удивленно:

— Разве нужен еще разговор?

— Нужен... Если не тебе, то мне нужен.

Кирилл опять посмотрел вниз.

— Хорошо, — сказал он. — Только для чего? Все равно вы мне не верите.

— Да верю! — неожиданно громко воскликнула она. Кирилл даже вздрогнул. — Верю я тебе, Кирюша. Я сразу же поняла, что ошиблась. Я десять раз готова просить извинения. Но я хочу, чтобы ты понял... Горько мне от твоих слов... Я тебя очень прошу, зайдем.

...Зоя Алексеевна жила в глубине заросшего двора, в старом двухэтажном доме, на первом этаже. Раньше, давным-давно, Кирилл не раз бывал здесь. В подъезде почему-то всегда пахло жареной рыбой. И сейчас Кирилл ощутил этот запах. На миг он почувствовал себя третьеклассником, который прибежал сюда разучивать к первомайскому празднику песню о красном командире.

Велосипед поставили под вешалкой, и Кирилл

по мягким домашним половикам вошел в комнату. В знакомую комнату с письменным столом и книгами, с пианино под вязаной накидкой, с узким диваном. С большого фотопортрета строго смотрел пожилой человек в форме железнодорожника — давно умерший муж Зои Алексеевны. Он и раньше так же смотрел со стены, когда Зоя Алексеевна уходила готовить чай, а мальчишки на диване затевали тихую возню...

— Садись, Кирюша, я чайник поставлю.

— Спасибо, мне не надо.

— Кирилл...

— Нет, правда, я не хочу. Меня сегодня уже угощали, у Черепановой...

— У Жени? Вы дружите?

— Да нет, я сегодня первый раз к ней зашел. Случайно.

— Она хорошая девочка...

Кирилл улыбнулся.

Они посмотрели друг на друга и поняли, что надо вернуться к главному разговору.

— Садись... Вот сюда, на диван. А я в кресло... Так вот, милый мой, храбрый, непреклонный Кирилл, ты был, конечно, прав, когда на меня обиделся. Но все-таки прав не «по-всякому». Ты еще мальчик... Не обижайся, быть мальчиком прекрасно. Только вы, мальчики, обо всем судите слишком решительно. Вы просто еще не знаете, что люди меняются... хотя сами меняетесь каждый день...

Кирилл слушал, опустив голову, и помусоленным пальцем оттирал с колена остатки угольной пыли, которую не смыла даже вода Туринки. Он нерешительно возразил:

— Характер все равно остается...

— И характер меняется и взгляды... Да посмотри на себя. Разве ты был таким? Ты был молчаливый, застенчивый и... не обижайся... обидчивый даже. Чуть чего — в слезы. А теперь...

— Но я же, Зоя Алексеевна, не стал гадом! Ой, простите...

— Ничего. Конечно, ты не стал. Но бывают и горькие примеры... Вот посмотри.

Из ящика письменного стола она достала пачку фотографий. Нашла и протянула нужный снимок.

Был сфотографирован класс. Наверно, третий. Видимо, снимок был старый: мальчишки в куртках без погончиков, стрижки совсем короткие: чубчики да ежики. И Зоя Алексеевна, сидящая среди ребят, выглядела гораздо моложе.

— Это двенадцать лет назад... Взгляни на этого мальчика...

Рядом с Зоей Алексеевной сидел мальчишка с широким улыбочивым ртом и большущими темными глазами.

— Все его любили, — сказала Зоя Алексеевна. — Проказник был, но добрая душа. За мной по пятам ходил, хотя я и сердилась иногда на его проделки... Получили они квартиру в другом районе, а он с классом расставаться ни в какую не захотел. Так до конца учебного года бабушка и возила его к нам через весь город. Пока не

перешел в четвертый... А в восьмом он украл из библиотеки магнитофон. Потом, еще через два года, целой группой они напали на пенсионера, ограбили и так избили, что в больнице он умер... Кто виноват? Наверно, разные люди. И сам он, этот выросший мальчик... И я виновата. А как сделать, чтобы все оставались хорошими?

Зоя Алексеевна осторожно взяла у Кирилла снимок.

— И это, Кирюша, не единственный случай, — тихо сказала она. — А теперь взгляни сюда. Узнаешь?

Кирилл взглянул и засмеялся от неожиданности. Еще бы не узнать! Это был их третий «В» в майском походе.

Конечно, прогулка через ближний лесок в пригородный совхоз только называлась походом, но тогда казалось, что маршрут серьезный и даже слегка опасный. Приходилось переходить через ручей по хлипким жердочкам. Потом — сквозь колючий ельник, непроходимый, как тайга. Были и происшествия: тяжелый рюкзак перетянул Валерку Самойлова и опрокинул в яму, а там, несмотря на летнюю погоду, лежал еще грязный, ноздреватый снег. Пришлось остановиться и развести костер.

Их первый пионерский костер. И, кстати говоря, последний...

Сфотографировал их папа Олега Райского. Он вместе с Зоей Алексеевной командовал походом. Обещал каждому сделать по карточке, да, видимо, не собрался. Хорошо, что хоть Зоя Алексеевне сделал. В конце концов класс-то почти весь остался вместе, а Зоя Алексеевна с ними через три дня распрощалась.

Снимок был сделан во время короткого привала на лугу, у изгороди из толстых березовых жердей. Девчонки преданно расселись вокруг Зои Алексеевны, а мальчишки где попало. Многие забрались на жерди, а кое-кто даже повис на них вниз головой. Кирилл с длинным Климовым (он и тогда был длинный) стояли на верхней жерди, как на буме, и бились со стеблями прошлогоднего репейника...

— Видишь, Кирилл, все хорошие... Но ведь хочешь не хочешь, а кто-то из них, по всей вероятности, виноват. Кроме ребят из вашего класса, никого у раздевалки не было, когда кошелек пропал... Ты меня упрекнул в предательстве. Но тот, кто украл, тоже предал. Меня, ребят... Ну, пусть не эти ребята, а из другого класса, но все равно предали. Учителей, товарищей...

Кирилл не ответил. Отыскал на снимке Чирка. Петька сидел верхом на большом рюкзаке и рассматривал забинтованный локоть: Чирок незадолго до привала споткнулся и ободрал руку. Сильно ободрал, но не плакал...

Чирок был в белой пилотке, парусиновом костюмчике с якорем на нагрудном кармане — самый маленький из всех, словно первоклассник, которого взяли в поход. Первоклассник — без пионерского галстука. Один из всех.

— Зоя Алексеевна, а почему Чиркова тогда в пионеры не приняли? — спросил Кирилл.

— Не приняли? — Она пригляделась к фотографии. — Да, в самом деле, я вспоминаю. Кажется, в те дни ему не повезло с оценками. Поведение-то у него всегда было приличное... — Она вдруг встревожилась: — Но сейчас-то он пионер?

Кирилл кивнул:

— Да, в галстук ходит.

Зоя Алексеевна улыбнулась:

— А характер? Все такой же или побойчее?

— Все такой же, — усмехнулся Кирилл. — Воды не замутит. На него даже Александр Викентьевич никогда не кричит.

— Почему «даже»? Разве Александр Викентьевич такой сердитый?

Кирилл пожал плечами.

— Если рассказывать, получится, что я жалею. Придите на урок, послушайте... Но при вас он, наверно, будет поспокойнее.

— Он, видимо, просто требовательный.

Кирилл мотнул головой.

— У нас математичка Вера Сергеевна, знаете, какая требовательная?! Но про нее никто ничего плохого не скажет. А чертежник просто злой.

— Ох, Кирюша, Кирюша! Неужели ты думаешь, что кто-то из учителей желает вам зла? Ева Петровна или Александр Викентьевич? Неужели ты всерьез так думаешь?

«А в самом деле? — подумал Кирилл. — Зачем им хотеть для нас зла?»

— Я не знаю... — растерянно сказал он.

— Вот видишь!

— Нет, я скажу... сейчас... — медленно проговорил Кирилл. — Я просто об этом не думал. А сейчас подумал... Они, конечно, не хотят нам плохого, если не злятся... Но хорошего тоже не хотят — им просто все равно. Им надо, чтобы все было спокойно. Чтобы ученики не получали двоек и всегда слушались.

— А что в этом плохого?

— Да не могу я всегда слушаться! — крикнул Кирилл. — Ну, глупо же это! В кино с классом не пошел — запись в дневник: от коллектива отрывается. Петь не хочешь — отдавай портфель! Если кошелек не брал — все равно признавайся! Делай, что говорят! А если ерунду говорят?.. Уроки готовить заставляют — это понятно. Но нельзя же все на свете из-под палки! Человек должен сам выбирать...

— Но сначала надо научиться выбирать правильно. Вот вас и учат. Сейчас ты возмущаешься, а потом поймешь, что Ева Петровна хотела добра.

«А что есть добро?» — спросил отец Карлос и подпер дряблую щеку верхним концом нагрудного распятия...» — вспомнил Кирилл.

— А что такое добро? Оно разное, — сказал он.

— Разное, но всегда доброе, — наставительно проговорила Зоя Алексеевна.

Кирилл сказал:

— Я одну книжку вспомнил, фантастику.

Летом читал. Там средневековый монах попал в наше время. Он был инквизитор... Ну, приключения разные, не в этом дело... Ему стали говорить, что он злодей, людей сжигал, а он заплакал. Говорит, что сам из-за этого страдал, жалко было. Но он думал, что огнем спасет их душу от греха. Верил, что делает добро...

Зоя Алексеевна удивленно и пристально посмотрела на Кирилла.

— Да, в третьем классе вы так не рассуждали...

Кирилл усмехнулся:

— Маленькие были. Если обидно — заплачем, вот и все.

— Нет, не в этом дело. Вы были добрее... По крайней мере никто бы не сравнил учителя с инквизитором.

— Да разве я сравниваю? — удивился Кирилл. — Я только считаю, что Ева Петровна не думает про добро. Ей главное — чтобы все выглядело правильно. Чтобы отряд был правофланговый. Чтобы говорить: вот какой у меня хороший класс. А что все это напоказ, неважно...

— Кирилл! Ева Петровна работает в школе семнадцать лет!

— И всегда так, как сейчас? — тихо спросил Кирилл. — Это же с ума сойти...

Зоя Алексеевна, кажется, немного рассердилась. Она встала.

— Очень легко судить всех так решительно. Ты забываешь, что у каждого взрослого очень сложная жизнь.

Кирилл тоже встал.

— Ну да. Зато нас, невзрослых, можно судить как хочешь. Вот вы сказали про того, кто украл: «Он всех предал». А вы же не знаете... Может, он от беды какой-нибудь. От отчаяния. Вы думаете, у взрослых жизнь сложная, а у ребят простая?

Он вдруг увидел, что Зоя Алексеевна смотрит на него растерянно, почти испуганно.

— Кирилл. Ты что-то знаешь?

— Ничего я не знаю, — пробормотал он и отвернулся. Надо же так по-дурацки проболтаться!

— Кирилл... Может быть, ты расскажешь? Если надо, я обещаю молчать.

Кирилл сердито мотнул головой.

— Нет... Может быть, не сейчас. Он, может быть, Зоя Алексеевна, потом вам сам расскажет.

— Но ведь, наверно, надо что-то сделать? Помочь? И этому... человеку. И Оле...

— Какой Оле?

— Студентке.

— Им помогут, — сказал Кирилл.

Глава одиннадцатая

Кирилл уехал от Зои Алексеевны с противной смесью стыда и тревоги. Стыдно было за свои слова «Им помогут». Он думал, что это прозвучит мужественно и твердо, а прозвучало

— Привет! — бодро сказал Маус Кириллу из-под белого балахона.

глупо и напыщенно. Кирилл сразу это понял. И покраснел.

Хорошо хоть, что Зоя Алексеевна сделала вид, будто не заметила его глупость. Она ни о чем не стала больше расспрашивать. Опять взяла старую фотографию.

— Между прочим, Оленька Федосеева, у которой сегодня украли деньги, тоже училась у меня. В том же классе, где Миша... о котором я говорила... Вот она.

Кирилл увидел круглолицую девчущку в белом переднике.

— Славная девочка, — сказала Зоя Алексеевна. — Всегда помогала мне тетради носить домой. Она неподалеку живет, наискосок, в трехэтажном доме. С мамой вдвоем.

— А в какой квартире? — самым небрежным тоном спросил Кирилл и тут же понял, как фальшива эта небрежность.

Но Зоя Алексеевна будто ничего не заметила.

— В девятой, — сказала она и хотела убрать снимок.

— Дайте, пожалуйста, я еще посмотрю, — попросил Кирилл.

Теперь он смотрел не на Олю, а на того незнакомого Мишу, который вырос и стал преступником.

У мальчишки смешно торчал растрепанный чубчик и блестели веселые точки в глазах. Симпатичный десятилетний Миша был немного похож на Митьку-Мауса...

И с этой минуты ощущение опасности не

оставляло Кирилла. Он ехал домой, а лицо незнакомого Мишки все маячило перед ним.

Почему он стал бандитом? Он же был обыкновенным мальчишкой. Как Митька-Маус. Значит, и Митька может? Значит все могут? И Антошка?

Все люди были такими, как Антошка. У них смешно топорщились на темени волоски. Никто из них не хотел зла. Они бездумно улыбались солнечным зайчикам и смешно ловили губами угол пеленки, если он пощекочет щеку. Они все такие сначала. А потом делаются разными.

Если человек хороший, это понятно. А почему некоторые становятся гадами? Вроде Дыбы? Почему? Может быть, потому что сначала боятся других гадов? А боятся потому, что одни? Как Чирок?

Кирилл гордо и небрежно бросил Зое Алексеевне: «Им помогут...» Но кто поможет Чирку? Они с Женькой благородно похлопали его по плечу и оставили одного. И Чирок небось мечется со своим стареньким «ПВ-3», думает, как бы продать, чтобы мать не узнала. И снова должен врать и выкручиваться.

А если покупатель окажется таким же подонком, как Дыба? Деньги не отдаст, начнет угрожать? И снова будет Антошка метаться между страхом и отчаянием, между ложью и желанием вырваться из паутины... То есть Чирок, а не Антошка. Антошке это еще не грозит. Пока. А потом?

Чирок тоже был такой крохой, а сейчас попал в беду. Если отдать его этой беде, через тринадцать лет она придет и за Антошкой.

В самом деле так может случиться! И получается, что сегодня Кирилл оставил в беде брата.

Но дело не только в этом. Дело просто в Петьке Чиркове. Кирилл вспомнил, как просветлело Петькино лицо, когда он понял, что его простили. Простили и бросили.

Но это — предательство. Все равно как если бы бросили тех, на мысу, когда надвигался лесной пожар...

Кирилл затормозил на углу улиц Мичурина и Космонавтов. Надо было решать. Два человека есть на свете, которые сразу поймут и, наверно, скажут, что делать. Отец и Дед. Но отец придет сегодня поздно.

Кирилл взглянул на часы, украшавшие старинное здание библиотеки. Было без пяти минут шесть. Наверно, Дед уже пришел, он кончает работу в пять.

Из дома доносились визги и вопли.

— Ой-я-я! — орал Митька. — Мучитель! Уйду в интернат! Людоед!.. Мамочка!

Митьку-Мауса мыли. В окно вслед за воплями вылетали красивые пузыри. Слышался голос Деда:

— В музей тебя, а не в интернат. В кунсткамеру. Уникальный экземпляр, загадка естествознания. Как ты ухитришься собирать на себя все, что есть вокруг?

— Не все! — возмущенно голосил Митька. — Убери, она щиплет! Ой, мама!

— Где ты ухитрился отыскать смолу?

— Это не смола, а гудрон! Ты мне все волосы выдрал!

Кирилл засмеялся и прислонил велосипед к перилам крыльца. Все было знакомо в этом зеленом дворе. Лениво шевелил крыльями желтый ветряк, топтался на краю громадной бочки добродушный петух Дима, доцветали поздние одуванчики. На заборе улыбался нарисованный белой эмалью Митька-Маус — с хвостом и мышинными ушами. Это Валерка Карпов нарисовал еще в начале июня.

Кирилл вошел в дом. Дед закутывал в простыню оттертого взъерошенного Митьку.

— Привет! — бодро сказал Маус Кириллу из-под белого балахона.

Дед оглянулся и обрадованно кивнул. Утащил Митьку на диван и пожаловался Кириллу:

— Опять, как в прошлом году, у этого типа глотка распухшая. Мороженого стрескал три порции подряд. Родители уезжают, а он снова с ангиной.

— Чушь все это, — строптиво сказал Митька.

— Я тебе дам чушь! Из постели не смей носа показывать! Понял?

— Понял, — согласился Митька. — Я читать буду. — И спросил у Кирилла: — А ты не скоро уйдешь?

— Дед, — сказал Кирилл, — тут одно дело такое... Долгий разговор.

Разговор оказался не таким уж долгим, Дед все понимал с двух слов.

— Дыба — это кто? Местный «король»? — спросил он.

Кирилл пожал плечами.

— Скорее не «король», а так, мелкий «барончик».

— У Чирка отца нет?

— Н-не знаю... Ну да, нет. Он говорил, что мать да бабка.

— Наверно, небогато живут, — заметил Дед.

— Наверно...

— Новый велосипед ему уже не купят...

Кирилл внимательно посмотрел на Деда. Дед спросил:

— Девушку эту, студентку, как зовут?

— Оля... Федосеева.

— И адрес помнишь?

Кирилл кивнул.

— Самый простой способ, чтобы поставить точку на всей истории, — пойти к этой Оле и все объяснить, — сказал Дед. — Если она человек хороший, то поймет. Попросит, чтобы в школе не поднимали шума.

— Чирок, по-моему, не пойдет, побоится, — засомневался Кирилл. — Да и денег у него еще нет.

— Ему лучше и не ходить, — сказал Дед. — Мы же не знаем, что за девушка. А вдруг она вцепится и поволокет парнишку в школу? Мо-

жет, у нее такой педагогический принцип: не прощать и не жалеть. Другим в назидание.

— А кто пойдет? — удивился Кирилл.

— Ты. Расскажи все, а фамилию мальчишки не называй.

— Я?!

— Страшно?

Кирилл подумал.

— Нет, не страшно, — сказал он. — Но... понимаешь, вдруг она подумает, что я сам виноват и выкручиваюсь. Плету историю; чтобы себя оправдать... Ведь на меня и так в школе...

— Да, пожалуй... — сказал Дед. — Но без риска не проживешь.

— А деньги? — спохватился Кирилл. — Денег-то все равно нет. Их же надо отдать! Она тоже одна с матерью живет. Тоже, наверно, не миллионеры.

— Я это помню, — кивнул Дед. — Но деньги пока можно взять... те, что у нас на ремонт отложены. Там полсотни.

— Правильно! — обрадовался Кирилл. — А Чирок продаст свой драндулет и вернет.

— Вернет... когда подрастет и заработает, — хмуро сказал Дед.

Кирилл даже приподнялся на стуле.

— Да ты что?.. Это же общие деньги, ребята по рублику копили. А ремонт?

— Что-нибудь придумаем, до весны далеко.

— Но тогда надо экипаж собирать, чтобы все решили...

Дед сердито захромал из угла в угол.

— Только время потеряем. Неужели, думаешь, ребята заспорят? Мы же, Кир, человека хотим спасти. Тогда, в походе, не деньгами рисковали, а шкурами..

Кирилл нерешительно сказал:

— Что-то не так... Он все-таки виноват, а мы теперь для него все на блюдечке. Это разве правильно?

Дед язвительно посмотрел на него.

— С точки зрения вашей Евы Петровны, это наверняка неправильно. Только если ты жалеешь человека, то жалея до конца, а не отмеряя свою доброту на весах. Это раз. Теперь два: такому пацану заниматься продажей — это опять влипнуть в историю. Мать тогда все узнает, а ты сам говорил, что ей это сейчас опасно.

— Для малыша опасно, — тихо сказал Кирилл.

— Значит, не о чем спорить... Я знаю, чего ты боишься: что Чирок привыкнет за чужие спины прятаться, а сам за себя отвечать не научится. Так?

Кирилл кивнул.

— Так, наверно... Я только не знал, как сказать.

— А может быть, наоборот, — задумчиво проговорил Дед. — Может быть, поймет, что есть люди, которые приходят на выручку. Тогда и сам покрепче станет... Кстати говоря, главный вопрос не о нем.

— А о ком?

— О Дыбе. Почему такие паразиты плодятся и почему их боятся. Не думал?

— Думал, — сказал Кирилл. — Но это вопрос отдельный.

— Не такой уж он отдельный, — возразил Дед. — С Чирком он вполне связанный. Может, собрать экипаж и всем вместе побеседовать с Дыбой?

— Я уже прикидывал, — сказал Кирилл. — Это вообще-то можно. Только ведь Дыба не одного Чирка щиплет. И не один такой Дыба на свете. А из-за всех подряд экипаж собирать не будешь. Вот если бы у каждого хорошего человека был свой экипаж, тогда бы все Дыбы повывелись от безработицы.

— Да, — согласился Дед. — Тогда бы они вымерли... Ну, ладно, решим пока первую часть вопроса. Бери деньги и шагай.

Кирилл жалобно посмотрел на Деда.

— Давай вместе...

— Зачем?

— Ну... вдруг я не так скажу. Не умею я со взрослыми. Да и вид у меня подозрительный. Дед засмеялся.

— Кир, не будь хитрее, чем ты есть.

— Нет, в самом деле. Я не боюсь, но...

Дед глянул на Митьку, который лежал, закутавшись в одеяло и уткнувшись в книгу. То ли правда читал, то ли слушал разговор.

— Этого юношу я куда дену? Родителей нет дома, один он не останется.

Митька дипломатично промолчал.

— Может, останешься, Мить? — нерешительно спросил Кирилл.

— Пожалуйста, — с отчаянным мужеством сказал Митька. — Я боюсь, что ли?

Кирилл и Дед переглянулись.

— Свалились вы все на мою голову, — сокрушенно сказал Дед. — Ладно, давай адрес и сиди с этим любителем привидений.

Сначала Кирилл не очень волновался. Но прошел час, а Деда не было. Конечно, разговор мог затянуться, Кирилл это понимал. Но он помнил, что в семь часов обещал быть дома. Впервые, мама уже волнуется, во-вторых, будет нагоняй.

Митька на своем диване шуршал страницами и вздыхал. Кирилл ушел в другую комнату, где была у Деда фотолаборатория. Включил увеличитель. В него была вставлена пленка с летними кадрами. Кирилл начал протягивать негатив за негативом и наконец увидел групповой портрет — весь экипаж. Снимок сделали на берегу, автоспуском: привинтили аппарат к пеньку, а сами, обнявшись за плечи, встали у воды. За ними поднимал свои мачты «Капитан Грант»...

И хотя это был негатив — черные лица, темнотозубые улыбки, Кирилл сразу узнал каждого и словно опять оказался с ребятами. Даже будто голоса их услышал.

Да, это люди, с которыми не страшны никакие Дыбы. Жаль только, что не могут друзья

быть рядом каждый час: они все живут и учатся здесь, в Заовражке, а он в центре...

Если не кончится тепло, завтра весь экипаж соберется у Деда, а послезавтра, в воскресенье, можно поехать в Ольховку и пройтись под парусами. Лишь бы не было штиля...

Задумавшись, Кирилл отвел глаза от кадра.

На половицы затемненной комнаты падал от двери яркий прямоугольник света. Кирилл стал смотреть, как блестят отполированные подошвы сучки. Потом в прямоугольник влезла длинноногая тень. Кирилл оглянулся. В двери, приподняв плечи, стоял Митька-Маус.

— Ты что, Митька? Ты не бойся, я сейчас приду.

— Я не боюсь, я так...

Митька поддернул трусики и прошлепал к столу.

— Не спишь, — со взрослым вздохом сказал он. — Дед придумал чепуху: в такую рань укладываться.

— Ты же простуженный. Лежал бы тихонько и читал.

— Ха, «Незнайка на Луне»! Я эту книжку уже десять раз читал... А ты негативы смотришь?

— Ага. Вспоминаю, — сказал Кирилл.

Митька неожиданно засопел и забрался к нему на колени. Вроде бы для того, чтобы лучше разглядеть кадр. Но смотреть не стал и вдруг неуклюже прижался к Кириллу.

Он был с мягкими после ванны волосами, непривычно маленький и тихий. От него пахло ромашковым мылом и еще почему-то свежим холстом, как от новой парусины, когда ее расстилают на солнце.

— Ты что, Мить? — осторожно спросил Кирилл.

Митька горячими ладошками взял его за шею, заставил нагнуть голову и щекочущим шепотом сказал в ухо:

— Кир, давай мы подружмся. Я давно хочу.

Кирилл растерялся.

— Ну... давай. А мы разве... Мы же и так...

— Нет не так, — решительно зашептал Митька. — Давай крепко и навеки. Чтобы говорить все тайны друг другу. И всегда-всегда будем заступаться друг за друга. Давай, а?

Услышав насчет «заступаться», Кирилл подавил улыбку. Но тут же забыл об этом. В следующий миг поднялась в нем щемящая ласковость к малышу, к нескладному фантазеру Митьке-Маусу, боящемуся привидений, к отчаянному баковому матросу, которому не страшен бешеный ветер. К товарищу по штормовым плаваниям, которого нельзя обидеть и обмануть.

Он легонько сдвинул тоненькое, как у птицы, Митькино плечо, глотнул, мысленно окликнул на всякий случай зеленого Джимми и сказал:

— Давай, Митя.

Потом подхватил его и понес на диван. И чтобы Митька не подумал, что «давай» сказано просто так, Кирилл спросил:

— А у тебя есть тайны? Расскажешь?

Митька улегся на спину, натянул до нижней губы одеяло и серьезно сообщил:

— Есть одна. Я за сараем клад зарыл. Такой сундучок, а в нем старинные монетки, я их еще в детском садике начал собирать. Это не для богатства клад, а для интереса.

— Для интереса даже лучше, — сказал Кирилл.

— А у тебя? — требовательно спросил Митька.

— Что у меня?

— У тебя тайна есть?

Придуманную тайну рассказывать было нельзя. Митька мог догадаться, что это не по правде. И нечестно это было бы.

Кирилл сказал, глядя в Митькины внимательные глаза:

— У меня есть... Сегодня появилась. Мне одна девочка очень нравится.

Митька серьезно опустил ресницы, будто кивнул: он понимал важность тайны. Потом опять посмотрел на Кирилла — с неожиданной тревогой.

— А ты со мной не раздружишься из-за нее?

— Ну что ты, Мить...

— А можно, я к тебе когда-нибудь приеду?

— Конечно, приезжай.

— Я на велосипеде. Мне Алька старый «орленок» отдал, Дед обещал починить. Обещал, что сегодня, а сам не идет.

За стеной еле слышно пикнуло радио.

— Девять часов, — нервно сказал Кирилл. — Где он ходит? У меня дома, наверно, уже паника, я в семь часов хотел приехать... Ох, и шум будет!

— Налупят? — сочувственно спросил Митька.

— Да при чем здесь «налупят»! Меня ни разу не лупили. Просто мама с ума сходит...

Митька горько вздохнул.

— Так и бывает: сперва за тебя волнуются, а потом тебе же и всыпят.

— Бывает? — с мрачноватым юмором переспросил Кирилл. — Ты меня утешил...

— Первый раз не больно лупят, а только для испуга, — с глубоким знанием дела успокоил Митька.

Кирилл погладил на Митьке одеяло и тревожно задумался.

Наконец звякнула во дворе калитка. Митька приподнялся, Кирилл встал.

Появился немного всклокоченный от поспешной ходьбы Дед.

Кирилл торопливо шагнул к нему.

— Ну что?

— Да все в порядке, — торопливо сказал Дед. — Все в самом полном порядке. Очень милая девушка, все она поняла.

Кирилл шумно вздохнул и как-то ослабел, будто после тяжелой работы. Но через несколько секунд сердито спросил:

— Если сразу все поняла, где тебя носило два часа?

— Не «носило», а «сидело». У ее мамы день рождения, полон дом людей. С трудом уда-

Петька, тяжело вихляя рулем, повез Кирилла по переулку.

лось выбрать время, чтобы поговорить. Меня сразу за стол упихали, думали, что я тоже гость...

— А ну дыхни, — строго сказал из своего угла Митька.

— Я вот тебе дыхну... Кое-как объяснил этой Оле, что по делу пришел. Зову из-за стола, а все кричат: «Молодой человек, объясняться будете потом!» Она, бедная, краснеет... Ну, потом ей все рассказал... Она скажет завтра в школе, что кошелек завалился за подкладку в плаще, вот и все.

Кирилл ощутил смутное беспокойство: в придуманной истории с подкладкой почудилось что-то неправильное. Но сейчас было не до мелочей.

— Деньги-то отдал?

— Да, самое главное! — воскликнул Дед. — Кто придумал про сорок рублей? В кошельке было всего четыре рубля: металлический и три бумажки. На остальные она матери подарок купила, кофточку какую-то...

Кирилл растерянно заморгал.

— Вот это да... А чего же тогда говорили: стипендия, стипендия... И почему она ревела в учительской?

— Ну и что? Она же совсем еще девочка, — мягко сказал Дед. — Кошелек было жаль, ей мама его подарила. А самое главное — от обиды. Пришла ребятшек учить, вся душа наружу, а

они ей вон какой сюрпризик... Про стипендию она и правда говорила: о том, что получила ее утром. Просто объясняла все по порядку. Видно, никто не понял... Хотя бы подумали: разве кошелек с такими деньгами оставляют в наружном кармане плаща?

— Ясно... — досадливо сказал Кирилл. — А четыре-то рубля отдал?

— Да не взяла она. Покраснела — и ни в какую... Славная такая девушка.

— Все понятно, — заметил Кирилл.

— Что понятно?

— Почему ты не торопился.

— Иди ты...

— Я не иду, я лечу. У меня тяжелое предчувствие: кажется, меня сегодня первый раз в жизни выдерут.

— По-твоему, я совсем идиот? — обиделся Дед. — Я же позвонил вам домой из автомата. Сказал, что ты у меня.

— Да у нас телефон не работает!

— Представь себе, уже работает!

— Уф... — облегченно произнес Кирилл. — Это дает надежду на спасение. Ну, все равно, я помчался. До завтра!

Он выскочил на темный двор, схватил руль. И тут его остановило, будто крепким толчком.

Кирилл торопливо вернулся в комнату. Митька-Маус полусидел в постели, упираясь в подушку локтями. Встревоженно и с обидой смотрел на дверь.

Мельком глянув на удивленного Деда, Ки-

рилл подошел к Митьке и сел на краешек дивана. Взял Мауса за запястья.

— Ну вот, Мить, я поехал. Спокойной ночи... — Потом понизил голос и сказал: — Ну, ты смотри, мы договорились: про наши тайны — никому.

Митька заулыбался и быстро закивал.

И уже проносясь в сумерках по переулкам и спускам, Кирилл словно все еще видел перед собой Митькино лицо со счастливой улыбкой.

Глава двенадцатая

Сентябрь, даже очень теплый, все-таки не настоящее лето. Днем жарко, а после заката воздух становится зябким. Чтобы не продрогнуть, Кирилл изо всех сил нажимал на педали.

Он съехал в овраг и был уже на середине мостика, когда внизу у камней замелькал фонарик. Кирилл разглядел на берегу мальчишку. Тот суетливо прыгал, натягивая брюки. Фонарик у него в руке дергался и мигал.

Что-то знакомое, птичье было в мальчишке, и, доехав до конца мостика, Кирилл уже понял.

— Чирок! Петька! Это ты?

Фонарик замер.

Кирилл резко повернул и съехал к воде.

— Ты что здесь делаешь, Петька?

Чирок секунду постоял растерянно, потом положил на траву включенный фонарик и стал талкивать под брюки подол рубашки. Его лицо, освещенное снизу, казалось странным и очень несчастным. Маленькое острое лицо с ушедшими глубоко в тень глазами. Смотрел Чирок не на Кирилла, а в сторону.

— Ты что?.. — Кирилл замолчал, начиная догадываться. Петькина рубашка прилипла к мокрому телу, волосы тоже были мокрыми.

— Кошелек искал?.. — сказал Кирилл.

Петька зябко вздрогнул и проговорил:

— Я подумал: он, может быть, в камнях застрял.

— Ты ненормальный, да? Вода как лед!

— Да не холодно, — сказал Петька и стукнул зубами.

Все, что произошло сегодня, отодвинулось и стало неважным. Остался только страх за бестолкового Петьку. Если Чирка немедленно не закутать, не согреть, не выгнать из него озноб, дело кончится бедой. Два года назад Кирилл почти с месяц провалялся после такого вот купания, когда вылавливал в ручье упавший насос от старого велосипеда. Тоже говорил тогда: «Не холодно...»

Закутать Петьку было не во что.

— Псих, честное слово, — сердито и жалобно сказал Кирилл. — А ну, пошли наверх! Бегом! Чирок послушался. Они зашагали, потом побежали вверх по тропинке.

— Толкай велосипед, — велел Кирилл.

Петька молча подчинился. Сухая глина сыпа-

лась из-под ног, дышать было тяжело. Два раза Кирилл коленями брякнулся на острые земляные комки. Но все это было неважно: главное, чтобы Петька разогрелся.

Шумно дыша, они выбрались наверх.

— Садись в седло, — приказал Кирилл. — Ну, садись, говорят! Повезешь меня.

Петька понял. Кирилл разглядел его виноватую улыбку.

— Я тебя не увезу.

— Увезешь как миленький, — сказал Кирилл и сел на багажник.

Петька, тяжело вихляя рулем, повез его по переулку. Кирилл толкнулся ногами, скорость увеличилась.

— Да жми ты! — прикрикнул Кирилл.

Петька послушно жал. Когда подъехали к дому, он дышал, как пароход времен Марка Твена.

— Дома кто? — спросил Кирилл.

— Никого. Бабушка в деревне, мама... она у знакомых...

— Пошли...

В Петькиной комнате была очень яркая лампа. Она вспыхнула, как кинопрожектор. Кирилл зажмурился и лишь через полминуты смог осмотреться. Комната была низенькая и тесная. С узким диваном, с письменным столиком, приткнувшимся между окон. Подоконники были заставлены аквариумами. В этих стеклянных ящиках металась разбуженная светом рыбка, похожие на разноцветные перья и осенние листики. На стенах приколоты были цветные вырезки из журналов — тоже с разноцветными рыбами, а еще — с батисферами и аквалангистами.

Все это Кирилл заметил машинально. Сейчас было не до рыб. Петька стоял посреди комнаты и смотрел на Кирилла виновато и растерянно.

— Ванна есть? — спросил Кирилл и тут же мысленно обругал себя за глупость.

— Какая у нас ванна... — сказал Петька.

«Надо было сразу его к себе тащить, — подумал Кирилл. — Хотя кто знает: может, горячей воды опять нет...»

— Ладно, раздевайся, — сердито сказал он.

— Зачем? — боязливо спросил Петька.

— Балда. Чтобы не помереть.

Петька, стеснительно поеживаясь, потянул через голову рубашку, майку, выбрался из промокших сзади брюк. Из кармана выпал и тяжело стукнулся об пол фонарик.

— Иди трусы переодень, — велел Кирилл. — Мокрые же... Да шевелись, моя радость...

Он заставил Чирка постелить постель, притащить два одеяла и суровое полотенце. Он делал то, что однажды мама делала с ним, промокшим под холодным ливнем. Уложил Петьку на диван вниз лицом и стал тереть полотенцем его тощую спину так, что позвонки застучали, будто косячки на счетах.

— Ой-ей! — жалобно сказал Петька.

— Вот тебе и «ой-ей». Не будешь сдуру в холодную воду соваться. Неужели думал, что в самом деле кошелек найдешь?

— Думал... Ой!.. А что делать? Тот парень сказал, чтоб от мамы записка была, что разрешает велосипед продать...

— Не надо ничего продавать, — объяснил Кирилл. — Не было в кошельке никакой стипендии. Четыре рубля было. Все уже уладилось, не мучайся ты больше...

Петька дернул плечами и, вывернув шею, взглянул на Кирилла.

— Правда?

Ух и глаза были у него! Синие, как Тихий океан. Неужели человек с такими глазами может стать подонком вроде Дыбы?

— Не дрыгайся, — ответил Кирилл. — Все правда.

Петька лег щекой на согнутый локоть и вдруг проговорил, не обращая уже внимания на жесткое полотенце:

— А я не из-за велосипеда... Я все равно бы... Хотел, чтобы скорее ничего не было.

— Ничего уже и нет, — строго сказал Кирилл.

Он загнал Петьку под одеяла, закутал. Потом в кухне на маленькой газовой плитке согрел чайник и налил в пустую бутылку горячей воды, потому что грелки не нашлось. Заткнул бутылку пробкой из туго скрученной газеты и сунул Петьке в ноги. После этого заставил выпить кружку горячего чая.

Петька все выполнял безропотно, только вдруг посмотрел на Кирилла из-за кружки и тихо спросил:

— Векшин, а чего ты со мной возишься?

— Ну вот, — растерянно сказал Кирилл. — Не твое дело. Хочу и вожусь.

Не мог же он объяснить Петьке, что чем больше возится, тем сильнее растет в нем непонятное чувство: будто Петька ему не чужой.

— Хочу и вожусь, — повторил он. — Давай сюда кружку и укрывайся как следует.

Петька укрывшись по самый нос. Внимательными и печальными глазами следил за Кириллом. Потом заговорил. Губы у него были под одеялом, и слова звучали глуховато:

— Кирилл... Я тогда не сказал при Черепановой... Я, знаешь, почему от вас побежал? У нас тогда один человек был дома, я не хотел, чтобы при нем... Ну, это наш друг хороший... Понимаешь, Кирилл, они с мамой пожениться хотят, значит, он у меня как отец будет. А если узнает, что я вор, зачем ему такой сын...

Он отвернулся к стене.

Кирилл осторожно положил руку на одеяло.

— Петька... Я же говорю: забудь ты об этом кошельке...

Петька, не оборачиваясь, сказал:

— Никогда я об этом не забуду... Кирилл, я бы еще в классе, наверно, признался, если бы не этот человек... который отец...

Потом он помолчал и шепотом добавил:

— Нет, не признался бы... Я трус.

— Просто ты был один, — сказал Кирилл.

Уже совсем тихо Петька проговорил:

— Если бы тебя по правде обвинили... Ну,

если бы все этому поверили... Тогда я признался бы. Не веришь?

— Петька, — сказал Кирилл. — Я к тебе завтра утром перед школой зайду. А сейчас побегу, меня дома потеряли.

Петька резко повернулся к нему.

— Завтра? А зачем? ...Правда, придешь?

— Ага, — как можно беззаботнее откликнулся Кирилл. — А сейчас ты лежи, не вздумай вскакивать.

— Ладно, — обрадованно согласился Петька. — А ты в самом деле придешь?

— В самом деле... Петька, чем ты своих рыб кормишь? Я дома хотел аквариум устроить, да все рыбы передохли.

Это он наврал. Просто, чтобы успокоить Чирка.

— Я тебе расскажу! — Петька подскочил. — Это же...

— Завтра, — перебил Кирилл. — А сейчас не вздумай вставать.

— Ага.

— Честное пионерское не встанешь?

Петька отвел глаза, поскутнел и не ответил.

— Ты чего? — встревожился Кирилл.

— Не хочу я больше врать, — сумрачно сказал Петька. — Я же не пионер... Я же не вступал. Просто, когда приехал в санаторий, сказал, что дома галстук забыл, там ведь не проверяли, пионер или нет. А когда вернулся, сказал, что в санатории приняли, там дружина была, как в школе.

— Теперь уж все равно. Два года галстук носишь, — нерешительно сказал Кирилл.

— Нет, не все равно... Я же не давал обещания... Вообще-то давал. Я в пионерскую команду пришел, когда никого не было, за знамя поддержался и шепотом рассказал обещание... Но это ведь не считается?

— Если всерьез давал, то, по-моему, считается, — сказал Кирилл. — Ну, лежи, Петька. До завтра...

Выйдя от Петьки, Кирилл позвонил из автомата.

— Мама? Это я... Ну, я понимаю... Мама, ну такие дела были! Бывают же уважительные причины. Мам, ты сперва послушай! Даже преступникам последнее слово дают... Ну, ладно, ну хорошо, я согласен, хоть кочергой... Я специально у Деда попрошу... А его-то за что? Он хороший!.. Нет, мамочка, не надо, без велосипеда я помру... Антошка уже спит?.. Как это не мое дело? Как укачивать — так мое, а спросить нельзя, да?.. Ладно, еду. Да, да, немедленно!..

Дома Кирилл узнал, что он — лишенное совести и благородства чудовище, у которого одна цель: довести до гибели родителей. И самое ужасное, что, сведя в могилу отца и мать, он оставит сиротой не только себя, но и ни в чем не виноватого младшего брата.

— Мама, но Дед же позвонил!

— После того, как он позвонил, ты болтался еще больше часа! Как я не сошла с ума?.. Девочка приходила, принесла твой злополучный

портфель, сидела, ждала, тоже волновалась. За чем-то ты ей был нужен. Так и не дождалась!

— Женька?!

Надо же! А Кирилл и забыл, что портфель у нее остался. Молодец, притащила!

— Не Женька, а Женя... Ты стал совсем личным мальчишкой. Где тебя носило допоздна?

— Я спасал утопающего, — брякнул Кирилл, потому что выхода не было.

— Что? — прошептала мама и опустилась на табурет.

— Да, — сказал Кирилл. — Почти... Можно, я чего-нибудь поем? А то упаду, и меня уже никто не спасет.

Мама его простила и накормила. А что ей оставалось делать? Правда, она сказала, что скоро придет отец (которого тоже где-то носит нелегкая), и тогда Кириллу придется отвечать по всей строгости.

Отец пришел изрядно вымотанный, но в хорошем настроении.

— Дитя мое, — сказал он, — когда кончишь набивать живот, изложи в деталях бурные события дня... Что это получается? Не успел отец прилететь, как его уже тянут в школу. Посреди рабочего дня! Бред какой-то!

— Изложу, — согласился Кирилл.

Они пошли в комнату, на диван под корабликом, и Кирилл начал рассказ: про хор, про кошелек, про Еву Петровну...

Лицо у Петра Евгеньевича делалось серьезней и серьезней.

— Слушай-ка, — вдруг перебил он. — А может быть, Ева Петровна сказала мне правду?

— Что? — прошептал Кирилл. Потом крикнул: — Какую правду?! Ты о чем?!

— Что с тобой? — удивился Петр Евгеньевич. — Я же только спросил. Она говорила, что лучше перевести тебя в другую школу. Я и подумал...

— А я подумал, что ты про кошелек... — пробормотал Кирилл.

Отец помолчал, погладил лысину и печально сказал:

— Ну и дурак...

Кирилл с облегчением рассмеялся.

— Рассказывай дальше, — велел отец.

Кирилл рассказал про Чирка, про Дыбу, про то, как Петька пытался найти кошелек.

— Вот и все...

Отец хмыкнул, вскочил и зашагал по диагонали.

— Ты думаешь, я неправильно сделал? — сердито спросил Кирилл.

— Что?

— Ну, с Чирком. Что решил молчать... и вообще...

— Не знаю... Теперь это уже не имеет значения. Теперь ты должен делать, что решил, иначе будет предательство.

— Я и делаю...

— Знаю только, что Ева Петровна тебя не одобрила бы... Кстати, твое сегодняшнее пове-

дение она считает вызывающим, ужасающим, подрывающим основы педагогики...

— А ты как считаешь? — с любопытством спросил Кирилл. Привалившись к спинке дивана и подтянув к подбородку колени, он следил за отцом.

Петр Евгеньевич забегал по комнате.

Кирилл снисходительно вздохнул.

— Трудное у тебя, папа, положение. Согласиться с Евой Петровной тебе совесть не позволяет. А сказать, что прав твой сын, непедагогично. Да?

Отец подскочил и ухватился за подтяжки.

— Не городи чепуху, любезный! «Педагогично», «непедагогично»! Я прекрасно знаю, что отбирать портфели и обшаривать карманы — это бред. И что нельзя с бухты-барахты называть человека вором! Но согласись, что и ты держал себя не лучшим образом! Еву Петровну возмутил больше всего твой тон.

— Когда ни к чему нельзя придаться, всегда придираются к тону, — объяснил Кирилл. — Стоит открыть рот и возразить, как уже говорят, что грубишь... Начинаешь доказывать, что нет никакой грубости, а тебе сразу: «Ах, ты еще и споришь!»

— Ну, это бывает иногда, но все-таки...

— Папа, — перебил Кирилл, — тебе сколько было лет, когда у тебя первый раз отобрали портфель и послали тебя за родителями?

— Что?.. Да, было... Девять лет. В третьем классе.

— И что ты делал?

Петр Евгеньевич отпустил подтяжки, и они щелкнули его по плечам.

— Что я делал... Плакал, кажется.

— И я раньше плакал, — сказал Кирилл и встал. — Видишь, папа, в чем дело: я плакал и был хороший. А сейчас я научился не плакать... если даже хочется... Но я не виноват, это виновата зеленая обезьяна.

Петр Евгеньевич изумленно уставился на сына.

— Какая обезьяна? Это ты про Еву Петровну?

Кирилл с хохотом рухнул на диван.

— Ой, мамочки!.. При чем здесь Ева Петровна? Это шутка такая... Ой, слышала бы она!

Нахохотавшись, он вскочил, подошел к отцу сзади и повис у него на плечах.

— Смотри, я скоро с тебя ростом буду.

— Рост линейной величины сам по себе не есть признак роста качества. Проще говоря, велика Федора... — отвечивал Петр Евгеньевич. — Кстати, почему ты уходишь от серьезного разговора?

— Разве я ухажу? — удивился Кирилл. — Я как раз хотел... у меня серьезный вопрос.

— Ну, давай.

— Ты, когда служил на границе, изучал всякие приемы? Самбо там, каратэ и всякое такое?

— Ну... да. Нас учили.

— А почему ты мне никогда не показывал?

— Да потому, что это не игрушки... Тебе зачем?

— Ты человек смелый,—
согласился Дыба.
Димка, Обух, Козочка
выжидательно смотрели
на Кирилла.

— А если привяжется вот такой Дыба...

Отец грустно и внимательно посмотрел на Кирилла.

— Ты думаешь, таким образом можно что-то решить? Оттого, что ты выучишь самбо, Дыбы не исчезнут. Они тоже выучат приемы и приспособятся.

— Я понимаю, — согласился Кирилл. — Но я же не вообще, а если... ну, вот придется сцепиться. Он же здоровее. Вдруг он полезет?

— Ладно, кое-что покажу, — сказал отец. — Не все, конечно. Есть вещи, которые показывать я просто не имею права... Да и позабыл, по правде говоря.

— Сейчас покажешь?

— Сейчас я еле на ногах стою. Я же прошлую ночь не спал, сидел в аэропорту... Надеюсь, тебе не грозит немедленное нападение Дыбы?

— Немедленное не грозит...

— Ну и прекрасно. Тем более, что ты, по моему, еще не брался за уроки. Ты об этом думаешь?

— Не-а, — честно сказал Кирилл. И отправился спать.

Он тоже устал ужасно. Он словно тащил на плечах весь прошедший день — громадный, тяжелый, печальный и радостный.

Но все-таки у Кирилла хватило сил зайти посмотреть на Антошку.

— Тише, — сказала мама. — Он только уснул.

Она уложила Антошку, впервые не спеленав ему руки. Антошка спал, закинув к голове крошечные кулачки. Его реденькие светлые брови были сурово сведены. Что ему снилось, что его, кроху, тревожило?

Глава тринадцатая

Каждое утро Кирилл просыпался с тревогой: не кончилось ли ночью лето? Он понимал, что осень вот-вот возьмет свое, но все-таки думал: «Пусть еще немножко будет тепло. Хотя бы денек...»

Лето продолжалось. Субботний день начинался с ясным небом и теплым солнцем. Больших забот он не обещал. Уроков труда нет, значит, в школу надо идти лишь к половине одиннадцатого. Потом немецкий и биология. После школы — одно только дело: слетать в молочную кухню. Потом — на велосипед и к Деду: договориваться о завтрашнем плавании.

— Мама, отпустишь? А то мы давно всей командой не собирались.

Он знал, что мама отпустит. Тем более, что у отца выходной, есть кому повозиться с Антошкой.

Мама сказала:

— Ты бы почистил ботинки, мореплаватель. И форму заодно. Взрослый парень, а следить за собой не научишься. Выглядишь, как разбойник.

Кирилл возразил:

— Нет, я симпатично выгляжу. Мне вчера сказали, что я на Тилия Уленшпигеля похож. Тебе не кажется?

Мама сказала, что Кирилл похож на косматое пугало, и спросила, куда он отправляется так рано, если нет первых двух уроков.

— Я к одному мальчику найду, к Петьке Чиркову...

Короткий путь на улицу Грибоедова лежал мимо гаражей. И там, на бетонных плитах, опять в окружении свиты возлегал Дыба.

«Когда он учится? — подумал Кирилл. — Он же всем рассказывал, что в техникум поступил...»

Дыба тоже увидел Кирилла и неторопливо встал. Кирилл не замедлил и не ускорил шагов, хотя, по правде говоря, стало слегка неудобно. Дыба пошел навстречу. Он двигался небрежной походкой мексиканского танцора, упираясь растопыренными пальцами в бедра. На его пятиугольной физиономии была добродушная, даже дружелюбная ухмылка.

— Привет, Кирюха. Не бойся.

— Похоже, что я боюсь? — спросил Кирилл, и проснувшаяся злость пригасила страх.

— Ты человек смелый, — великодушно согласился Дыба и оглянулся на компанию. Димка Обух, Козочка и двое незнакомых парней лет четырнадцати выжидательно смотрели на председателя и с нехорошими улыбками — на Кирилла.

— Как насчет маечки? Не надумал?

— Не надумал, — ответил Кирилл, ощущая холодок в груди. — Лучше отдай эти деньги Чирку. Сколько рублей ты с него натряс?

У Дыбы на секунду приоткрылся рот. Улыбка сошла. Но он тут же сделал вид, что ничуть не удивлен. Укоризненно покачал головой. Спросил:

— Ты дурак? Это выступление как понимать? Случайность или на принцип пошел?

— Не случайность, — сказал Кирилл.

— Ясно, — с пониманием проговорил Дыба, и в голосе его даже проскользнуло уважение. — Кодлу заимел?

Кирилл коротко засмеялся.

— А говоришь, что я дурак! Сам ты дурак. Ты думал, что тебя всю жизнь будут бояться?

Дыба зевнул, наклонил голову, осмотрел Кирилла от ботинок до макушки. Изобразил на лице жалость и сочувствие.

— Хороший ты пацан, — медленно сказал он. — Никогда тебя не трогали, обрати внимание. Но будешь выступать, смотри — маме с папой жаловаться бесполезно. Не помогут.

— Если надо, то помогут, — сказал Кирилл. — Но и без них есть кому с тобой поговорить.

Дыба вдруг резко вскинул руку и затем с улыбочкой пригладил волосы. Это был старый-старый трюк: взять противника на испуг.

Кирилл не дрогнул. По правде говоря, он просто не успел среагировать, но это оказалось к лучшему. Он спокойно стоял и смотрел, как Дыба с глупым видом гладит голову.

— А если бы я был нервный? Мог бы ведь испугаться и врезать, — сказал Кирилл, удивляясь собственному нахальству. — У меня, конечно, весовая категория в два раза меньше, ты вон какой. Но с испугу-то я мог...

Дыба опять заулыбался и... вдруг протянул руку. Это был истинно королевский жест: сдержанный, но исполненный великодушия.

— Кирилл, ты мне нравишься, я таких уважаю. Между нами ничего не было. Давай жить, чтобы друг другу не мешать.

Кирилл посмотрел на его широкую пятерню, украшенную дешевым перстнем. Потом на его лицо.

— Не забудь насчет Чирка, — сказал он. — Будь здоров.

Он обошел Дыбу и двинулся к проходу в переулок.

— Стой, — негромко произнес Дыба.

Кирилл оглянулся. Лицо Дыбы сейчас было совсем не такое, как несколько секунд назад. Ухмылочка стала кривой и болезненной, будто Дыба неосторожно коснулся языком больного

зуба. А глаза смотрели стеклянно, как у куклы. «Наверно, нарочно тренирует такой взгляд», — подумал Кирилл.

— Ну чего? — спросил он.

Дыба, вильнув поясницей, сделал к нему шаг.

— Я два раза в любви не объясняюсь, — сказал он и сплюнул. — Поимей в виду, крошка: не всегда на улице светло и не везде кругом окна.

Кирилл кивнул.

— Поимею. А ты насчет Чирка все же подумай.

Дыба хмыкнул, повернулся и зашагал прочь, не взглянув больше на Кирилла. Через несколько шагов обернулся и крикнул своей компании:

— В час двадцать у «Экрана»! Вовку прихватите, пускай привыкает головастик.

Кирилл пошел своей дорогой. Он понимал, что оглядываться нельзя, хотя могли догнать, ударить сзади. Могли бросить кирпич. Все могли. И Кирилл шел, ощущая мелкое противное дрожание в мускулах. Но не оглянулся. Оглянуться — значит проиграть. А пока была ничья...

Минут через двадцать он был в доме у Чирка. Постучал в обитую клеенкой дверь. Долго не открывали. В сенях пахло квашеной капустой — видимо, от кадушки в углу. Гудела большая зеленая муха. Это гудение вызывало непонятную досаду и беспокойство. И когда за дверью послышались шаги, Кирилл уже почти знал, что случилось что-то нехорошее.

Открыла дверь низенькая женщина в косынке и очень просторном халате. У нее было утомленное и озабоченное лицо. Она не удивилась, увидев Кирилла.

— Здравсте. А Чи... Петя дома? — сбивчиво спросил Кирилл.

Она утвердительно кивнула. Потом сказала усталым полупешепотом:

— Проходи... Заболел Петенька.

«Так и есть», — с тоской подумал Кирилл и вопросительно посмотрел на Петькину маму.

— Может быть, к нему нельзя?

— Проходи, ничего, — повторила она. — Жар у него. А все спрашивает, не пришел ли мальчик. Ты это?

— Я, — сказал Кирилл и пошел вслед за ней в комнату.

Чирок лежал, укрытый по самый подбородок, так, как вчера укрыл его Кирилл. Лицо у него было темно-розовое, с капельками пота на лбу. На большой подушке это лицо, худое, остроносое, казалось совсем маленьким, как у младенца. А глаза были большие. Чирок словно обнял Кирилла этими большими глазницами, облизнул губы и сказал очень тихо:

— А я все думал... придешь или нет...

— Чего зря думать? Я же сказал вчера, — пробормотал Кирилл.

Чирок медленно вздохнул, и его тощенькая грудь приподнялась и опустилась под одеялом. Он не отводил от Кирилла свои очень потемневшие глаза.

— Садись рядом... на табуретку.

— Только недолго, Петенька, — попросила мама. — Тебе поспать надо, а мальчику, наверно, в школу.

Чирок опустил ресницы: «Ладно». Мама вышла.

— Свалился все-таки, — сказал Кирилл со смесью досады, жалости и неловкости.

— Ага, — виновато прошептал Чирок. — Маме не говори про мое ныряние. Она думает, что я случайно простыл... Я все равно недолго пролежу.

Кирилл посмотрел на его горящий лоб, на слипшиеся прядки волос и промолчал.

Чирок тоже молчал.

— А что болит? — спросил наконец Кирилл.

Чирок слабо улыбнулся.

— Да ничего. Дышать немного тяжело. И ночью всякая ерунда снится. Давит будто...

Кирилл сказал:

— Сейчас Дыбу видел. Я ему говорю, чтобы деньги тебе отдал, а он, бандюга, пугает.

— Не отдаст он...

— Наверно, не отдаст. Ну черт с ними, с деньгами, пусть подавится, лишь бы никого больше не трогал.

— Он будет... — прошептал Чирок.

— Там посмотрим, — хмуро произнес Кирилл.

Заглянула в комнату Петина мама.

— Я пойду, — торопливо сказал Кирилл. — Ты пока спи, тебе надо. Я зайду.

— Когда?

— После школы зайду. Ты поправляйся.

Чирок опустил ресницы. Потом вытянул из-под одеяла руку. Кирилл взял его за пальцы и чуть не обжегся.

— Ох и раскалился ты...

Чирок опять разлепил губы.

— Правда придешь?

— Я же сказал.

— А... почему?

Кирилл понял. Это был почти такой же вопрос, как вчера: «А чего ты со мной возишься?»

— Потому что мне хочется, — сказал он сердито. — Лежи и спи.

В коридоре ждала Кирилла Петина мама.

— Беда за бедой, — пожаловалась она. — Бабушка пишет, что захворала, еле ходит, а тут вот с Петей такое. Ведь полгода с легкими пролежал. А если опять начнется?

Кирилл не знал, что сказать. Уверять, что Чирок скоро поправится? Глупо. Мать все равно видит, что заболел он крепко.

— Вы только не расстраивайтесь очень, — пробормотал он. — Вам же нельзя.

Она лишь рукой махнула. И вдруг посмотрела на Кирилла внимательно и ласково.

— Я и не знала, что у Петеньки в классе товарищи есть. Он все больше с маленькими играл или один... Тебя как зовут-то?

— Кирилл.

— Как дедушку его, моего свекра... Ты мне, Кириуша, не поможешь?

— А что? Давайте! — встрепенулся Кирилл.

— Боюсь я его оставлять-то. Зайди по пути в поликлинику, вызови врача. Тут недалеко. Кирилл торопливо кивнул.

В регистратуре поликлиники была очередь, и Кирилл из-за этого чуть не опоздал на биологию. Он влетел в класс после всех, мельком глянул на Женьку, встретил ее странный, растерянный взгляд и улыбнулся: «Ничего, все в порядке». Хотя какое уж там ничего, когда Чирок так заболел. Кирилл чувствовал, что даже завтрашнее плавание радует его меньше, чем утром...

Вошла Ева Петровна. Кивнула, чтобы садись. На ее лице, как обычно, лежала печать забот и решимость эти заботы преодолеть. Но губы ее были сжаты сейчас особенно плотно. Это означало, что, помимо обычных неприятностей, есть неприятности внеплановые.

Ева Петровна оглядела класс.

— Сушко, перестань возиться и сядь прямо. Надоело. Климов, хоть на пять минут избавь нас от своих иронических улыбок... Кстати, где Чирков? Он не приходил?.. Что же, этого можно было ожидать.

— Почему? — услужливо спросила Элька Мякишева, и прежде чем Ева Петровна заговорила, Кирилл почувствовал: «Знает!»

Ева Петровна уперлась ладонями в стол.

— А потому, — сказала она негромко, печально и внушительно, — что именно Чирков по-

винен в краже кошелька у практикантки Ольги Николаевны Федосеевой.

«А-ах», — сказали девчонки, а кто-то из ребят свистнул. Кирилл сжался. «Откуда? Откуда она знает? Неужели студентка сказала? Но Дед ей даже имени Чирка не назвал!»

Ева Петровна продолжала:

— Да, это так. И я не вправе скрывать этот факт от членов отряда. Есть люди, которые рады были бы это скрыть, но я не могу. Тем более, что отряду грозит утрата почетного звания.

— Из-за одного шибзика! — громко сказал Роман Водозовов, приятель Димки Сушко.

«Шкура...» — подумал Кирилл.

— Как узнали-то? — спросил Кубышкин, и у кого-то сработал рефлекс: хихикнули.

Только сейчас Кирилл догадался посмотреть на Женьку.

Женька сидела с белым лицом и плакала.

— Вы же... обещали! — громко сказала она. — Вы же... Нечестно!

Ева Петровна медленно повела на нее взглядом.

— Что я обещала, Женья? Скрывать от класса вину Чиркова? Поддержать вашу с Векшиным игру в благородство? Это не благородство, а обыкновенное укрывательство жулика.

Чирок лежал, укрытый по самый подбородок, так, как вчера укрыв его Кирилл.

«Вот и все, Женя-Женечка», — подумал Кирилл и громко спросил:

— Что, Черепанова, не выдержала, поделилась?

Женька вдруг заплакала, как плачут младенцы, морщась и вздрагивая нижней губой. И пошла, потом побежала из кабинета.

А тридцать четыре человека сидели и молчали, ничего еще не зная и не понимая.

«Ну, почему, почему, почему? — возмущался Кирилл. — Почему все к худшему? Хочешь добра, мечешься, стараешься — и все не так!» Мысль эта простучала пулеметной очередью, и вдруг Кирилл ощутил злое спокойствие. В конце концов что страшного случилось? С кем? Чирок? Но ему в школе ничего уже не грозит: своим нырянием в ледяной ручей он искупил все, в чем был виноват. Болезнь взяла его под надежную защиту.

Женька? Но до вчерашнего дня Кирилл жил, не думая о ней. Что ж, проживет и дальше.

— Если председатель совета отряда устраивает истерики, чего ждать от класса?.. — проговорила Ева Петровна, глядя вверх голов. Кажется, она была все-таки немного смущена.

Класс молчал. Ева Петровна спросила:

— Кто сходит к Чиркову и выяснит, почему он не явился на занятия? Что с ним случилось? Кирилл встал.

— С ним случилась простуда, — отчетливо сказал он, разглядывая улыбающуюся рожу скелета за стеклом.

— Очень удачно, — недоверчиво произнесла Ева Петровна. — Это правда, надеюсь?

Кирилл посмотрел в ее табачные глаза.

— Нет, конечно, — ответил он. — Я никогда не говорю правды. Вчера я врал, что не брал кошелек, сегодня придумал про Чиркова.

— Вчера ты сам был виноват. Вел себя просто чудовищно... Если бы не твое вчерашнее поведение, я могла бы, пожалуй, извиниться перед тобой...

— Не надо, я переживу, — сказал Кирилл.

Ева Петровна кивнула.

— Я тоже думаю, что переживешь. Кроме того, твоя попытка скрыть вину Чиркова делает тебя фактически его сообщником.

— Каким сообщником? — удивился Кирилл.

— Обыкновенным! Сообщником в краже кошелька.

— В котором не было никакой стипендии, а было всего четыре рубля, — сказал Кирилл. — Ох и нажились мы!..

Опять кто-то тихо свистнул. А длинный Климов спросил:

— Откуда ты знаешь?

— От хозяйки кошелька, — сказал, не оборачиваясь, Кирилл.

Теперь кабинет биологии наполнился перешептываниями, негромкими вопросами и возгласами.

— Это не имеет никакого значения! — воскликнула Ева Петровна. — Кража остается кра-

жей! Сорок рублей или четыре — что это меняет для нас?

— Для Чиркова меняет, — сказал Кирилл. — Если бы он знал, что в кошельке нет стипендии, он не нырял бы за ним в холодную воду. И сегодня я не вызывал бы ему врача.

— Куда нырял? — громко спросил Димка Сушко и гоготнул.

— Пускай Кирилл все объяснит, — потребовал Валерка Самойлов. — Ничего не понять.

Кирилл повернулся к нему.

— Вот именно, что не понять. А чтобы понять, надо разобраться. А разбираться разве охота?

Ева Петровна посмотрела на часы.

— Разбираться будем после уроков на классном часе, а сейчас займемся биологией. Кстати, пусть Векшин идет к доске и с той же энергией, с какой он защищал Чиркова, расскажет домашнее задание.

— Не пойду я к доске, потому что не учил.

— Векшин — два, — сообщила Ева Петровна и открыла классный журнал.

— Правильно, — сказал Кирилл. — Сперва отобрать портфель с учебниками, а потом — два. А как я должен был учить?

Ева Петровна придержала занесенную ручку.

— Во-первых, я портфель не отбирала. Во-вторых, Черепанова отнесла его тебе домой.

— Слишком поздно отнесла, у меня уже другие дела были, — скучным голосом сказал Кирилл.

— Очевидно, более важные, чем уроки...

— Достаточно важные, — сказал Кирилл. Урок он мог ответить; он помнил тему. Но он понимал также, что двойку ему ставить нельзя, не по правилам. Кроме того, отвечать у доски, будто ничего не случилось, было тошно.

— Если ты, Векшин, считаешь, что оценка несправедлива, можешь обратиться к завучу, — сообщила Ева Петровна. — А пока попрошу дневник.

— Пожалуйста, — сказал Кирилл и понес дневник учительнице. Двойка сейчас его не волновала. Он по-прежнему ощущал холодную, спокойную злость.

Ева Петровна вывела оценку и, подумав секунду, начертала на полях:

«Демонстративно отказался отвечать урок пререкался с учителем».

— После слова «урок» нужна запятая, — сказал Кирилл.

Ева Петровна поставила запятую и утомленно произнесла:

— А теперь пусть Векшин покинет кабинет. Я понимаю, что нарушаю закон о всеобуче, про который вчера напоминал Климов, но вести урок при Векшине я сейчас не могу. Пусть Векшин жалуется хоть в министерство.

— Не буду, — сказал Кирилл. — Пусть министерство работает спокойно.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Подснежник

Маленький подснежник,
Тонконогий друг,
Поглядел на солнце
Сквозь ресницы вьюг.

Снег вернулся в небо,
Легкий, словно сон,
А весна проснулась
С четырех сторон.

Ветка яблони

Ветка
Склонилась на наше крыльцо —
Белая птица.
К первой росе протянула лицо,
Чтобы умыться.
Медом запахло,
Цветы зацвели
В утренней кроне...
Ветка
Нагнулась до самой земли
В низком поклоне.

Сварщик

Нигде на свете не найдется
Такого сварщика,
Как солнце!
Нет ему равных —
Целый день
Соединяет свет и тень
И раскаляет зорьки нить,
Чтоб землю к небу приварить!

Трениер

Вместе с летом
К нам в село
Теплый ветер занесло.
И теперь
Вокруг села
Он кружится, как юла:
То затихнет,
То задует —
Он деревья тренирует!
Чтоб стояли — не дрожали
Поздней осенью сады,
Чтоб в руках они держали
Крепко-накрепко плоды.

Перевел с молдавского
Михаил ЯСНОВ.

По путевке Ленина

Эти воспоминания написал Захар Александрович ДЫМОВ, ветеран нашей партии.
...1922 год. Захар Дымов, молодой чекист, не раз дежурил в здании на Воздвиженке, где в то время помещался Центральный Комитет РКП(б). Ему посчастливилось видеть Владимира Ильича Ленина, разговаривать с ним, выполнять его поручения. Об одной из таких встреч он и рассказывает.

В октябре 1922 года я получил еще одну нагрузку: оставаясь чекистом и ответственным дежурным по ЦК, я стал еще и «чрезвычайным уполномоченным по жилищным вопросам». С жильем в те годы было очень тяжело, и на первых порах я растерялся. Ворох бумаг на столе: докладные, заявления, приказы, циркуляры, жалобы... Попробуй, разберись, кто прав, кто виноват.

А штат у меня — я один. Юрист, инженер, эксперт...

Иногда о жилищных делах приходилось докладывать Владимиру Ильичу. Это обычно касалось тех жалоб, которые направлялись лично Председателю Совнаркома.

Ленин не терпел ни малейшей волокиты. Я поражался, какая удивительная у него память. Принесу вечером телеграммы, а он вдруг спросит о какой-нибудь жалобе, которая разбиралась месяц назад, и даже назовет тех, кто жаловался.

Если ответу: «Улажено, Владимир Ильич», он скажет: «А вы еще раз проверьте. Лично проверьте, товарищ Дымов».

Был он простым, сердечным человеком. Два-три слова скажет, улыбнется одними глазами, а у тебя праздник на душе. Летишь, как на крыльях, кажется, готов гору свернуть!

Однажды, прочитав бумаги, которые я принес, Владимир Ильич внимательно посмотрел на меня:

— Вы учитесь, товарищ Дымов?

Я покраснел, думаю, наверно, где-то ошибку

влепил грубую. Чувствую, как все лицо огнем горит...

— Нет, не учусь... Мировую революцию надо делать.

Какая там учеба! Набегаешься за день, затемно придешь в общежитие, попьешь чаю и заваляешься спать. Если, конечно, не дежуришь ночью.

Ленин помолчал немного, вздохнул:

— Тяжеловато. Но все равно надо учиться, товарищ Дымов. Обязательно надо!

Он взял листок бумаги и что-то написал на нем. Это было направление на вечерний рабфак.

Так по путевке Владимира Ильича Ленина я стал слушателем вечернего рабфака. Но учеба моя шла с большим скрипом. Я позабыл к тому времени и то небольшое, что знал. Да и на работе сильно уставал...

Месяца полтора или даже два минуло после того разговора с Владимиром Ильичем. И вот в одно из моих ночных дежурств приношу я Ленину телеграммы. Он просмотрел их, потом хитровато взглянул на меня:

— А как у вас с учебой, товарищ Дымов? Что сейчас проходите?

Я так смутился, что у меня вдруг все из головы вылетело. Стал рассказывать, спотыкаясь на каждом слове. Выслушав меня, Владимир Ильич попросил мою тетрадь. Тетради я носил с собой: занимался-то я на дежурстве, когда выпадала свободная минута.

— А ну-ка, батенька мой, решите! — И он написал условие задачи в тетради.

Легкая была задача. Владимир Ильич, разумеется, и не думал ставить меня в неловкое положение. Но я разволновался и сколько ни перечитывал условие, никак не мог уловить смысла.

— Ну, как там у вас? Не решили? — вдруг круто повернулся он ко мне и огорченно покачал головой.

От стыда я готов был сквозь землю провалиться!

Владимир Ильич все понял. Он улыбнулся.

— Ничего, ничего, товарищ Дымов! Наверстаает! Не боги горшки обжигают!

Весь этот день я ходил сам не свой. Надо же было так опозориться перед Лениным!

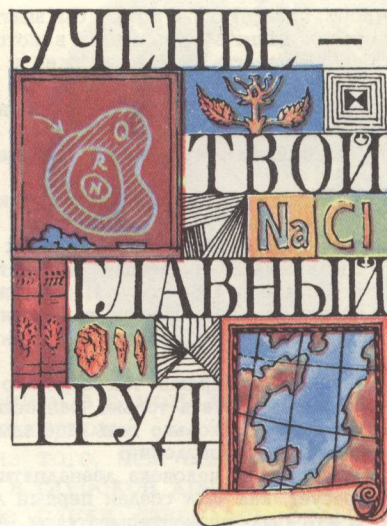
В общезнанию я рассказал ребятам все, как было. Кто пограмотнее, вызвались помогать мне. Стоит ли говорить, как я после этого ленинского экзамена на учебу налег... Но Владимир Ильич долгое время не вспоминал о моей учебе. У него и без меня забот хватало...

И вдруг однажды Владимир Ильич как бы мимоходом снова спросил у меня про учебу. Я рассказал, что дело наладилось, оценки теперь у меня хорошие, только преподаватели очень недовольны, когда пропускаю занятия в дни дежурств.

Закончить этот разговор помешал телефонный звонок. Владимир Ильич снял трубку. Потом звонил другой телефон. Слушая, Ленин чему-то огорчился, нахмурился. Я вышел из его кабинета.

А утром заместитель управделами ЦК РКП(б) Н. Н. Мещеряков сказал мне, что Ленин попросил его так составить график ночных дежурств, чтобы я по возможности меньше пропускал занятия.

А ведь Ильич был невероятно занят... И все-таки, думая о нашей огромной стране, он не забывал и о каждом из нас...

НЕ ТЕСНО ЛИ КНИГАМ СТОЯТЬ НА ПОЛКЕ?

Это, конечно, шуточный вопрос. Но в том-то и дело, что книгам тесно! Даже если их не очень много на полке, им все равно тесно стоять.

А как сделать, чтобы им не было тесно?

Очень просто: возьми одну книгу с полки и почитай.

Вот книга обрадуется!

— Уф, — скажет книга, — застоялась я у тебя на полке. Хочется немножко страницы поразмять.

И ты поможешь ей поразмять страницы.

Не мять, а только слегка поразмять, перелистывая их.

А пока мы с тобой будем эту книгу читать, тем, другим книгам на полке не будет уже так тесно.

Ну, конечно, когда ты книгу прочтешь, придется ее опять поставить на полку, — не валять же ей посреди комнаты!

— Устала я страницами шелестеть, — скажет книга, захлопывая обложку. — Да и соскучилась по своим друзьям.

И ты поставишь ее в прежнюю тесноту.

Да, когда ты поставишь ее, книгам на полке опять станет тесно.

А как сделать, чтобы им не было тесно?

Совершенно верно: взять еще одну книгу и прочитать.

А потом взять еще одну и прочитать.

Если все время какую-нибудь книгу читать, тогда книгам на полке никогда не будет тесно.

Феликс КРИВИН

Маяки в книжном море

К нам, в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина, пришло письмо от Сережи К. из Иркутской области. Он писал, что любит фантастику и про-

читал уже много книг. Но он хотел бы знать, какие есть еще, и просил назвать «книжечку, в которой было бы написано, какие есть фантастические и приключенческие книги».

Сереза верно определил, что ему нужно. «Книжечка» о книгах. То, что мы, библиотекари, называем «библиографическими изданиями», — указатели, списки, беседы о книгах.

Мы посоветовали ему отличного помощника — книгу-указатель. Называется она «Путешествия. Приключения. Фантастика. Рекомендательный список литературы». Автор Шалашова З. П., вышла она в издательстве «Книга» в Москве в 1964 году. И возможно, сейчас ее не везде найдешь. Но в этом году появится ее новое издание. Называться оно будет «Приключения и путешествия».

Конечно, хорошо, что Сереза так серьезно интересуется фантастикой. Но читать только фантастику? По моему, этого очень мало. Сколько есть еще замечательных художественных произведений!

Мне трудно представить человека двенадцати лет, которого не интересует, как был создан первый летательный аппарат и кто был первооткрывателем Америки, какие есть растения-хищники и как была выиграна Грюнвальдская битва.

Но как найти книги, которые тебя интересуют?

Есть библиографический указатель, который называется «Книга о книгах». Вернее, три указателя. Для трехклассников, пятиклассников, восьмиклассников.

«Книга о книгах» пригодится любому читателю, чем бы он ни увлекался. Она рассказывает о книгах на любой вкус.

Еще мне бы хотелось посоветовать тебе библиографические указатели, которые помогут на уроках в школе. Серия этих книг так и называется «За страницами вашего учебника».

В стране интересных уроков. Беседы о книгах для учащихся 4-х классов. «Книга», 1973;

Новые горизонты. Беседы о книгах для учащихся 5-х классов. «Книга», 1974;

Приглашение к открытиям. Беседы о книгах для учащихся 6-х классов. «Книга», 1975;

Дорогами знаний. Беседы о книгах для учащихся 7-х классов. «Книга», 1976;

Познание продолжается. Беседы о книгах для учащихся 8-х классов. «Книга», 1977.

Если у тебя есть любимый предмет и ты серьезно занялся им, то тебе понадобится специальный библиографический указатель. Историкам я советую книгу, которая называется «Беседы о книгах «Из глубины веков». Вы можете спросить: «А как читать «книги о книгах»?».

Читать лучше с блокнотом и карандашом. Надо записывать авторов и названия тех книг, которые вам нужны в первую очередь.

Конечно, книги-маяки — это не единственный путь разыскать нужную литературу. Есть каталоги и картотеки детских и школьных библиотек. Пользоваться ими не так-то просто.

В следующий раз мы расскажем тебе об этом. О том, как расставлены книги на полках, как их «адрес» записан в каталогах.

У нас, работников библиотеки, к тебе просьба. Напиши в редакцию журнала: что удалось тебе прочитать, просмотреть, использовать из того, что было названо? Как эти книги помогли тебе?

О. ЛЕВИНА, старший научный сотрудник
Государственной библиотеки имени Ленина,
кандидат педагогических наук.

Сестрица Алёнушка

«Я чувствую, что мне одной трудно разобраться в таком деле, как выбор профессии. Одни говорят одно, другие — другое.

Я думаю о медицине. Все меня отговаривают, если не считать нескольких человек. Я и сама начинаю сомневаться. Хватит ли у меня терпения, воли, характера каждый день видеть страдания? Может быть, мне больше подходит обыкновенная спокойная жизнь? Может, мое увлечение несерьезно?

И все же я не отказываюсь от этой мысли.

Лена ПАВЛОВА, Мурманская область».

Вот такое письмо. Я верчу его в руках и так и эдак. И думаю: что же заставляет молодых девушек, почти девочек, презреть «обыкновенную спокойную жизнь» и отдать себя, свою юность и свою собственную жизнь трудному долгу, суровому делу? Что заставляет их идти в медицинские сестры?

Вы только представьте себе: всю жизнь провести среди больных, дышать запахами йода и валерьянки, видеть кровь, а иногда и смерть. Такую профессию можно назвать почетной, ответственной, даже героической. Но веселой ее не назовешь.

Мне приходилось видеть многих сестер, я и сам когда-то работал медсестрой, то есть медбратом: это не только женское занятие. Сестры, которых я знал, работали в разных местах — одни в громадных многоэтажных клиниках, другие в деревенских больницах, на фельдшерско-акушерских пунктах, на заводах, в школах, на станциях санитарной авиации. Это были разные, но, в общем, обыкновенные люди. Во всяком случае, когда они ходили в кино или занимались домашними делами, они ничем не отличались от других женщин. Но стоило им прийти на работу, надеть хрустящий накрахмаленный халат с глухим закрытым воротом, белую косынку с аккуратно вышитым малиновым крестиком — эмблемой их труда, — и что-то менялось. Разумеется, я понимаю, что белая одежда медиков необходима по деловым соображениям: работа сестры требует идеальной чистоты.

Но есть в этой снежной белизне и нечто такое, о чем трудно сказать словами. Когда медицинские сестры, опустив глаза, одна за другой входят в комнату для утренних совещаний, бесшумные, все в одинаковой форме, они кажутся членами какого-то ордена или

братства, они и в самом деле похожи друг на друга, как сестры.

Многое из того, чем занимаются сестры, изобретено в глубокой древности. Глиняные кровососные банки ставились больным по меньшей мере двадцать пять веков назад — в древней Элладе, на острове Кос, где жил Гиппократ. Сейчас мы пользуемся стеклянными банками, но какая, в сущности, разница? Медицинский бинт был известен современникам Гомера. Девушка-лекарь, о которой рассказано в древнерусской «Повести о Петре и Февронии», выполняет те же процедуры, что и фельдшерка в какой-нибудь сельской участковой больнице.

Но профессиональные «сестры милосердия» появились у нас всего лишь сто с небольшим лет назад. Во время Крымской войны в осажденном Севастополе, в доме бывшего Дворянского собрания на берегу морской бухты, был устроен госпиталь. Большой зал, где когда-то гремела музыка и танцевали пары, был весь уставлен койками с больными и ранеными. Между ними со свечами в руках ходили врачи и фельдшера. В бывшей бильярдной находилась операционная. Там среди пылающих свечей в клеенчатом фартуке стоял за операционным столом главный врач севастопольской армии Николай Пирогов.

Не хватало бинтов, и не хватало места для раненых, которых непрерывно несли на носилках с бастионов. Но больше всего не хватало рабочих рук в госпитале и на пунктах первой помощи. И вот тогда, весной 1855 года, из Петербурга на театр военных действий прибыли женщины. Это был первый в истории отряд военных медицинских сестер. Все они прошли специальное обучение, все были одеты в одинаковые форменные серые платья с красным крестом на груди. Среди них девушки из народа и аристократки, еще не знавшие, что такое труд и лишения. Усталые с дороги, они явились к главному хирургу. «Ну что ж, сударыни, — сказал Пирогов, — завтра в восемь утра прошу на дежурство!»

Так родилась эта профессия.

Не думайте, что мужество — качество, присущее только мужчинам. На мой взгляд, женщины мужественней мужчин. Я не раз

*Сколько
жизней
спасли
во время
войны
медицинские
сестры,
сколько
солдат
вернулись
в строй
благодаря
их самоотвер-
женности!..*

в этом убеждался. Медицинская сестра не смеет дрогнуть, не имеет права отвести глаза в сторону от самых ужасных болезней и ран. Сестра не знает, что такое брезгливость, и ей неизвестен страх. Так что мужество, умение сохранить присутствие духа в серьезной, а иногда трагической ситуации — первое, что требуется от сестры.

Второе — это терпение. Оно, по-моему, не требует особых пояснений. И, наконец, третье: медик должен быть добрым. Злому, себялюбивому человеку в медицине просто нечего делать.

Вот то, что принято называть моральными требованиями, которые медицина предъявляет к тому, кто ее избрал. Лена Павлова боялась, что она их не выдержит, что у нее не хватит «характера». Но характер можно в себе воспитать.

А теперь потолкуем о самом деле.

Ошибается тот, кто полагает, будто сестра — это второстепенная фигура в лечебном учреждении. Некоторые представляют себе дело так, что доктор лечит, распоряжается, назначает лекарства или оперирует, а сестра — что-то вроде девочки на побегушках. Но могу вас заверить: если вдруг случится, что в больнице не окажется ни одного врача, работа все-таки будет продолжаться. А вот если бы исчезли сестры, все пошло бы прахом.

Оба звена лечебной медицины немислимы друг без друга, и врач, оставшийся без сестры, — это голова, лишенная рук. Больше того, это голова, у которой нет глаз, потому что медицинская сестра — глаза врача: он видит пациента считанные часы, а сестра — круглые сутки. Сестра сама становится врачом, когда его нет на месте. Потому-то и можно

сказать без всякого преувеличения, что вся практическая, повседневная медицина держится на них, на этих сестричках, мелькающих по больничному коридору из палаты в палату.

Лечебный процесс в современной больнице или поликлинике — это труд многих специалистов. Прошли времена, когда один врач лечил все болезни. И прошли времена, когда на медсестру смотрели просто как на сиделку, когда она была сестрой вообще. В наши дни медицинская сестра — дипломированный специалист, особый мастер своего особого дела.

Вот одна из таких специальностей: детская сестра в отделении для новорожденных. И вы и я — мы все когда-то провели первые дни своей жизни в белой, как зима, детской палате, где друг за другом в три ряда стоят крохотные кровати — каждая чуть побольше коробки от обуви. И все наше дыхание, вся наша жизнь зависели от этой женщины, которая, наверное, казалась нам доброй великаншей. Но мы ее не помним, а то бы мы сумели оценить ее заботу.

Вот сестра — фельдшер «Скорой помощи». Ночью фельдшер мчится по улицам спящего города в машине с красной молнией на крыше, с крестом на лобовой фаре. Увидишь случайно из окна этот крест, и сердце сожмется. В доме напротив горит окно, и белый автомобиль стоит у подъезда. Что-то случилось.

Вот процедурная сестра в поликлинике. Она никуда не ездит; напротив, все ездят к ней. Вы входите в ее кабинет, вы кладете руку на клеенчатую подушечку. У вас кошки скребут на сердце. Вы стараетесь не смотреть, как сестра поднимает крышку стерилизатора, готовит шприц, набирает из ампулы

лекарство. Но, оказывается, это не страшно. Сестра прокалывает голубую жилку таким нежным, точным и мгновенным движением, что вы не успеваете почувствовать боли.

Вы осматриваетесь. Кругом все сверкает. Стекланный шкаф с инструментами, стерилизаторы, в углу темно-синий кислородный баллон, белизна и тишина. Похоже на операционную.

Впрочем, есть и операционная сестра, это совсем особый специалист, и специалист высшего класса. Операционная сестра — хозяйка операционного блока. Она готовит все необходимое — стерильное белье, инструменты, шовный материал (раны зашивают шелковыми нитками, внутренние органы — особыми нитками, которые потом рассасываются). Закутанная в стерильную марлю, в маске и перчатках, сестра стоит на возвышении, напротив оператора, у специального лотка, на котором разложены иглы, пинцеты, кровоостанавливающие зажимы, операционные зеркала и все прочее.

Хирурги очень ценят опытных операционных сестер. В случае чего сестра может заменить хирурга, а хирург заменить сестру не может. Однажды был такой случай: врач, пожилой человек, почувствовал себя плохо. Шатаясь, он отошел от стола. Сестра взяла в руки пинцет и иглодержатель и закончила операцию.

Об этой истории я помянул потому, что был ее свидетелем. Это я лежал на столе. В те времена операции делались под местным

обезболиванием, а не под общим наркозом, и я все слышал и видел. Прошло много лет, но я помню мою сестру. Ее тоже звали Лена. Она была совсем молодая. И когда она склонилась надо мной, мне показалось, что это сестрица Алёнушка склонилась над своим горемычным братом.

Детская сестра. Сестра реанимационного отделения (слово «реанимация» значит «оживление»). Сестра-анестезиолог. Сестра-физиотерапевт. Сестра-рентгенотехник. Акушерка. Лаборант. Всему этому можно научиться. Почти в каждом городе нашей страны, при каждой более или менее крупной больнице есть фельдшерско-акушерское училище. В одной Москве, если не ошибаюсь, около пятидесяти таких училищ.

Профессия, о которой я пытался здесь рассказать, такова, что, наверное, каждый с ней сталкивался, каждый человек хотя бы раз в жизни видел над собой белую косынку и ясные глаза медицинской сестры.

Каждому что-нибудь да скажут эти строки поэта Николая Заболоцкого:

Обессиленный недугом,
От товарищей вдали,
Я дремал. И друг за другом
Преодо мной виденья шли...
Вскрикнул я и пробудился...
И у лампы близ огня
Взор твой ангельский светился,
Устремленный на меня.

Г. ФАЙБУСОВИЧ,
кандидат медицинских наук

— Открой-ка рот пошире,— скажет медсестра. И совсем тебе будет не страшно, а даже интересно.

Фотография В. ПОСТНИКОВА

Берегите книги

У нас дома очень хорошая библиотека. Мои родители в течение многих лет выписывали и покупали книги. Их читаю я, мои друзья, одноклассники, родители разрешают брать любые книги.

Однажды одна девочка взяла у нас почитать книгу. А через месяц она мне заявляет, что книгу потеряла. Я очень расстроилась, но родителям решила пока ничего не гово-

рить, может быть, книга еще найдется. Еще месяц прошел, девочка про книгу уж и забыла, а я все молчу, не решаюсь дома сказать о потере. Очень боюсь, что родители теперь никому из моих друзей не будут давать книги.

Мама и папа очень любят книги, берегут и все равно дают их читать моим друзьям. Я даже не представляю, как можно потерять книгу, да еще чужую.

Тая СОСНОВСКАЯ,
г. Алмалык, Ташкентская область.

Было здорово!

В весенние каникулы мы ходили в поход. В лесу было очень красиво: ели темно-зеленые, снег искрится на солнце, а в тени — голубой. Под снегом кое-где вода.

Пока выбрали место стоянки, пока утоптали снег, настелили лапник и поставили палатки, стемнело. Поужинали и рано легли спать.

Дежурные встали в четыре часа утра. Я проснулся чуть позже, спать совсем не хотелось. Сапог моих не оказалось, их надел кто-то из дежурных. Мне пришлось посидеть с полчаса у костра, положив ноги на бревно. За это я был награжден самой первой порцией отличной лапши. Сапоги мне, разумеется, вернули.

После завтрака все пошли мыть посуду. Ребята пускали миски по ручью и ловили их внизу, у заводи, уже чистыми. Один такой «кораблик» уплыл от нас навсегда.

Поход прошел довольно удачно, если не считать потерянных вещей и мозолей. Но со временем все неприятные моменты забылись, осталась одна мысль: как было здорово!

Павел ГАВРИЛОВ, г. Москва.

Сами о себе

Ну как им объяснить!

Я дружу с девочкой Ирой. А в классе над нами все смеются. Первое время я стеснялся нашей дружбы, а сейчас просто не обращаю внимания на насмешки. Ну почему я не могу дружить и с ребятами и с ней?

Володя ДОВГЯМ,
г. Медвежьегорск, Карельская АССР.

Ох уж этот режим!

Когда зазвенел будильник, первая мысль была: «Еще бы поспать!» И я послушно закрыла глаза. В восемь часов я вскочила с кровати, взглянула в режим дня. Первым пунктом там стояла зарядка. Зарядку делать было некогда. Быстро позавтракала и помчалась в школу, на ходу дожевывая яблоко. Любоваться природой тоже было некогда.

После школы опять попробовала жить по расписанию. Пообедала, только принялась за уборку квартиры, как под руку попала книга. И... уронив веник, я села читать.

Остаток дня пролетел незаметно. В восемь села за уроки. Открыла учебник, взяла ручку...

— Художественный фильм «Хождение по мукам», третья серия, — объявил диктор в комнате родителей. Меня, как магнитом, потянуло к телевизору. Я мужественно сопротивлялась, пока не заметила, что все мои силы были направлены на борьбу с собой, а не на приготовление уроков.

— Все равно ничего не сделаю, — решила я и, кляня свою несобранность и бесхарактерность, отправилась смотреть фильм.

Уроки доделывала в двенадцатом часу. Засыпая, думала: «Завтра встану в семь, сделаю зарядку...» Привычные мысли перед сном.

Наташа ТОМНАЧЕВА, г. Горно-Алтайск.

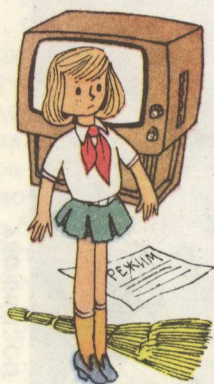

Рисунок
Е. ШАБЕЛЬНИКА

ЮРИЙ ТОМИН

КАРУСЕЛИ НАД ГОРОДОМ

ПОВЕСТЬ, ОСНОВАННАЯ НА ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ,
ПРИДУМАННЫХ АВТОРОМ.

Рисунки В. ДУДКИНА

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

*С того самого момента,
когда в доме
Алексея Палыча...*

...В доме Алексея Палыча Мухина поселились воры.

Воры эти были со странностями, какие-то ненормальные воры. Правда, Анна Максимовна и с нормальными ворами дел никогда не имела, но все же она чувствовала, что в домашних пропажах есть что-то нелогичное и в то же время закономерное.

Нелогичное заключалось в том, что пропавшие вещи стоили ерунду, а для постороннего человека и вообще никакой стоимости не имели; не только разбогатеть, но даже сколько-нибудь заработать на них было невозможно. А закономерность проявлялась в том, что все пропажи имели отношение к ее малолетнему, а вернее, маломесячному внуку. Внук этот был дочкин

сыном, а также сыном летчика Саши, служившего на аэродроме неподалеку от Кулеминска.

Днем Анна Максимовна воспитывала внука, а ночью она работала. Сначала она была медицинской сестрой в поликлинике, а после рождения внука попросила перевести ее в больницу на ночные дежурства.

Ночью больные мирно спали, не требовали ни уколов, ни перевязок, и дежурная сестра тоже могла спокойно вздремнуть на диванчике возле телефона.

Вот потому-то и перешла Анна Максимовна в больницу.

По воскресеньям Анна Максимовна отдыхала

*Как уже сказано,
Кулеминск —
город небольшой.*

за стиркой, уборкой в доме, готовкой обеда и успевала еще покопаться на огороде. В общем, как видим, жила Анна Максимовна обычной жизнью обычной русской женщины, одной из тех, каких принято называть хорошей хозяйкой, заботливой женой и любящей матерью.

Дочка Анны Максимовны, Татьяна, понимала, конечно, что мать взвалила на себя нагрузку, какую не вынесла бы и лошадь. Сто раз говорила Татьяна матери:

— Мам, бросала бы ты работу. У папы зарплата, у Саши зарплата, я через два года буду зарабатывать...

— Мне еще до пенсии десять лет, — резонно возражала Анна Максимовна. — Если брошу, кто мне пенсию будет платить, ты, что ли, с Сашей? Ты уж давай заканчивай институт, к тому времени Андрюшка подрастет — будет полегче. А пока я справляюсь, ничего. И разговоры на эту тему больше не заводи. Думать надо было раньше, а теперь чего думать — дело сделано.

В последних словах заключался намек на раннее замужество Татьяны. И в особенности на то, что от летчика Саши дома не было почти никакого толку.

Саша летал на вертолетах сельскохозяйственной авиации — на маленьких, неторопливых по-тракторному тарактищих МИ-4. Летал распылять над посевами удобрения и ядовитые смеси против всяких ползучих вредителей; летал в патрульные полеты, высматривая лесные пожары.

Саша поднимался с травяного поля и садился на то же поле. Но все же авиация, даже малая, требует от летчика значительно больше, чем от земного человека: нужно было постоянно чему-то учиться, тренироваться, вставать ни свет ни заря, дежурить на аэродроме; дома Саша появлялся не каждые сутки.

Нельзя сказать, чтобы Алексей Палыч не помогал Анне Максимовне. Во всяком случае, он старался. Но был он человеком застенчивым,

казалось ему, что все он делает не так; да на самом деле так оно и получалось. Сходить в магазин, принести воды, наколоть дров — это еще ему удавалось. Но вот внука он просто побаивался. Как и все застенчивые люди, он не умел разговаривать с маленькими; всякие «лю-лю-лю» и «сю-сю-сю» казались ему фальшивыми, как будто он притворяется, изображает нежные чувства, которых нет. На самом деле чувства были, но проявить их Алексей Палыч не умел. Не удавалось ему объяснить внуку свою любовь. А другого языка Андрюша понимать не хотел. В результате питательные смеси выплевывались на брюки Алексея Палыча, внук поднимал рев и не успокаивался до тех пор, пока Анна Максимовна не брала его на руки.

Алексей Палыч преподавал в школе физику и часто задерживался после уроков — подготавливал необычные опыты для своих учеников. Чтобы заинтересовать учеников на уроке, нужно было что-нибудь слегка взорвать или хотя бы устроить короткое замыкание.

Но сегодня Алексею Палычу было не до сложных опытов. Обводя взглядом класс, он постоянно встречался глазами с Борисом Куликовым. Тот смотрел на учителя внимательно и понимающе, как заговорщик.

«Да мы с ним и есть заговорщики, — подумал Алексей Палыч. — Рассказать кому — не поверят. Да ведь потому и нельзя рассказать, что не поверят. Романтики безмозглые! А может быть, и преступники?»

После уроков Алексей Палыч вышел на залитый солнцем школьный двор. Вокруг было так светло, как бывает только весной. Стоял май. Листья тополей отсвечивали молодым глянцем; распушившись, купались в сверкающих лужах воробьи; в чистом высоком небе стрижи атаковали невидимую мошкарю; все вокруг звенело и пело — всем было весело. Всем, кроме Алексея Палыча.

Алексей Палыч пошел вокруг школы. Вдруг он заметил, что у него как будто изменилась походка: стала какой-то настороженной, почти крадущейся. Алексей Палыч мысленно выругал себя и попытался идти нормально. Теперь получилось слишком развязно: почти вприпрыжку, да еще и портфелем размахивал, словно первоклассник.

«Да что это, сам себя запугал! — подумал Алексей Палыч. — Никто ни о чем пока не догадывается. Да и как можно догадаться?..»

Так, меняя походку, Алексей Палыч приблизился к двери, ведущей в подвал школы. Дверь, как обычно, была закрыта на замок — его собственный замок, ключ от которого лежал у него в портфеле.

За дверью было тихо. Там и должно быть тихо. Ведь ничего не изменилось со вчерашнего дня, если не считать разговора с женой.

Алексей Палыч полез было за ключом, но тут же поймал себя на том, что озирается вокруг нервно и суетливо, как мелкий жулик.

«Нет, так нельзя, — подумал Алексей Па-

*В зависимости от настроения
Сергея был то шпионом, то автоматчиком.*

лыч. — Тем более что жулик-то скорее не мелкий, а крупный. Надо успокоиться. Со стороны я, наверное, выгляжу подозрительно. Но с какой стороны? На мне же не написано, зачем я туда иду. Если я спускался в подвал двести раз, то почему не спуститься в двести первый? Почему не пойти и еще триста раз? Никто не знает, что теперь в этом подвале. Бывают же, наконец, не раскрытые преступления! Впрочем, почему преступление? Слово-то какое уголовное».

Едва Алексей Палыч подумал о преступлении, как позади него послышался шорох.

Вздвогнув, Алексей Палыч обернулся. За его спиной стоял Борис Куликов.

— Ты что подкрадываешься? — спросил Алексей Палыч, перекидывая портфель из взмокшей правой руки во взмокшую левую. — Разве нельзя ходить нормально?

— Я не нарочно, — шепотом сказал Куликов, — просто у меня так вышло.

— А почему ты говоришь шепотом? — вполголоса спросил Алексей Палыч. — Что-нибудь случилось?

— Ничего, — вполголоса сказал Куликов. — А разве я шепотом?

— Да, шепотом, — ответил Алексей Палыч. — Идем отсюда. Туда сейчас нельзя — по школе ходит пожарный инспектор. Но это не самая неприятная новость. У меня есть и похуже.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

После второго, о котором мы еще ничего не знаем

Если от школы подняться наверх по небольшой улочке, то, перепрыгнув через две-три канавы, выкопанных водопроводчиками, и через три-четыре, выкопанных телефонщиками, и, обойдя пять-шесть ям, вырытых электриками, можно войти на вершину холма.

Оскользнувшись на краю предпоследней ямы, Алексей Палыч измазал брючину, вполголоса чертыхнулся и даже сплюнул от огорчения.

— Этого мне никогда не понять, — сказал он. — Едва один свою канаву зароет, другой тут же начинает копать рядом. Можно подумать, что они воюют.

Спустившись по другому склону холма, они вошли в небольшой лесок.

— Никого нет, кажется, — сказал Алексей Палыч, оглядываясь вокруг.

— Никого, — подтвердил Куликов. — Серега не в счет.

— А где он? — опасливо спросил Алексей Палыч. — Я бы не хотел, чтобы он нас услышал. Не маленький уже — поймет.

— А вон там, — сказал Куликов.

Из-за сосны, стоявшей метрах в двадцати от

них, высовывались ухо, полщеки и настороженный глаз. Это семилетний брат Бориса, Серега, продолжал свою нескончаемую игру. В зависимости от настроения Серега был то шпионом, то автоматчиком. Если в понедельник, допустим, Серега выслеживал родных и знакомых, то во вторник, притаившись, он расстреливал их из автомата. Делал он это совершенно бескорыстно и с удовольствием; он играл по каким-то своим, особым правилам и действовал всегда в одиночку. Сегодня Серега был, кажется, шпионом.

— От самой школы за нами шел, — сказал Борис.

— А что ему нужно?

— Ничего. Шпионит...

— Думаешь, он что-нибудь подозревает?

— Он всех подозревает.

— Лучше бы он нас не слышал, — повторил Алексей Палыч.

Борис поднял с земли гнилой сук, подкинул его в руке. Ухо, полщеки и глаз исчезли. Сук ударился о сосну, разлетелся на куски. Скры-

ченая фигурка метнулась в сторону и скрылась за кустами.

— В обход пошел, — заметил Борис. — Давайте выйдем на полянку, там он к нам не подберется.

На полянке они присели на поваленное дерево.

— Борис, — сказал Алексей Палыч, — я, кажется, попался. Вчера, когда мы ужинали...

Вчера, когда в доме Мухиных ужинали, за столом собралась вся семья: Анна Максимовна еще не ушла на дежурство, Алексей Палыч уже пришел из школы, дочь Татьяна успела вернуться из города, а летчик Саша был отпущен сразу после работы, как и все нормальные люди.

Анна Максимовна была в плохом настроении: Андрюша сегодня капризничал, днем не спал, и она не успела сбежать в магазин, до которого было двести метров.

— Разносолов не будет, — предупредила Анна Максимовна. — Ешьте, что дают.

На эту реплику никто не ответил. Алексей Палыч, как человек, чувствующий за собой вину, старался быть незаметней; дочка, понимавшая, что мать чем-то раздражена, молчала. Летчик Саша был вообще молчалив от природы.

Но сегодня Анне Максимовне очень хотелось, чтобы ей возразили.

— Ну, что же молчите? — спросила она. —

Рассказал бы хоть кто-нибудь, как день у вас прошел.

На это предложение тоже никто не откликнулся.

— Татьяна?

— Мам, ну что у меня может быть нового? Лекции... скоро зачеты...

— Алексей?

У Алексея Палыча новости были — такие новости, что о них не то что говорить, а даже думать не хотелось.

— У меня, Аня, ничего, все по-старому.

Анна Максимовна взглянула было на Сашу, но тут же безнадежно махнула рукой.

— Выходит, у меня одной новости, — сказала она. — У нас в доме завелись мыши. Довольно странные мыши. А может быть, крысы. Правда, я еще не встречала таких крыс. Продукты едят вместе с жестянками.

При слове «продукты» Алексей Палыч слегка похолодел.

— А что случилось? — спросила Татьяна.

— Сама понять не могу, — сказала Анна Максимовна. — Сегодня полезла на полку в прихожей, хотела Андрюшке баночку яблочного сока открыть. Смотрю, как будто чего-то не хватает. Стала считать — не хватает двух пачек «Малыша», двух баночек сока и пачки рисово-молочной смеси.

За столом снова установилось молчание. Летчик Саша, несмотря на природную скромность, обладал воображением. Он представил себе, как ночью под одеялом жует рисово-молочную

*Заревел Андрюша.
Женщины бросились к ребенку.
Алексей Палыч исчез из комнаты
беззвучно и быстро.*

смесь, и покраснел. Алексей Палыч тоже покраснел, но совсем по другой причине.

— Ну ладно, мыши, — продолжала Анна Максимовна. — Но баночки-то стеклянные, с железной крышкой. Их не то что мышь, собака не унесет.

— Может быть, ты скормила и забыла? — предположила Татьяна.

— Как же я могу забыть? — возмутилась Анна Максимовна. — Разве я не помню, сколько заплатила? Два двадцать пять, три раза по шестьдесят четыре, рубль семьдесят семь и сосиски по два шестьдесят. Восемь тридцать четыре! Две копейки она не сдала, я промолчала. Восемь тридцать шесть. Как раз на три двенадцать не хватает!

Из этого подсчета, понятного только Анне Максимовне, было ясно, что ошибиться она не могла.

— Куда же все это делось? — спросила Татьяна.

— Вот и я интересуюсь, куда.

— Но не мы же съели, — сказала Татьяна.

— А кто? И не в деньгах дело. Просто интересно, кто мог взять? Украли, что ли?

— Теперь уже и мне интересно, — сказала Татьяна.

Алексей Палыч кашлянул.

— Таня, перестань спорить с матерью, дай ей спокойно поужинать.

— Разве я спорю? — спросила Татьяна. — Если из дома пропадают никому не нужные вещи, то просто любопытно, кто их мог взять, кому они понадобились?

— Не нужные никому, кроме ребенка, — осмелился заметить Саша, и у Алексея Палыча задрожали колени. Молчаливый Саша попал в самое яблочко. Ведь детское питание не нужно никому, кроме ребенка. Ребенок сам взять не может. Значит, продукты ВЗЯЛИ ДЛЯ РЕБЕНКА. Такой и только такой вывод следовал из Сашиных слов. Алексей Палыч понимал это совершенно ясно. Теперь оставалось только выяснить: КТО? Дальше Алексей Палыч боялся думать.

— Выходит, он сам взял? — И Анна Максимовна кивнула на кровать, где в позе лягушки, распластавшись на животе, спал Андрюша.

Алексей Палыч произнес нечто среднее между «ха-ха» и «хе-хе», показывая тем самым, что шутку жены он оценил. И напрасно произнес. Ведь сказано: не высовывайся...

— Алексей, а уж не ты ли? — спросила Анна Максимовна.

— Зачем же они мне? — храбро спросил Алексей Палыч и даже пожал плечами.

Тут пришла пора сказать, что Анна Максимовна не ошиблась: продукты похитил как раз Алексей Палыч. Но признаваться у него не было никакого желания, потому что тогда-то и возникал самый страшный вопрос — ЗАЧЕМ? Ответить на этот вопрос Алексей Палыч не мог и потому избрал популярную среди неопытных пре-

ступников тактику: на вопрос отвечать вопросом. В этой тактике было два преимущества: первое, он не лгал; второе, он заставлял следователя самого отвечать на свои же вопросы.

— Я уж не знаю, зачем, — сказала Анна Максимовна. — Помню, тебе для каких-то опытов понадобился клейстер, унес ты тогда из дома пакет с мукой.

— Клейстер — другое дело. Но какие же могут быть опыты с яблочным соком?

— А может быть, тебе банки понадобились...

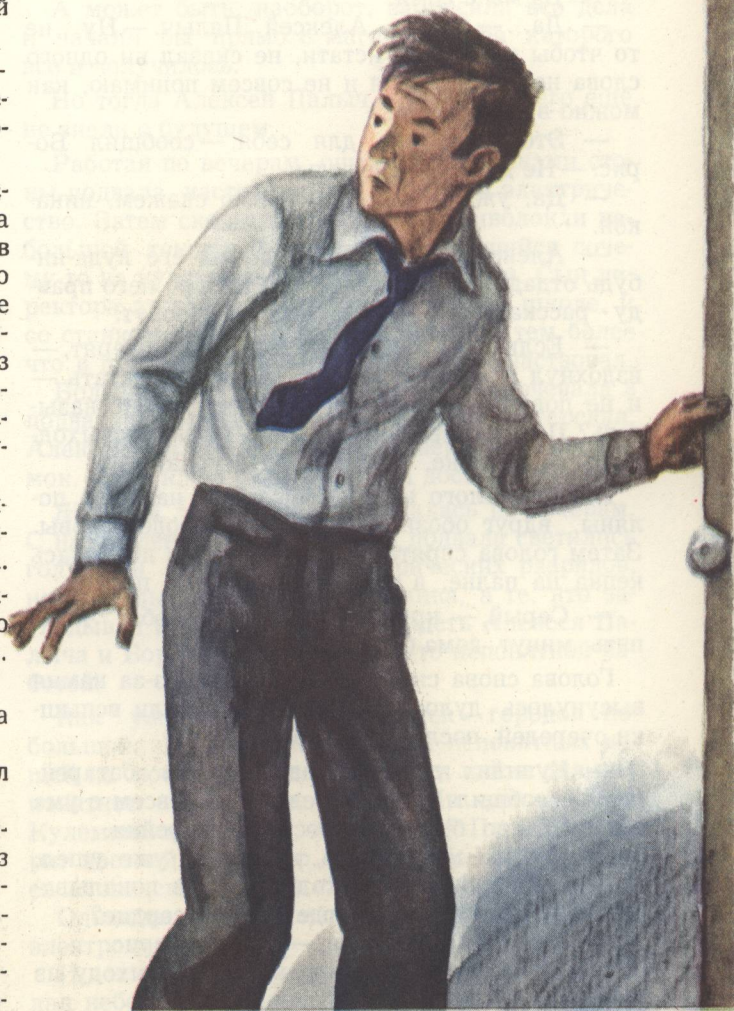
— Зачем же мне банки? Разве мало дома пустых банок?

Надо сказать, что врать Алексей Палыч был не мастер. И тактика его только потому позволяла уклоняться от истины, что Анна Максимовна была неопытным следователем. Опытный следователь ставит вопрос прямо: «да» или «нет», «ты» или «не ты». Тут-то преступник и выдает себя замешательством или каким-нибудь вилянием. Но Анна Максимовна не была специалистом по допросам.

— Это верно, — сказала она, — банок дома полно. А рисовой смеси ты тоже не брал?

— Зачем мне рисовая смесь? — гнул свое Алексей Палыч.

— Папа, тебя же никто не обвиняет. Ты про-

сто скажи: «Не я», — вмешалась настырная Татьяна.

— Зачем мне две пачки «Малыша»? — уже по инерции забежал вперед Алексей Палыч.

Татьяна как-то странно взглянула на отца.

Алексей Палыч подумал, что Татьянинного допроса он может не выдержать.

И тут заревел Андрюша...

Внук заревел настолько кстати, что Алексей Палыч мысленно поклялся купить ему велосипед этим же летом.

Женщины бросились к ребенку.

Алексей Палыч смылся. Он исчез из комнаты беззвучно и быстро, как исчезает изображение на экране выключенного телевизора...

Вот о чем узнал Борис Куликов в ясный весенний день в пустом весеннем лесу.

— Ну и что страшного? Вы же не признались, — сказал Борис. — Меня тоже спрашивали насчет одеяла, я говорю: «Не брал», — и всё

— Кстати, как у тебя обошлось?

— Так и обошлось: сколько раз спрашивали, столько я и отказывался.

— Нет, Боря, — сказал Алексей Палыч, — все это очень неприятно... вранье и прочее...

— Чего тут неприятного?! — изумился Борис. — Мы же врем честно.

— Кто «мы»? — озадаченно спросил Алексей Палыч.

— Да мы с вами.

— Да... — сказал Алексей Палыч. — Ну, не то чтобы врем... Я, кстати, не сказал ни одного слова неправды, хотя и не совсем понимаю, как можно врать честно.

— Это когда не для себя, — сообщил Борис. — Не для своей выгоды.

— Да, уж выгоды тут, прямо скажем, никакой.

— Алексей Палыч, а если мы его куда-нибудь отдадим? Не обязательно же про него правду рассказывать. Тогда его не отзовут.

— Если не рассказывать — не поверят, — вздохнул Алексей Палыч. — Если рассказать — и не поверят и отзовут. Зачем тогда рассказывать? Положение у нас с тобой, Боря, безвыходное. ТАМ тоже, кажется, не дураки.

У обомшелого камня, лежащего на краю поляны, вдруг обозначилось нечто вроде головы. Затем голова спряталась, на ее месте появилась кепка на палке, а голова вынырнула правее.

— Серый, — крикнул Борис, — чтобы через пять минут дома был!

Голова снова скрылась, и тут же из-за камня высунулось дуло автомата. Замелькали вспышки очередей, послышался треск.

— Купили дурачку автомат на батарейках, — сообщил Борис, — теперь он совсем с ума сошел. Надо будет выбросить батарейки.

— Пойдем. Инспектор, наверное, уже ушел. Что-то, Боря, у меня сегодня сердце покалывает. Ты, Боря, знаешь, где у тебя сердце?

— Еще не проходили, — сказал Борис.

Ученик и учитель направились к выходу из леса.

Оборачиваясь, они видели, как мелькала позади них маленькая фигурка, двигаясь короткими перебежками от дерева к дереву.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Так все это началось

Итак, только двое знали пока о том, что случилось в Кулеминске.

Событие это было мирового значения, хотя в то же время таким не являлось, потому что мир о нем еще ничего не знал. Все зависело от того, как поведут себя люди, которые с ним впервые столкнулись.

Возможно, некоторые подумают, что Алексей Палыч и Борис Куликов поступили неправильно. Может, оно и правильно, что неправильно. Но только, может, оно и неправильно, что неправильно? Давайте начнем сначала.

Если начинать сначала, то нужно сказать, что Борис Куликов с глубокого детства был в душе конструктором.

В шестилетнем возрасте он с помощью отвертки и ножниц за час сумел разобрать на части мамину электрическую швейную машину. Машина оказалась довольно простой; деталей удалось из нее выковырять не так уж и много, но ни папа, ни мастерская ремонта сложить из этих деталей машину не смогли.

В том же году маленький Боря заинтересовался пылесосом. На этот раз он сам собрал его после сборки и сам проверил. Пылесос заработал: с одного конца он засасывал пыль, а с другого выплевывал различные винтики и гаечки, пока они не кончились; тогда пылесос работать перестал.

Немного повзрослев, Борис совершенно самостоятельно открыл принцип, который у изобретателей называется «А что будет, если?..». Принцип этот применяется вполне серьезными и вполне взрослыми людьми. Изобретатель рассуждает примерно так: «А что будет, если... в медный кофейник вылить стакан кефира, добавить полстакана керосина, опустить сто граммов мороженого, положить старый будильник, выжать половинку лимона, бросить дохлую муху, тщательно размешать, накрыть вчерашней газетой и облучить рентгеновскими лучами?»

Разумеется, думает изобретатель, скорее всего ничего не получится. Но до меня этого никто не делал, и чем черт не шутит...

Однажды Борис заинтересовался вопросом: кто кукарекает по радио — артист или настоящий петух?

«А что, — сказал себе Борис, — если включить телевизор в радиотрансляцию, не появится ли на нем изображение артиста?»

И включил. Изображение не появилось, и вообще ничего не произошло.

«Ну, конечно, — подумал Борис, — я же не включил трансляцию».

И вилку радио Борис воткнул в розетку для телевизора. Внутри радиоящика что-то треснуло, повалил дым, но зато телевизор остался совершенно целым.

Перегоревшие пробки Борис сменил сам; уже тогда он умел это делать.

Но все это было, было когда-то...

Теперь у Бориса имелись другие идеи: например, построить ветроэлектростанцию. Станция эта была задумана назло кулеминским электрикам, которые имели обычай выключать ток, едва на экране появлялся Штирлиц или надпись «Ну, погоди!». Еще Боря задумал построить антенну для приема телевизионных сигналов издалека.

Итак, Борис мечтал. Но поделиться своими мечтами ему было не с кем, потому что одноклассники до ветродвигателей еще не доросли, а взрослые кулеминцы копипли деньги на «Жигули» и мало чем интересовались.

Поэтому, когда на горизонте появился Алексей Палыч, Борис быстро сообразил, что это тот человек, который ему нужен.

Если начинать с самого начала, то Алексей Палыч в молодости вовсе не думал о том, что станет учителем. Он учился в метеорологическом институте в том самом городе, куда теперь ездила на занятия его дочь Татьяна. Как и все молодые люди, студент Мухин помаленьку мечтал. Еще на первом курсе его удивили звучные названия облаков: цирро-стратус¹, например, или страто-кумулус².

А еще студент Мухин узнал, что высоко над землей плавают недостижимые и загадочные серебристые облака. Мерцающие мягким жемчужным светом, похожие на крылья больших белоснежных птиц, облака эти удавалось увидеть лишь немногим счастливицам, а раскрыть тайну их не удавалось пока никому.

И уже на третьем курсе Алексей Мухин решил, что жизнь его будет отдана серебристым облакам.

А потом он попал на метеорологическую станцию возле Кулеминска.

А потом он познакомился с Аней.

А потом родилась Татьяна, и серебристые облака слегка отодвинулись.

А потом станцию в Кулеминске закрыли, и Алеше Мухину предложили место на станции в Заполярье, но ехать туда с грудным ребенком было нельзя.

А еще потом ехать уже было некуда.

И Алеша Мухин пошел в школу учителем физики и стал Алексеем Палычем.

Серебристые облака, все такие же загадочные, плавали на границе неба и Космоса.

Шли годы. Серебристые облака над Кулеминском не появлялись. Современная аппаратура позволяла демонстрировать на уроках интересные опыты, и ученики догадывались, что учи-

тель делает больше, чем положено. За это его уважали. Некоторые опыты были загадочны. От этого авторитет Алексея Палыча поднимался еще выше.

В кабинете физики становилось тесно. Приборы временами выходили из строя, их нужно было ремонтировать, налаживать, и Алексей Палыч давно уже подумывал о помощнике. Ему нужны были не просто лишние руки, ему хотелось единомышленника — человека, который носил бы в душе свои серебристые облака и, возможно, сделал бы когда-нибудь то, что не удалось Алексею Палычу.

В очередной год Алексей Палыч принял очередной шестой класс, и там он нашел такого человека.

Вернее, они друг друга нашли.

В кабинете физики Борис освоился очень быстро. У него оказались хорошие руки. Те самые руки, что когда-то превратили швейную машинку в кучу металла, теперь умели паять, клеить, собирать и монтировать. Но Борис был не только помощником, в его голове бродили свои идеи. Именно он предложил оборудовать лабораторию в школьном подвале.

Если бы они только знали, что случится потом в этой лаборатории!

Может быть, они бы замуровали дверь в подвал наглухо...

А может быть, наоборот, забросили все дела и начали бы прямо с магнита, из-за которого все и получилось.

Но тогда Алексей Палыч и Борис ничего еще не знали о будущем.

Работая по вечерам, они обшили досками стены подвала, настелили пол и провели электричество. Затем сколотили верстак и приволокли небольшой токарный станок, завалывшийся почему-то на кулеминском крупяном заводе. Сын директора этого завода учился в той же школе, и со станком директор расстался легко, тем более что в приготовлении круп станок не участвовал.

Большая часть приборов тоже перекочевала в подвал. Получилась лаборатория-мастерская. Алексей Палыч повесил на дверь подвала замок. Один ключ от этого замка достался Борису.

Жизнь в лаборатории начиналась по вечерам. С наступлением сумерек окна подвала светились голубыми вспышками электрических разрядов, иногда слышалось гудение станка, а те, кто заглядывал в окна, могли разглядеть Алексея Палыча и Бориса, занятых какой-то непонятной работой.

Как уже сказано, Кулеминск — городок небольшой. В небольших городах непонятных вещей не любят и всегда стараются найти для них понятное объяснение. Поэтому в одном конце Кулеминска считали, что Алексей Палыч мастерит цветной телевизор, а в другом — что собирает из запасных частей «Жигули».

Однажды компаньонам потребовался большой электромагнит.

И вот по чертежу Алексея Палыча Борис сделал небольшой станок для намотки проволоки и

¹ Перисто-слоистые облака.

² Слоисто-кучевые облака.

начал мотать ее на катушку. Через несколько дней катушка была готова. Оставалось ее испытать.

— Теперь проверим, — сказал Алексей Палыч.

В тот момент он не знал, что до события мирового значения остается всего две минуты.

Борис подсоединил провода к концам катушки и обмотал их изоляционной лентой, после чего до мирового события осталась одна минута. Затем он зачистил вторые концы проводов, присоединил их к вилке, не подозревая, что осталось уже десять секунд.

— Включай, — сказал Алексей Палыч.

На поверхности катушки мелькнула искра, и тут же в подвале раздался крик.

Сначала никто ничего не понял. Крик показался Алексею Палычу похожим на петушиный, и он удивился: откуда мог в подвале оказаться петух? Борису показалось, что вскрикнул Алексей Палыч, и он подумал, что каким-то образом искра обожгла учителя. Кроме того, оба видели, как от окна к столу, на котором находилась катушка, на мгновение протянулся и тут же погас синий луч.

В первые секунды они еще не заметили главного.

Алексей Палыч взглянул в сторону окна, откуда сверкнул этот странный луч, и увидел на стекле аккуратную дырочку.

Борис посмотрел на Алексея Палыча, стараясь понять, на самом деле учителя ударило током или это только показалось.

Вообще говоря, ничего страшного не случилось. В катушке произошло короткое замыкание. В таких случаях перегорает либо катушка, либо предохранитель. Так происходит в любом месте нашей планеты. Но почему-то не так вышло в Кулеминске.

— Ну, ничего... — сказал Алексей Палыч, все еще не поняв, что означает дырочка на стекле. — Перегорел внешний виток. Сейчас мы ее перемота...

В эту секунду Алексей Палыч боковым зрением уловил какое-то шевеление на столе. Он повернулся, застыл на месте, зажмурился, помотал головой, открыл широко глаза.

— Б-боря... Это что?.. — спросил Алексей Палыч.

Борис, встревоженный тоном и выражением лица учителя, медленно повернул голову, и глаза его тоже расширились.

— Кажется... мальчик...

На столе, возле катушки, в окружении безмолвных приборов, лежал голый младенец.

— Чепуха... — пробормотал Алексей Палыч.

Он сорвался с места и подбежал к двери, подергал ее. Дверь была заперта. Ключ, как обычно, торчал с внутренней стороны.

— Дурацкие шутки! — сказал Алексей Палыч.

Младенец снова коротко завопил, и крик его на этот раз был вполне человеческий и вовсе не похож на петушиный.

— Это ты его принес? — спросил Алексей Палыч.

— Да, Алексей Палыч... — проговорил Борис и умолк.

Тут до Алексея Палыча наконец дошло, что дверь была заперта, что Борис все время находился у него на глазах и что еще минуту назад на столе не было ничего, кроме всевозможных приборов.

Алексей Палыч на цыпочках подошел к столу и, склонив голову набок, уставился на младенца. Сейчас учитель был похож на курицу, которая увидела червяка, но не решается его клюнуть.

Он медленно протянул руку и дотронулся до мальчика. Палец его ощутил живое тепло. Мальчик зашевелил губами.

— Дурацкие шутки, чепуха, — ровным голосом произнес мальчик.

— Что? — спросил Алексей Палыч, но тут же не поверил ни глазам своим, ни ушам и повернулся к Борису.

— Это ты сказал?

— Это он сказал, — ответил Борис.

— Он не имеет права говорить! — крикнул Алексей Палыч Борису. — Ему всего месяца три-четыре!

— Три-четыре, — тут же отозвался младенец. — Сейчас мы ее перемота...

— Он повторяет ваши слова, — сказал Борис.

— Да ты пойми, Боря!.. — с отчаянием сказал Алексей Палыч. — Он не может ничего повторять! В его возрасте не говорят еще ни мама, ни папа.

— Папа, — сказал младенец.

— Боря, ты что-нибудь понимаешь?

— Не очень.

— Но ты его видишь? — спросил Алексей Палыч.

— Вижу, — ответил Борис.

— Какой он?

— Голый такой... маленький... голубой немножко.

— Да-да... — согласился Алексей Палыч. — Голубой... Двоим одинаковый сон присниться не может. Ты никому не давал ключи?

Борис пошарил в кармане, достал ключ от наружного замка, ключ от двери и показал учителю. Алексей Палыч вздохнул и снова уставился на малыша, словно на гладком его животике, слегка отливающим голубизной, надеялся прочитать ответ.

На гладком животике...

На совершенно гладком!

Именно сейчас, глядя на малыша, Алексей Палыч уловил какую-то неправильность в его теле; чего-то там не хватало. Когда же Алексей Палыч понял, чего, то так изумился, что забыл, как это называется.

— Что это такое? — Алексей Палыч осторожно прикоснулся пальцем к младенцу.

— Живот.

— А что тут должно быть? — спросил Алексей Палыч.

*Алексей Палыч
боковым зрением уловил шевеление на столе.
Глаза его расширились... Мальчик.*

— Живот и должен... — неуверенно ответил Борис. Поведение учителя начинало ему не нравиться.

— Тут должен быть пупок, — упавшим голосом сказал Алексей Палыч.

— А пупка нет, Алексей Палыч! — радостно провозгласил Борис, будто на этом открытии кончались все затруднения.

— А где же он? — тихо спросил Алексей Палыч.

— Пупка нет... — равнодушно промолвил младенец.

— И он говорит, хотя и не должен... и двери были закрыты... и... и... — Алексей Палыч запнулся, потому что догадка, мелькнувшая в его мозгу, была невероятна и... совершенно реальна.

Алексей Палыч медленно повернулся к окну. Аккуратная дырочка в оконном стекле оставалась на своем месте. Дырочка, которой пять ми-

нут назад еще не было. Сквозь нее виднелся кружочек темного неба с неяркой звездой.

И внезапно Алексей Палыч сложил в единый ряд все события. Эти события прошли перед его глазами, словно кадры на фото пленке:

Рука Бориса, тянущаяся к розетке.

Вспышка на боковой стороне катушки.

Голубоватый луч, протянувшийся к этой вспышке.

Младенец, словно из воздуха возникший на столе.

Возникший, словно из воздуха.

Да, из воздуха...

И крик послышался в то же мгновение.

И младенец заговорил, хотя не мог, не должен был этого делать!

И у него не оказалось пупка...

— Ты знаешь, Боря, — запинаясь, сказал Алексей Палыч. — Кажется, у него... кажется, ему не четыре месяца. Ему... всего несколько минут.

**ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ**

Лев УСПЕНСКИЙ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

В конце прошлого месяца я гулял по городу, который зовется Пушкин. Я проходил мимо дворцов и Лицея, где учился наш самый гениальный поэт.

В скверике за Лицеем я остановился. Посреди его, на точно такой же садовой скамье, десятки которых я миновал в парке, сидел курчавый юноша, сидел, задумавшись.

И юноша и скамья под ним были бронзовые. На постаменте можно было прочесть:

«Александр Сергеевичу Пушкину»

Сначала я просто стоял и с благоговением и любовью смотрел на него. А потом мне пришла в голову странная мысль. Я достал из кармана полученное утром письмо.

«Успенскому

Льву Васильевичу», — было написано на нем. А кто знает, может быть, так и нужно? Может быть, когда пишешь людям великим, надо сначала ставить ИМЯ, потом ОТЧЕСТВО и наконец ФАМИЛИЮ. Если же адресуешься к «своему

брату», людям обыкновенным, надлежит поступать иначе: сначала ФАМИЛИЯ, затем ИМЯ и на самом конце ОТЧЕСТВО?

Я хорошо понимал, что ни в каких учебниках языка и грамматики ответа на этот мой вопрос я не получу. Его надо искать опытным путем.

Приехав домой, я погрузился в Большую Советскую Энциклопедию. Я знал, что там встречу если не великих, то больших людей. В статьях о них наверняка должны упоминаться и люди несравненно меньшего масштаба. Как же там поступают с теми и с другими?

Человек опытный, я заран-

нее предвидел, что обращаясь к СПРАВОЧНИКУ. Это и вы, наверное, уже знаете хорошо: все справочники составляются всегда в АЗБУЧНОМ ПОРЯДКЕ. В этом порядке располагаются ФАМИЛИИ, а не имена. Поэтому ясно, в начале статьи о каждом ученом или литераторе, философе или артисте я непременно найду эти составные части русских имен в том же порядке, как и на моем конверте.

Само собой, с первой же статьи, на которой открылся взятый мною в руки том БСЭ, на странице со статьей об авторе «Подмосковных вечеров» композиторе Василии Павловиче Со-

ловьев-Седом я убедился, что не ошибся. Статья началась, как ей и положено, с ФАМИЛИИ лица, о котором она гласила: «Соловьев-Седой (псевдоним; настоящая фамилия — Соловьев) Василий Павлович...» Дальше шел текст статьи. В нем поэты, на стихи которых писал и пишет свои песни В. П. Соловьев-Седой, все были обозначены так: А. Д. Чуркин, А. И. Фатьянов, В. М. Гусев, М. В. Исаковский, В. И. Лебедев-Кумач, то есть инициалы их стояли так, что читать можно было только «Александр Дмитриевич Чуркин», «Михаил Васильевич Исаковский», «Василий Иванович Лебедев-Кумач» и так далее. Я стал рыться в словаре в погоне за теми случаями, где нашлись бы не инициалы, не первые буквы имен и отчеств, а они сами.

Ну что ж, нашел. Буквально на соседней с Соловьевым странице я увидел одного поэта времен моего детства и юности, которого теперь и поминают-то редко. Там было написано: «СОЛОГУБ, Федор (псевдоним; настоящее имя и фамилия Федор Кузьмич Тетерников...)».

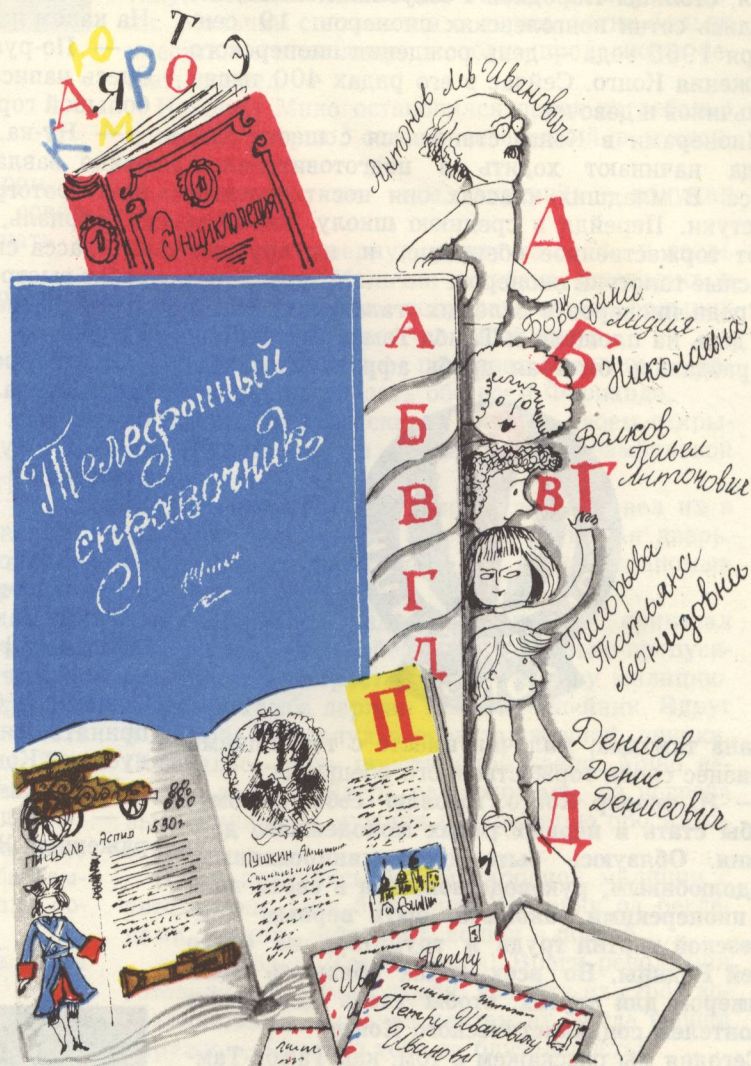
Тут я вздумал посмотреть еще одного поэта с псевдонимом — Демьяна Бедного, разумеется, по алфавиту на «Б»: «Бедный, Демьян, Демьян Бедный (псевдоним Ефима Алексеевича ПРИДВОРОВА)».

Как видите, я все узнал. Не только там, где составители «Энциклопедии» хотели раскрыть «вымышленную фамилию» поэта, они называли его сначала по имени, потом по отчеству и только затем по фамилии. Нет, даже в самом псевдониме он сам (да и все другие) называл не Бедный Демьян, а ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

Давайте выведем как можно более общее правило. Когда вы, хорошо владеющий русским языком

человек, хотите назвать другого русского человека (я говорю «русского» потому, что у многих народностей Советского Союза вообще нет отчеств), вы должны ставить три составные части его полного именованья в строгом порядке: сначала ИМЯ, потом ОТЧЕСТВО и на

при мне большой поэт (и женщина с отличным воспитанием) Анна Андреевна Ахматова рассматривала пришедшую на ее имя в Дом творчества писателей почту. Внезапно рука ее задержала один конверт: «Гм!.. — сделала она. — Какой-то интеллигент мне пишет... Любопытно!..»

третьем месте ФАМИЛИЮ. По-другому можно (и даже нужно) размещать это все только в тех случаях, когда имена граждан для чего-нибудь расставляют ПО АЛФАВИТУ.

И тут я, возможно, вызову протесты работников почты, но, даже пишучи адрес на конверте, надо соблюдать это же старинное установление. Скажу вам по секрету: однажды

На других трех конвертах стояло: «Ахматовой Анне Андреевне», на одном единственном: «Анне Андреевне Ахматовой».

Работникам почты эта частность, может быть, и причиняет некоторое неудобство, но получателю письма может доставить удовольствие: «Так вежливее, именно потому, что не напоминает алфавитный список».

Видите, какая тонкость!

Про пионера Тамба-Тамба и его друзей

19 сентября на центральной площади Браззавиля, столицы Народной Республики Конго, собрались сотни конголезских пионеров. 19 сентября 1965 года — день рождения пионерского движения Конго. Сейчас в его рядах 400 тысяч мальчиков и девочек.

Пионерами в Конго становятся с шести лет, когда начинают ходить в подготовительный класс. В младших классах они носят зеленые галстуки. Перейдя в среднюю школу, пионеры дают торжественное обещание, и им вручают красные галстуки пионеров.

Среди пионеров в зеленых галстуках был в тот день на площади и Тамба-Тамба Футу. Когда раздалась быстрая дробь африканского ба-

рабана тамтама, мальчик вместе с товарищами произнес слова торжественного обещания:

— Я, пионер Конго, готовлю себя к тому, чтобы стать в первых рядах молодежного движения. Обязуюсь быть дисциплинированным, трудолюбивым, руководствоваться в своей жизни пионерскими законами, быть верным Конголезской партии труда и трудиться на благо своей Родины. Во всех делах обязуюсь быть примером для других, чтобы стать достойным строителем социалистического Конго.

Сегодня мы расскажем о том, как Тамба-Тамба выполняет свое пионерское слово.

Тамба-Тамба — призер викторины

Перед началом уроков ребята играли на школьном дворе, когда в воротах появился Тамба-Тамба. На его плече блестел ремень новенького фотоаппарата.

— Мботе! — приветствовали его ребята.

— Мботе! — ответил Тамба-Тамба.

— Что это? Ты, Тамба, купил себе фотоаппарат? Дай-ка посмотреть!

Фотоаппарат переходил из рук в руки.

— Что здесь написано? — спросил Жозеф. — На каком языке?

— По-русски, — ответил Тамба-Тамба. — Здесь написано: КИЕВ. Не знаешь разве, очень большой город в Советском Союзе.

— Ну-ка, ребята, — сказал Фернандо, уверенно завладевая фотоаппаратом. — Я сейчас всех сфотографирую!

Габриэль, Жозеф и Тамба-Тамба притащили из класса скамейку и встали на нее, несколько ребят выстроились перед ними.

— Не шевелиться! — приказал Фернандо. — Готово!

В это время к школе подошла учительница и поздоровалась с ребятами. Увидев Тамба-Тамба с новым фотоаппаратом, она сказала:

— От души поздравляю тебя, Тамба-Тамба, с победой в викторине и с таким замечательным призом.

— Какая викторина? Расскажи, Тамба-Тамба! — попросили ребята.

— Я лучше прочитаю. Вот, смотрите!

Тамба-Тамба достал из нагрудного кармана школьной формы сложенный вчетверо листок, на котором было написано: «Что вы знаете о Советском Союзе? Участие в викторине могут принять жители городов и сел Народной Республики Конго».

И Тамба-Тамба прочитал ребятам вопросы.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил пораженный Жозеф.

Пионеры Конго часто гостят в Артеке. И советские пионеры отдыхают в лагере конголезских пионеров на реке Дзжу.

Для конголезских ребят такая игрушка пока в диковинку.

— Узнаешь и ты, когда станешь пионером, — ответил Тамба-Тамба. — Мы дружим с советскими ребятами, стараемся больше узнать о стране Октября...

Тут прозвенел звонок, и ребята поспешили в класс на урок.

Тамба-Тамба проявляет бдительность

На берегу быстрой реки Джуэ, притока Конго, раскинулся пионерский лагерь, подарок советских строителей пионерам Браззавиля. В лагере можно научиться играть на гитаре или на африканском барабане тамтаме. Здесь есть кружок рисования, фотокружок и многие другие. Руководят кружками вожатые, члены Союза конголезской социалистической молодежи. Там работают и советские педагоги, приехавшие в молодую африканскую республику.

Как-то раз после уроков в лагерь на реке Джуэ пришли Фернандо с гитарой и Тамба-Тамба в сопровождении белой с черными ушами собаки.

— Какой породы твой пес? — спросил друга Фернандо.

— Это охотничья собака. Ее зовут Мико, — гордо ответил Тамба-Тамба. — Я подарил щенка советской учительнице, с которой занимаюсь

русским языком. Сейчас учительница в отпуске и собаку доверила мне!

До начала занятий в кружке рисования, Тамба с собакой отправился погулять.

С футбольного поля доносился судейский свисток и дружные вопли болельщиков. Тамба-Тамба свернул в заросли бамбука и пошел по узкой тропинке, ведущей к реке. Мальчик что-то мурлыкал себе под нос, а пес время от времени прыгал за огромными бабочками.

Так они шли довольно долго. Вдруг Мико натянул поводок и потащил Тамба-Тамба в заросли. Мальчик спотыкался о корни, ветки больно хлестали его по лицу, а собака продолжала бежать вперед.

Наконец Мико остановился перед погребом с дощатой дверью, совсем незаметной в кустарнике.

«Интересно, что там, внутри?» — подумал Тамба-Тамба.

Он потянул дверную ручку на себя, и дверь приотворилась. Мальчик и собака спустились в погреб. На земляном полу лежали два больших свертка, рядом с ними длинный шнур.

— Бежим, Мико, — приказал мальчик, — надо поскорее рассказать обо всем Фернандо.

Тамба-Тамба рассказал другу о своем открытии. Ребята вместе отправились к бамбуковой роще.

Они бежали молча. Мико уверенно вел их в зарослях кустарника. Вот и знакомая дверь. Мальчики увидели около нее двух незнакомых людей.

— Оставайся здесь, — шепотом приказал Фернандо, — а я побегу на контрольно-пропускной пункт электростанции — вызову милицию.

Тамба-Тамба держал Мико за ошейник. Вдруг в погребе вспыхнул огонек зажженной спички. Осветилась щель приоткрытой двери. Мико неистово залаял. Дверь распахнулась, из погреба выскочили трое мужчин и опрометью бросились к реке.

И тут появились бойцы народной милиции с автоматами. Они бросились вдогонку за беглецами, а один, лейтенант, вошел в погреб.

— Молодец, Тамба-Тамба! Враги революции готовились взорвать дамбу, вывести из строя водохранилище, — сказал лейтенант, когда вышел наружу. — Спасибо тебе за бдительность!

Тамба-Тамба отдал пионерский салют.

СООБЩЕНИЕ В НОМЕР

ПРОТЕСТУЕМ!

17 февраля мир облетело тревожное известие: китайские агрессоры вторглись на территорию Социалистической Республики Вьетнам. Вновь пришла беда на вьетнамскую землю. Более тридцати лет вьетнамский народ вел героическую борьбу против иностранной интервенции. И вновь проливается кровь во Вьетнаме. Мы возмущены агрессией, развязанной правящими кругами Китая против народа Вьетнама. Мы заявляем о своей солидарности с народом Вьетнама. Вместе со всеми честными людьми Земли, полностью поддерживая заявление Советского правительства, требуем: «Руки прочь от Вьетнама!» Мы уверены, что правое дело вьетнамского народа победит!

Члены Клуба интернациональной дружбы имени Юрия Гагарина
Московского городского Дворца пионеров и школьников

НОВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ВИКТОРИНА ВИККИ

1 В честь какого события Организация Объединенных Наций назвала 1979 год Международным годом ребенка?

2 С первых лет Советской власти дети в СССР окружены особой заботой взрослых. Борьбе за счастливое детство посвящены ленинские декреты, другие документы правительства. Права детей закреплены во многих статьях Конституции СССР.

Расскажите, что делает Советское государство для вас, для вашей семьи? Как вы учитесь, как отдыхаете? О чем мечтаете и как собираетесь осуществить свою мечту?

Здравствуйте, ребята!

Вы, конечно, узнали меня, Викки?

В прошлом году, отвечая на мою «Фестивальную викторину», вы просили меня о новой встрече.

И вот я снова на страницах журнала «Пионер».

Повод для новой встречи важный: вы знаете,

что 1979 год — Международный год ребенка, и я предлагаю читателям «Пионера» новую викторину.

Ребята, приславшие самые полные ответы, будут награждены путевками в «Артек», призами СИМЕА, КМО СССР, журнала «Пионер»,

а лучшие коллективные работы КИДов и отрядов — грамотами Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Можно отвечать на все вопросы, а можно на отдельные,

даже на один, только подробно.

Желаю вам успеха, дорогие мои друзья!

Жду ответов на вопросы викторины не позднее 25 мая.

Присылайте их в «Пионер».

На конверте не забудьте пометить:

«МЕЖДУНАРОДНАЯ ВИКТОРИНА ВИККИ»

1977 год, Москва, Кремль.
Сейчас ребята войдут в зал Дворца съездов,
где состоится торжественное открытие
Международного детского фестиваля
«Пусть всегда будет солнце!».

3 Вы читаете газеты, слушаете радио, смотрите телевизор, следите за событиями в мире. Как живет детям в зарубежных странах? Расскажите об этом.

4 Вы, наверное, знаете, что на XI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Гаване был Международный трибунал «Молодежь обвиняет империализм». Юноши и девушки из разных стран рассказывали о тяжелой доле молодых в капиталистических странах. Как вы считаете: в каких преступлениях перед детьми виновен империализм XX века? Что вы читали или слышали об этом?

5 «Пионер — друг пионерам и детям трудящихся всех стран» — один из законов пионеров. Какие международные акции солидарности проводили советские пионеры в последние годы, как помогали своим зарубежным сверстникам? Какое участие в этих акциях принимал ваш отряд, дружина, клуб интернациональной дружбы?

6 Вы знаете имена юных героев Бошко Буха, Фадыла Джамала, Даниеля Фери. Назовите еще имена ребят — борцов с империализмом, расскажите о подвиге одного из них.

7 Нынешним летом в Венгрии состоится международная встреча детей Европы. Представьте, что вы приехали на эту встречу. Что вы сказали бы зарубежным друзьям?

8 Перед вами значки мира, дружбы, солидарности. Чему они посвящены? Придумайте эмблему и девиз предстоящей встречи детей Европы.

9 На этих фотографиях Генеральный секретарь союза Коммунистической молодежи Чили Гладис Марин, лауреат Международной ленинской премии «За укрепление мира между народами» Мириям Вире-Туоминен. Кого из выдающихся борцов за мир, народное счастье, за права детей вы знаете еще? Расскажите о них.

Мириям Вире-Туоминен —
видный общественный деятель Финляндии.
Она побывала в Артеке на фестивале детства.

Гладис Марин на митинге
солидарности с борьбой народа Чили.

Переменка

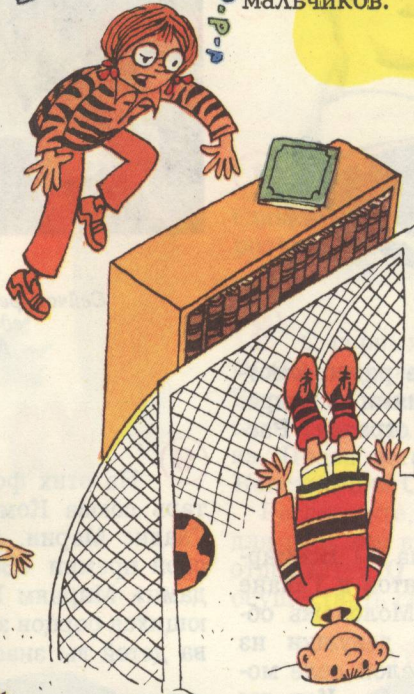
P-P-P-P-P-P-P-P-P-P

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учительница. Чем были вооружены солдаты в XVII веке?

Ученица. Мушкетерами.
Альфия Вахитова,
г. Ургенч.

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Учитель. Как устроен динамометр?

Ученик. На дощечке.

Леся Пивоненкова,
г. Тула.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учитель. Каких русских путешественников вы знаете?

Ученик. Пржевальского, Арсеньева, Мюнхаузена.

Вика Заморщикова,
с. Тектор, Якутская АССР.

* * *

Учитель. Почему вода Нила во время паводка кажется красной?

Ученик. Потому что в нем плавают красные крокодилы.

Женя Агафонова,
Архангельская область.

Из школьных сочинений

«Медведи набегали на жилища людей и пожирали их». «Пойдем и наберем большой букет, в котором много сена».

«Роза растет в СССР, Греции и в огородах... Роза — листопадное растение, иногда вечнозеленое и с шипами. Запах у этого цветка ароматный и вкусный. Как вдохнешь воздух, так и выпускать не хочется».

«Вратарь стоял, воткнувши голову в землю».

«Они сидели и взад-вперед болтали».

«Мы вчера вечером весь день катались на лыжах».

«Мальчик положил портфель на барьер, прямо на книги: наверное, они после школы играли в снежки».

Учитель. С кем торговала Индия?

Ученик. Купцы ездили по Средиземному морю на верблюдах.

Аня Пигонова,
г. Куйбышев.

Пусть снова ма- гический взойдет Солнце!

Два года назад лесное справочное бюро «Ау!» приняло тревожные сигналы:

— Я — белый галантус, я — голубая сцилла, я — алый тюльпан, я — сон-трава... Мы, подснежники, срочно просим защиты! Спасите нас!

Сигналы тревоги посланы растениями — теми, которым грозит исчезновение. Теми, что внесены в Красную книгу растений СССР. Особенно тревожно положение первых весенних цветов. Они, появляясь первыми после зимы, становятся добычей бездушных людей и жадных рук.

И лесное справочное бюро «Ау!» в ответ на эти сигналы передало призыв Красной тетрадки, младшей сестры Красной книги:

— РЕБЯТА! ВСТАВАЙТЕ НА ЗАЩИТУ ПЕРВОЦВЕТОВ! НАЧИНАЕМ ОПЕРАЦИЮ «ПОДСНЕЖНИК». СБЕРЕЖЕМ ВЕСЕННИЙ НАРЯД ЛЮБИМОЙ ОТЧИЗНЫ!

Сейчас мы с радостью можем сказать, что наши позывные были услышаны. Откликнулись не только школы, но и целые города.

В первую очередь мы назовем город Обнинск Калужской области... В Обнинске не было ни одной школы, которая бы не участвовала в операции «Подснежник» — всех их объединил городской штаб. Членами штаба были педагоги — Т. П. Куликова, начальник штаба, Е. А. Иванова, З. А. Гаврилова, Н. С. Павлова, старшая пионервожатая З. Н. Чалая. 6 апреля 1978 года заместитель председателя городского совета Всероссийского общества охраны природы Константин Иванович Сидоркин объявил, что операция «Подснежник» в Обнинске началась. Об этом же сообщила и городская газета «Вперед».

А теперь давайте заглянем в недалекое будущее.

Представим себе, что сегодняшние обнинские школьники стали взрослыми. И вот один из них, комсомольцем уехавший на далекую стройку, весной 2000 года навестил родные края. Он шагает по знакомой дорожке, вдыхая свежий запах молодых листьев. Деревья покачивают ветвями, словно приветствуя идущего. И человек улыбается. Какими же огромными стали «хлыстики», которые он, мальчишка, сажал здесь вместе с ребятами в давнее апрельское утро 1978 года!.. Участниками операции «Подснежник» было посажено 2700 фруктовых и декоративных деревьев и кустарников, на газоны высажено около 4000 цветов.

Человек шагает дальше. Под лесными деревьями — в Обнинске лес входит в город — доверчиво распустились первые цветы. В гости

к подснежникам пришли малыши из детского сада. Воспитательница рассказывает им историю маленькой Маши, которая гуляла здесь двадцать два года назад. Маше очень хотелось сорвать подснежник, но она не сделала этого. Ей объяснили, что если все Маши, Саша, Даши, Паши сорвут по цветку — подснежники вовсе исчезнут, и никто не увидит этого лесного чуда!

Малыши перешептываются, кто-то кричит воспитательнице:

— Марь Иванна! А мы догадались, кто эта Маша! Это вы!

Мы твердо уверены, что наш рассказ о весне 2000 года в Обнинске не фантастика. Здесь подснежники не переведутся. В отчете городского штаба говорится, что весной 1978 года не было замечено ни одного школьника, который срывал бы первые весенние цветы! Да и как их сорвешь, если об этом было прочитано в городе 20 лекций, проведено 400 бесед в школах и детских садах, писалось в стенных газетах. Триста восемьдесят ребячьих плакатов и рисунков просили, настаивали, убеждали: береги, охраняй, защити!

А после того, как летом 1978 года областной Совет народных депутатов наложил запрет на сбор и продажу двадцати двух видов дикорастущих во всей Калужской области, защитники медуницы, хохлатки и сон-травы могли уже не только уговаривать, но и требовать: за их плечами стоял советский закон.

Послушаем голоса и других ребят, которые прошлой весной, словно апрельские ручейки, зазвенели в другом краю — в Заволжье. С помощью саратовского областного штаба зеленых и голубых патрулей операция «Подснежник» развернулась в девяти районах области. И тем, кто ради личной корысти расхищает лесные богатства, губит весеннюю красоту, не стало покоя. Пионеры Аркадакской школы № 2 помогали милиции обнаружить нарушителей на рынках.

Ну, а в лесу... Леса, а значит, и лесные цветы в сухой заволжской степи, где находится Старопорубежская школа, редки. И старопорубежские школьники почувствовали себя на боевом рубеже. Их снайперским оружием стал фотоаппарат. Щелк! И тетенька, набивавшая в лесу рюкзак ландышами, заснята. Фото изображает ее.

Сотни плакатов в защиту первоцветов прислали ребята в редакцию.

В Заволжье нуждаются в охране не только лесные, но и степные цветы. В первую очередь красавец тюльпан. Одну из своих газет ребята так и назвали «Тюльпан».

В городе **Красный Кут** ни в домах, где живут ученики школы № 3, ни в самой школе не увидишь на столе букет диких тюльпанов и ландышей. «В вазу можно поставить только те цветы, которые сам вырастил!» — девиз краснокутцев.

То, что охраняешь, надо знать. Рисунки алых и желтых тюльпанов украсили альбом учеников 8-летней **Морцевской школы Федоровского района**. Ребята из кружка «Искатель» при областной станции юннатов по личным наблюдениям составили календарь цветения первоцветов. Календарь рассказывает о сроках цветения шести десятков растений, причем двадцать два из них — первоцветы.

Операция «Подснежник» увлекла учеников школы № 3 города **Вольска**. Ребята решили стать друзьями не только первоцветов, но и всех дикорастущих растений, круглый год охранять живую природу родного края.

За активную массовую работу по операции «Подснежник» обинцы и саратовцы награждаются почетными грамотами «Пионера» и медалями **Всероссийского общества охраны природы**.

Горячо поздравляем лучших защитников подснежников!

Познакомьтесь еще с одним нашим призером — школой № 4 литовского города **Радвилишкис**.

Тому, кто посетит эту школу, покажется, что он попал на залитую весенним солнцем лесную полянку: на стенах — огромные фотографии первоцветов, которые ребята изучают и охраняют.

Награждая ребят из **Радвилишкиса** медалью и почетной грамотой за участие в операции «Подснежник», «Пионер» желает им успеха на конкурсе по охране природы, который проводится в школах Литвы!

Теперь раскроем тетрадку, которую с любовью, тщательно, вдумчиво, терпеливо пять лет вела **Светлана Бут-Гусан** из хутора **Араканцева Ростовской области**. Ей помогали и дружка юннаты и местные старожилы. Здесь собрано все про тюльпаны — старожилы ласково называют их «лазориками». Здесь и описание знаменитых тюльпанов **Биберштейна, Шренка, Кауфмана, Тубергена, Борщова, Лемана, Блестящего, Розового, Пониклого, Белого**. Здесь и карта тюльпанных полей, и схема, показывающая площадь, какую занимают разные тюльпаны, и печальная диаграмма, на которой ясно видно, как с каждым годом площадь под тюльпанами уменьшается...

Чего же хочет **Светлана**, которую за любовь к тюльпанам тоже можно назвать «Лазориком»?

Сохранить тюльпаны, устроив здесь, в ростовской степи, ботанический заказник!

Награждая **Светлану** почетной грамотой «Пионера» и медалью **Всероссийского общества охраны природы**, мы передаем ее тетрадку в секцию охраняемых территорий **ВООП**.

Не каждый может провести такую работу, как **Светлана**, на каждому мальчику, каждой девочке, кто горячо откликнулся на наши призывы и сделал для защиты подснежников все, что мог, мы говорим: «Спасибо, ребята, вы молодцы!»

Волчник обыкновенный (волчье лыко)

Обницы ведут подсчет первоцветов: сколько их растет на квадратном метре. Слева эмблема городской операции «Подснежник».

Спасибо тем, кто, как ученики 6-х классов г. Тольятти, проводил с младшими ребятами беседы «Осторожно, первоцветы!», кто, как Тая Елнина с подругой Мариной, охранял полянку с фиалками (ст. Кяеня Курской области), кто, как Лена Перепелицына и Марина Кищенко, вовлек в зеленый патруль многих ребят (г. Орджоникидзе), кто, как Лена Бурлакова (Йошкар-Ола), Румик Бикбулатов (с. Ивачи Астраханской обл.), Света Стрельцова (г. Иркутск), Жения Парфенов (г. Куйбышев), сдержал свое обещание, не сорвал весной ни одного цветка.

Спасибо и тем (а таких ребят очень много), кто сражался за подснежники кисточкой и карандашом. Разбирая присланные на конкурс работы, жюри отметило плакаты Людэ Койши (с. Центральное Карагандинской области), Тани Яндюк (Иршанск Житомирской области), Елены Лидизи (Советская Гавань), Вовы Мирончика (г. Осиповичи Могилевской области), Людэ Сидоровой (с. Мостовая Пермской области), Тани Тимохиной (Комсомольск-на-Амуре), карикатуры Тамары Лаврентьевой (ст. Новоалексеевка Херсонской области), Н. Галуза и С. Тарасевич (г. Солигорск, БССР).

Жюри также отмечает В. Чернюк (Братск) и Таню Калашниченко (Москва), придумавших к своим рисункам оригинальные подписи, тексты. На плакате у В. Чернюк позади вырванной с корнем луковицы первоцвета слова, которые за-

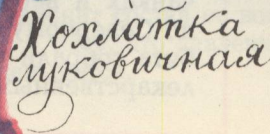
ставляют задуматься: «Опасно для совести». Тая над весенним цветком написала: «Пусть снова над ними взойдет солнце». Мы назвали так статью, которую вы сейчас читаете. В этом смысл операции «Подснежник»: научить как можно больше людей любить, беречь, защищать родную природу.

И мы верим, ребята, что эта любовь уже заглялась в ваших сердцах и вы пронесете ее через многие-многие весны, через всю вашу жизнь.

Совет операции «Подснежник»

Лесное справочное бюро «Ау!» сообщает:

На страницах «Пионера» открылась выставка «Не дадим в обиду». Ждем от вас писем и рисунков в защиту природы, в защиту растений и животных.

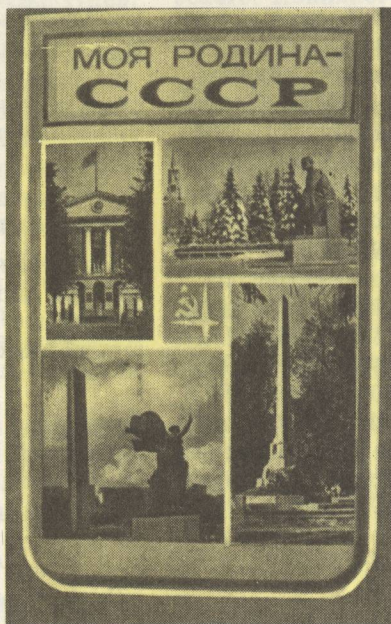
Каждое лето по дорогам страны шагает человек с рюкзаком за плечами. Встречает на лесной поляне или у тихой речной заводни утренний рассвет. Человек этот добрый — не разорит муравейника и гнезда, не нарвет охапки цветов, а если увидит, что роднику или ручейку нужна помощь — тут же поможет, расчистит от опавших листьев родник, чтобы текла прохладная и чистая вода. Человек этот зоркий: все замечает, записывает в дневник, чтобы потом рассказать друзьям о новых стройках, об интересных встречах с бывальыми людьми. Человек этот трудолюбивый: надо прополоть овощи в колхозе — прополет, надо помочь убрать сено — снимет рюкзак и вместе со всеми будет сушить сено. Этот добрый, зоркий, трудолюбивый человек — ты сам, твой друзья по отряду, участники Всесоюзной туристско-краеведческой экспедиции пионеров и школьников.

Эта замечательная традиция родилась в пионерской организации давно. В 1932 году В. В. Куйбышев обратился ко всем комсомольцам и пионерам страны с призывом хорошо узнать свою страну, открывать новые месторождения полезных ископаемых, новые почвы и растения и использовать природные богатства с пользой для страны.

И сразу же пионеры горячо откликнулись на этот призыв партии. В июле — августе 1932 года состоялись две Всесоюзные пионерские экспедиции. Первая в Казахстан. Ребята на верблюдах преодолели сотни километров и собрали богатый гербарий и семена засухоустойчивых дикорастущих растений. Вторая отправилась на походных тачанках и верхом на конях по Северному Кавказу. Ребята собрали много редких лекарственных трав. Третья

ЭКСПЕДИЦИЯ ТУРИСТСКО- КРАЕВЕДЧЕСКАЯ

пионерская экспедиция путешествовала по Волге, исследовала прибрежные пастбища. Четвертая летом 1934 года отправилась на Алтай по заданию И. В. Мичурина. Два месяца путешествовали ребята и выполнили задание ученого — собрали плоды ценных ягодных и дикорастущих растений.

Сейчас туристскими тропами и дорогами шагаешь ты. Много интересного ожидает тебя этим летом, когда начнется экспедиция «МОЯ РОДИНА — СССР».

В каждом городе и районе есть улицы, заводы и фабрики, электростанции и шахты, колхозы и совхозы, которые носят имя В. И. Ленина или награждены орденом Ленина. Постарайтесь как можно больше узнать об истории этих предприятий, об их сегодняшнем дне.

В каждом городе и поселке есть улица Ленина, улицы, которые названы в честь пламенных революционеров — соратников Ильича. Постарайся узнать историю таких улиц, встретиться с жителями, записать их рассказы.

В каждой республике, области, крае есть ударные комсомольские стройки. Побывайте на них, сделайте фотоснимки, зарисовки, организуйте встречи с ударниками десятой пятилетки.

На твоём пути встретятся пионерские лагеря, туристские базы, дворцы и дома пионеров, детские стадионы и кинотеатры. Узнайте в Советах народных депутатов о том, что создано для ребят в последние годы, проведите костры дружбы, посвященные Международному году ребенка.

На вашем пути обязательно встретятся интересные музеи, памятные места. И оживут для вас многие страницы учебников по истории, литературе, географии... Об этих музеях рассказано в книжке, которая называется — «Моя Родина — СССР». Ее выпустило для вас издательство «Молодая гвардия».

На улице еще весна, но до лета осталось не так уж много времени. Оно промелькнет незаметно.

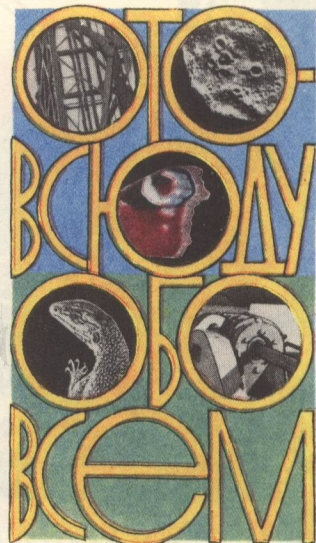
Готов ли рюкзак к походу? Нанесен ли на карту ваш маршрут? Отправлены ли письма вашим друзьям, с которыми вы хотите встретиться? Уже готовы, уже отправлены! Тогда «Пионер» желает тебе счастливой дороги и ждет интересных сообщений.

Из Москвы в Антарктиду — самолетом

Круглый год работают в Антарктиде советские научные станции. Но только один раз в год приходят в Антарктиду суда. Они привозят новую смену ученых и все необходимое для их работы. Два месяца сквозь тропический зной и полярный холод идут корабли к Антарктиде. Но скоро ученые будут летать из Москвы в Антарктиду самолетом. Всего через сутки после вылета самолет ИЛ-18 приземлится на советской научной станции «Молодежная».

Раньше такие полеты были невозможны: в Антарктиде не было аэродрома, на который мог бы приземлиться тяжелый самолет. Сейчас такой аэродром строят. Строят не из бетона, как обычно, — пришлось бы везти с Большой земли десятки тысяч тонн строительных материалов, — а из фирна. Фирн — это слежавшаяся от времени ледяная крупа, толстым слоем покрывающая поверхность Антарктиды. На фирн тяжелый самолет сесть не может: колеса увязнут, и самолет перевернется. Для того, чтобы сделать фирн прочным, строители придумали машину. Ты поймешь, как она работает, если представишь себе, как делается снежок. В руках снег подтаивает, становится более плотным. Если потом дать ему замерзнуть, снежок станет твердым, как камень. Машина тоже сначала немного растопит фирн, затем утрамбует его, и получится ровная прочная площадка.

Самолеты доставят в Антарктиду не только зимовщиков, но и почту, свежие овощи и фрукты.

Мчится поезд без колес

В будущем году в Алма-Ате начнут строить магнитную пассажирскую дорогу. На улицах поднимутся опоры, на них ляжет эстакада. По этой эстакаде со скоростью 120 километров в час помчатся поезда... без колес.

Чтобы понять, как действует дорога, возьми два магнита и попробуй соединить их южные по-

люса. Они оттолкнутся друг от друга. И северные тоже отталкиваются. На новой дороге мощные электромагниты создадут магнитное поле под днищем вагона. Этого же знака будет и магнитное поле эстакады. И поезд, отталкиваясь в воздухе поплывет, над эстакадой!

Трение между вагоном и дорогой у такого поезда почти отсутствует, и поэтому он может развить огромную скорость. Колес у поезда нет, и он совсем не шумит. Он не загрязняет атмосферу.

Такая дорога — первая в нашей стране.

Летящий над волнами

Первые корабли на воздушной подушке путешествовали по рекам, — там, где нет высокой волны. А теперь этим судам даже морские волны не страшны. С апреля прошлого года французский паром на воздушной подушке — «Инженер Жан Бертъен» — перевозит грузы и пассажиров через пролив Ла-Манш между Англией и Францией. Паром летит над волнами со скоростью самолета, а груза берет столько же, сколько и небольшой корабль.

Это самое большое в мире судно на воздушной подушке высотой с пятиэтажный дом за один рейс перевозит 400 пассажиров и 65 автомобилей. «Инженер Жан Бертъен» пересекает Ла-Манш всего за полчаса.

Проект «Хлорелла»

После полета советских автоматических станций «Венера-9» и «Венера-10» стало ясно, что атмосфера Венеры — почти чистый углекислый газ, давление в сто раз больше земного, температура — 500 градусов. В такой жаре плавятся многие металлы.

Для того, чтобы люди могли когда-нибудь работать на Венере, известный американский астроном Карл Саган предложил... изменить атмосферу Венеры. Миллиарды лет назад в атмосфере Земли тоже не было кислорода. Его создали зеленые растения. А почему бы таким же способом не «оздоровить» и венерианский воздух? Карл Саган предлагает забросить с помощью автоматических станций в атмосферу Венеры простейшую водоросль — хлореллу. Она неприхотлива и, как любое растение, «поедает» углекислый газ и выделяет кислород.

Если хлорелла будет хорошо себя чувствовать на Венере, то через очень продолжительное время она изменит состав ее воздуха. А это, по расчетам Сагана, приведет к тому, что давление и температура у поверхности планеты уменьшится.

УМА ПАЛАТА

ответственный дежурный Н. Ризговоров, рисунки Я. Вовиковой

счётная машина $4763+2436=6803$

Дикобраз в подарок сыну
Сделал счетную машину.
К сожалению, она
Недостаточно точна.
Результаты перед вами,
Быстро все исправьте сами.
Живчикки.

Примечание: чтобы решить
все примеры, достаточно в
каждом из них поменять
местами две цифры. Какие?

- $83-17=21$
- $276-182=114$
- $1903-1572=4335$
- $56384-42701=14783$
- $13+2=33$
- $243+21=255$

Игры Луны и Пинцета

Все на выставку

Луна и Пинцет готовят большую филателистическую выставку. Выставочный зал они хотят перегородить стендами так, чтобы в каждом зале-отсеке были марки на ту или другую тему. Но им хочется поставить перегородки так, чтобы посетители выставки могли обойти всю ее, не пропустив ни одного зала, но и не заходя в один и тот же зал дважды.

Перед вами несколько проектов выставки; рассмотрите внимательно их и скажите, какие из них удовлетворяют требованиям Луны и Пинцета.

ЧУДАКИ

Никогда я не скучаю,
Мой характер не таков:
Если скучно, вырезаю
Из бумаги чудаков.

При внимательном осмотре
Вы сумеете сказать:
Сколько раз мы можем по три
Чудаков сгруппировать?

Ну, например, у трех чудаков
черные головы, а еще у
троих есть пальцы и так да-
лее.

Очень просто сделать это,
С нетерпением жду ответа.
Живживка.

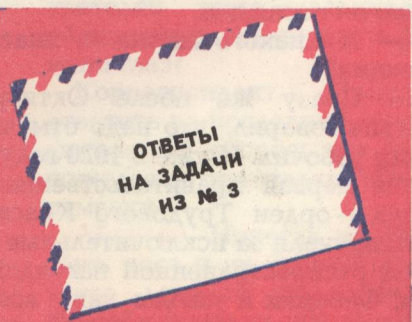
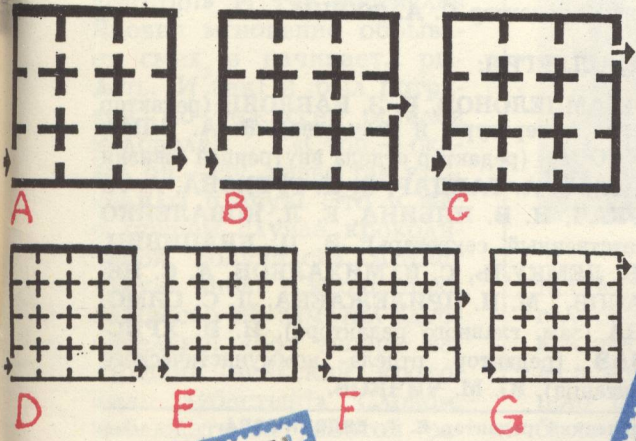

Ремонт

Задачи смысла и прост и ясен,
Она достаточно легка:
Героями крыловских басен
Слова дополните!
Пока!

Дед Буквоед.

- Т --- тор
- по --- од
- чере ----
- двуст ---- а
- по ---- дник
- за ---- ка
- омка
- п ---- ок

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА
Кто был первым? — лось,
лиса, заяц.
На битву с драконом
92647
+ 92647
1852294

**ОТВЕТЫ НА КОНКУРС
«ЗАМАРКАНЬТЕ НОСОРОГА»
ПРИСЫЛАЙТЕ ДО 15 МАЯ.**

Геральдика трудовой славы

— Сколько же их у вас, Василий Николаевич!

Мы дома у Василия Николаевича Ильинского. Здесь всюду — значки. Они лежат на столе и на тумбочке. На стенах висят картонные планшеты, унизанные значками. В шкафах — папки и альбомы. Там тоже значки.

— Никогда их не считал, — говорит Василий Николаевич. — Дело не в количестве. Я собираю значки, посвященные трудовым подвигам советских людей. Просматривая книги и каталоги, выясняя, где, когда и в честь какого события был сделан значок, узнаю массу интересных вещей из истории нашей страны. На каждый значок у меня заведена карточка, в которой есть не только его описание, но и краткие сведения о событиях, которым он посвящен.

— А с какого значка начинается ваша коллекция?

— Сразу же после Октября Владимир Ильич говорил, что надо отмечать труд лучших рабочих. И уже в 1920 году была учреждена первая правительственная награда за труд — орден Трудового Красного Знамени. Его вручали за исключительные заслуги, а самой распространенной наградой стали значки. Фабрики и заводы чаще всего сами изготавливали их. Первой такой наградой была бронзовая медаль-жетон в честь открытия Шатурской электростанции, первенца ленинского плана ГОЭЛРО. Это был праздник для всей страны.

А потом были значки первых пятилеток. В начале первой пятилетки возникло движение за ударный труд. К концу двадцать девятого года в стране уже было триста тысяч ударников. Значки в этих папках и там, на стенах, — это все награды за ударный труд. Они наглядно показывают, какого размаха

Продолжение на последней обложке.

СОДЕРЖАНИЕ

В этот памятный майский день. — Рассказ З. Воскресенской. Рисунок С. Трофимова . . . II обл.	
На просторах Родины	
Здесь рождаются «Жигули». — С. Иванов	7
Фотографии С. Лидова	
На космических трассах. — В. Губарев. Рисунок	
Н. Доброхотовой	8
Гражданам XXI века	
Год детей — год дружбы. — Е. Войцеховский	9
Боевой листок. — Фотографии В. Гусева, Фото-	
хроники ТАСС	10
Ты, я, наш отряд	
Одна двадцать пятая отряда. — И. Урицкая.	
Рисунок С. и В. Костициных	12
Ребята рассказывают о Сибири	14
Колыбельная для брата. — Повесть В. Крапивина.	
Продолжение. Рисунок Е. Медведева	15
Подснежник. Сварщик. Ветка яблони. Тренер. —	
Стихи Г. Блэнару. Перевел с молдавского	
М. Яснот. Рисунок А. Борисова	33
По путевке Ленина. — З. Дымов. Литературная	
запись Г. Головиной	34
Ученье — твой главный труд	35
Кем стать, каким стать?	
Сестрица Алёнушка. — Г. Файбусович, фото-	
графия В. Постникова	37
Сами о себе	40
Карусели над городом. — Повесть Ю. Томина. Ри-	
сунки В. Дудкина	41
А я не советую! — Л. Успенский. Рисунок	
А. Вовиковой	50
Международный пионерский клуб «Товарищ»	
Про пионера Тамба-Тамба и его друзей. —	
Д. Энтина. Фотографии В. Федорова	52
Новая международная винторина Винки. —	
Фотографии В. Задвилья и С. Макеева	54
«Переменка» — Ведет Н. Ростовцева. Рисунок	
Е. Шабельника 56, III обл.	
Красная тетрадка	
Пусть снова над ними взойдет солнце! —	
Н. Надеждина. Рисунок А. Борисова	57
Малая пионерская энциклопедия	60
Отовсюду обо всем	61
Ума палата. — Ответственный дежурный Н. Раз-	
говорков. Рисунок А. Вовиковой	62
Геральдика трудовой славы. — А. Шведов. Рисунок	
А. и Н. Строгановых 64, IV обл.	
На обложке:	
Сбережем весенний наряд Отчизны! —	
Рисунок А. Борисова.	

Главный редактор С. А. ФУРИН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Р. З. БАВЛОЯН (редактор отдела литературы и искусства), В. А. БЛИЗНЕНКОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, Л. С. СИМОНОВА (зам. главного редактора), И. И. ХРИСТОВАЯ (редактор отдела коммунистического воспитания), Ю. М. ЧИЧКОВ.

Технический редактор Е. Г. ЕВДОКИМОВА.
Макет Ю. Л. РОДИНА.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1979.

Адрес для писем: 101456, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 25.01.79.
Подписано к печати 26.02.79. А 01025. Формат 84×60¹/₈.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 760. Заказ № 129.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЕРЕМЕНКА

Наш корреспондент Регина ДУБОВИЦКАЯ передала артисту МХАТа Всеволоду АБДУЛОВУ просьбу читателей прийти на «Переменку» «Пионера» и рассказать о своей работе.

Корреспондент. Расскажите, пожалуйста, когда и как вы стали актером?

Абдулов. Очень рано. Притом сначала я стал радиоактером. Еще мальчишкой я попал на радио. Помню, когда я впервые вошел в студию звукозаписи, меня поразил Ростислав Янович Плятт. Он рассказывал своим коллегам какую-то смешную историю, и вдруг режиссер дает команду: «Мотор!» И тут Ростислав Янович мгновенно обрывает смех и начинает... рыдать. И как! Я был потрясен, но режиссер остался недоволен. «Стоп,— сказал он.—Ну, разве так крокодилы плачут? Это у вас в лучшем случае крокодиленок получился». Артист плакал вновь и вновь, пока режиссер не заметил одобрительно: «Вот теперь настоящий нильский крокодил, зубастый!» Словом, наблюдать за работой радиоактеров было необыкновенно интересно, а уж играть вместе с ними—это просто счастье!

Корреспондент. Как радиоактер, вы сыграли очень много ролей...

Абдулов. На радио я сыграл, пожалуй, всю много-томную энциклопедию «Жизнь животных» Брэма.

От маленького жучка до огромного-преогромного кита. Приходилось мне играть и неодушевленные предметы. Однажды мне позвонили и говорят: «Надо сыграть медный таз. Причем перевернутый вверх дном». Сперва я растерялся, но потом, посоветовавшись с режиссером, решил, что буду говорить и петь ме-

таллическим надтреснутым голосом. Вскоре после того, как эта передача прозвучала в эфире, в редакцию пришло письмо. На конверте было написано: «Актеру, исполнявшему роль таза». Автор письма упрекал меня: «Вы совершенно не знакомы с предметом, который играете. Где ж это видано, чтобы медный таз пел так глухо и фальшиво? Настоящий медный таз должен петь чистым нежным голосом, но чтобы в нем обязательно слышалась медь...»

Возразить автору письма было нечего: этот человек много лет играет в самодеятельном оркестре на медном тазе.

Корреспондент. В театре вы играете в двух детских спектаклях. Скажите честно, трудно играть для детей?

Абдулов. Как вам сказать... Когда несколько сотен ребят слушают тебя, затаив дыхание, и тишина в зале прерывается только возгласами «Ох!» или «Ах!»—это огромная радость. Но мои зрители относятся ко мне с гораздо меньшей симпатией, чем я к ним. Это и понятно: я играю в детских спектаклях отрицательные роли. Например, в «Синей птице» я играю сердитого кота, который постоянно обижает маленького милого песика. И вот однажды во время спектакля на сцену выбежал молодой человек лет четырех и—хлоп меня по усам. «Смотри,—говорит,—Котище—Серый хвостище, еще не так получишь, если будешь обижать маленьких!» Признаюсь, после этого случая я с опаской поглядываю в зрительный зал—нет ли сегодня среди зрителей этого мальчишка, обещавшего не спускать с меня глаз?

Корреспондент. Прошу ответить на последний, традиционный вопрос: что вы пожелаете читателям «Переменки»?

Абдулов. Никогда не вешать носа и не бросать начатое дело на полдороге. По себе знаю: то, что не получается сегодня, обязательно получится завтра... если постараться! А еще... улыбаться почаще! Улыбка делает девчонок и мальчишек сим-па-тич-нее!

Геральдика трудовой славы

Начало на 64-й странице.

достигло движение ударников. И оно росло от пятилетки к пятилетке.

Ударные бригады работали на всех главных стройках тех лет. Вот значок, посвященный «Днепрострою». Рядом значок, который вручали строителям канала Москва—Волга на торжественном заседании в Большом театре. Были значки, посвященные Беломорско-Балтийскому каналу, первому советскому автозаводу АМО, есть у меня и значок, которым награждались строители Магнитки.

В 1929 году в Москве состоялся первый Всесоюзный съезд ударных бригад. Тогда же возник лозунг «Пятилетку — в четыре года». Эти цифры — «5 в 4» — можно увидеть на многих значках того времени.

Были значки и «Лучшему колхознику-

ударнику», «Лучшей ударнице», «Лучшему ударнику ВОИЗ» (Всесоюзного общества изобретателей). А вот значок, которым награждали строителей Байкало-Амурской магистрали еще... до войны. Эту дорогу начали строить в 1940 году. Война помешала закончить строительство.

А вот самый современный значок, его носят лучшие строители олимпийского комплекса...

Так я познакомился с Василием Николаевичем Ильинским. Один коллекционер назвал его профессором фалеристики — науки о собирании значков. О значках Василий Николаевич написал три книжки. Скоро на нескольких иностранных языках выйдет в свет четвертая — об олимпийских значках.

А. ШВЕДОВ

